

ТРУДЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

**Средневековые
древности
Восточной
Европы**

МОСКВА

ТРУДЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Выпуск 82

Средневековые древности Восточной Европы

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
Н. Г. НЕДОШИВИНА

Печатается по решению Ученого совета ГИМ

Рецензенты:

кандидаты исторических наук

И. И. ГУЩИНА и Н. А. МАКАРОВ

Средневековые древности Восточной Европы /Труды ГИМ. М., 1993.
Вып. 82. — 168 с., ил. 67.

Сборник составлен группой сотрудников отдела археологических памятников Государственного Исторического музея и охватывает значительный промежуток времени — от VIII до XIII вв. Все статьи объединены общей проблематикой, центральное место в которой занимают вопросы этнокультурной истории и ремесла Древней Руси. В сборнике публикуются новые материалы, большинство которых получено авторами статей в результате собственных полевых исследований и хранится в фондах ГИМ.

Для широкого круга специалистов, занимающихся историей Древней Руси, а также музейных работников.

СТАТЬИ

М. В. Фехнер

Древнерусское золотное шитье X—XIII вв. в собрании Государственного Исторического музея

Среди памятников декоративно-прикладного искусства Древней Руси золотная вышивка представляет значительный интерес как источник, позволяющий осветить сложившееся в течение ряда поколений своеобразие народного художественного творчества, воссоздать мировоззрение народа, проследить его историко-культурные связи.

* * *

На Руси X—XIII вв., как и в других странах средневековой Европы, золотная вышивка широко применялась для украшения праздничной одежды, при оформлении интерьеров светских и культовых зданий. Изделия с золотной вышивкой неоднократно упоминаются в летописи при описании пожаров, при разграблении княжеских и церковных имуществ во время феодальных усобиц и вражеских нашествий, при перечислении предметов княжеской казны и вкладов в монастыри (1. С. 27, 127, 223). Несколько десятков шелковых изделий с золотным шитьем обнаружены при археологических раскопках в курганах, в гробницах знати, вкладах, случайно найденных при земляных работах.

Из-за непрочности текстильного материала сохранилось сравнительно небольшое число вышивок, и до недавнего времени они мало привлекали внимание исследователей, так как их изучение требует предварительного проведения трудоемких реставрационных работ. На невзрачных коричневато-желтых шелковых лоскутках, потерявших от длительного пребывания в земле первоначальную окраску, следы вышивок выявляются только после промывки, закрепления и пропитки смягчающим составом. Не всегда, правда, удается реконструировать вышитый узор, однако характер орнамента многих вышивок определяется по частично сохранившимся золотным нитям и оставленным ими в тканях отверстиям.

Значительная часть известных в настоящее время вышивок хранится в фондах Государственного Исторического музея. Эта

коллекция сложилась из вышивок, обнаруженных в раскопках дореволуционных и последних лет. Многие из них опубликованы в ряде изданий, но не введены еще в достаточной мере в научный оборот. Коллекция состоит из произведений орнаментального шитья, среди которых преобладают вышивки из женских захоронений сельских кладбищ различных областей Древней Руси. Данное собрание дает представление о характере композиции этих небольших произведений прикладного искусства, распространенных в домонгольское время повсеместно. Следует отметить, что по погребальному комплексу в целом, т. е. по погребальному инвентарю и обряду захоронения, вышивки достаточно точно датируются и могут служить критерием для хронологического определения приемов шитья.

Вышивка серебряно-позолоченными нитками, спряденными на шелковую или льняную основу, выполнялась только на шелковых тканях, преимущественно плотных безузорных и одноцветных красных различных оттенков. Шелковые материи, так же как металлические и шелковые нити, необходимые для вышивок, поступали на русский рынок из Византии и стран Востока. Разноцветные шелковые нитки обычно использовались для обводки контура рисунка, а пространство между контурными линиями зашивалось золотными нитками. Создавая сплошную блестящую поверхность отдельных элементов орнамента, золотное шитье X—XIII вв. ошибочно отождествляется некоторыми исследователями с парчой — материей, выработанной шелковой основой и металлическим утком. Детальное изучение подобных фрагментов в ряде музеев позволило заключить, что они не являются золототкаными, а представляют собой вышивку металлическими нитями.

Одежда из дорогих шелковых тканей была распространена только в среде светской и духовной феодальной знати. Вероятно, золотая вышивка, украшавшая их, создавалась в монастырях, как это было в Византии и западноевропейских странах. Известно, что сестра Владимира Мономаха Анна Всеволодовна открыла в Киеве в Андреевском монастыре в 1086 г. школу для обучения девочек вышивке золотом и серебром. Судя по княжеским вкладам в монастыри, состоящим из большого числа вышитых изделий, мастерские художественного шитья существовали, видимо, и при дворах великих и удельных князей. В описи XII в. монастыря Ксилургу на Афоне упоминаются вклады — пелены и епитрахили с вышивкой русской работы (2. С. 43; 3. С. 5; 4. С. 6.). Что же касается вышитых изделий из курганов сельского населения, то они, несомненно, были созданы местными вышивальщицами. Эти скромные вышивки на очельях, на широких отложных воротниках (5—8 см) и невысоких стоячих (2—4 см) поражают тонкостью исполнения, разнообразием мотивов, лаконичностью и изяществом рисунка. Судя по материалам коллекции Исторического музея, шелк применялся сельским населением только для украшения праздничного костюма, сшитого из шерстяной или льняной ткани. Для этого использовался красный шелк различных оттенков.

Самая ранняя из сохранившихся вышивок обнаружена в Чер-

нигове в кургане Черная могила второй половины X в. [Каталог (далее: Кат.) — № 1]. На иранской шелковой ткани саржевого переплетения вышит золотными нитями стилизованный растительный орнамент. Рисунок обведен четким контуром шелковыми нитками стебельчатым швом. По технике исполнения золотное шитье из Черной могилы идентично всем известным в настоящее время русским вышивкам с металлическими нитями X—XII вв. Золотные нити пропущены насквозь через шелковую ткань, образуя на изнанке короткие стежки, а на лицевой стороне длинные, плотно прилегающие друг к другу. Для заполнения узких полос узора стежки иногда располагаются под углом друг к другу в виде «елочки». Этот способ вышивки, так называемое шитье «на проем» или «в прокол», представляет известные трудности. Вышивальщицам приходилось при помощи тонких костяных проколов предварительно делать в материи крошечные отверстия, чтобы через них, не повредив дорогую шелковую ткань, пропустить на изнанку металлическую нитку.

В X—XII вв. подобный способ шитья был распространен не только на Руси, но также в Византии и в странах Западной Европы (5. С. 37).

Во второй половине XII — начале XIII в. в европейских странах, а в Византии раньше, судя по вышивке из погребения под полом византийского храма у с. Н. Тиберда, еще в конце XI в. (6), наблюдается переход к более простому, более рациональному приему вышивки — к шитью «в прикреп», при котором металлическая нить не пропускалась через ткань, а прикреплялась на ее лицевой стороне красной или под цвет золота шелковой ниткой еле заметными стежками. Таким приемом исполнена вышивка на широком отложном воротнике из женского погребения конца XII в. близ д. Старое Пушкино (Кат. — № 35); воротники женской одежды из византийского шелка, найденные при раскопках курганной группы конца XII — начала XIII в. в бассейне р. Оки у д. Маклаково, в 65 км к югу от г. Рязани.

Легкое, изящное золотное шитье на одном из воротников шириной 4,3 см (Кат. — № 39) в виде стилизованного «древа жизни» — мотива, идущего из глубокой древности и широко распространенного в средневековом искусстве западных и восточных стран, — исполнено в технике «на проем». Этот узор, своего рода оберег, очерчен шелковыми нитками стебельчатым швом.

Что же касается остальных двух великолепных воротников из Маклакова, то они уже вышиты двумя способами — «в прикреп» и «на проем». Так, большие плоскости узора вышивки, в виде примыкающих друг к другу стрельчатых арочек (Кат. — № 40), выполнены «в прикреп»: золотные нити прикреплены к лицевой стороне ткани красным шелком. При шитье более мелких элементов орнамента — каймы (из треугольников) и кружков, расположенных между арочками, мастерица прибегла к старому приему — «на проем». Этим же способом выполнен золотными нитями и контур основного узора. Кроме того, все элементы рисунка очерчены дополнительно

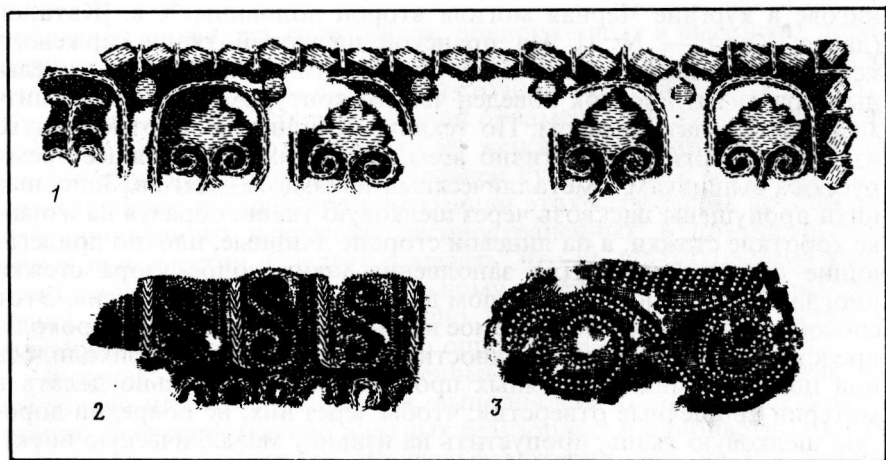

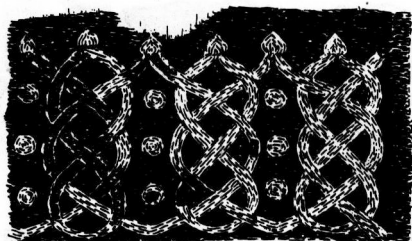
Рис. 1. Вышивки XI в.

1 — каталог, № 3 — Шелебово; 2 — каталог, № 5 — Троицкая группа; 3 — каталог, № 6 — Кирьяново

шелковыми нитками стебельчатым швом. В арочках прослеживается двойной шелковый контур, который, с одной стороны, отделяет золотный контур от фона ткани, с другой — от золотной плоскости арочек.

Искусство русских вышивальщиц особенно ярко проявилось в шитье маклаковского воротника. Воротник из плотного красного шелка саржевого переплетения сохранился почти целиком: длина его достигает 22,8 см, ширина равняется 2,5 см. Повторяющиеся по всей его длине круги (солярные знаки) исполнены в технике «на проем», а плетеный и зигзагообразный узоры внутри кругов — «в прикреп» (Кат. — № 38), для обводки контура орнамента и некоторых его деталей использованы шелковые нитки красного, золотистого и зеленого цветов. Частично сохранилась шелковая лента с золотой вышивкой «в прикреп», обрамлявшая край воротника.

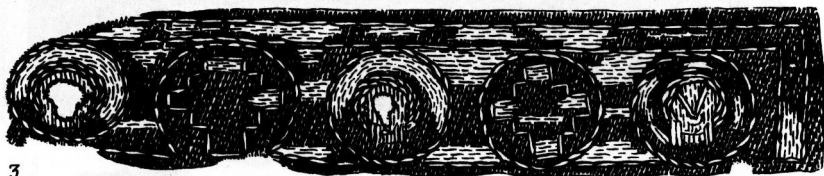
Следует подчеркнуть стилистическую и сюжетную связи данной вышивки с другими древнерусскими памятниками орнаментального шитья. Так, узор в виде двух переплетенных сердцевидных фигур и в форме сердца с завитком внутри аналогичен вышивкам из курганов Владимирской, Ивановской, Горьковской и Рязанской областей (9. С. 103, рис. 71; Кат. — № 8, 22, 25, 29). Близкий мотив имеется и на опястье и поясе кн. Владимира Ярославича (сына Ярослава Мудрого), умершего в 1052 г. и погребенного в Софийском соборе в Новгороде (7; 8. С. 129). Орнамент в виде кружков, символизирующих солнце, встречен на воротниках из женских захоронений в курганах Псковской, Новгородской, Ярославской и Смоленской областей (9. С. 51; Кат. — № 20, 28, 34). Такой же орнамен-

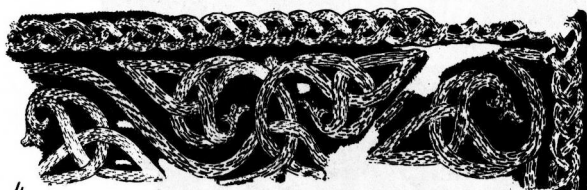
1

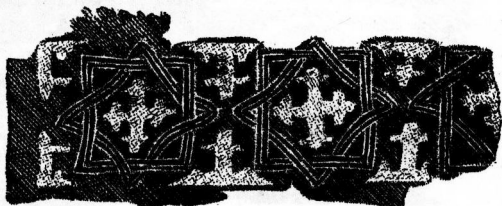
2

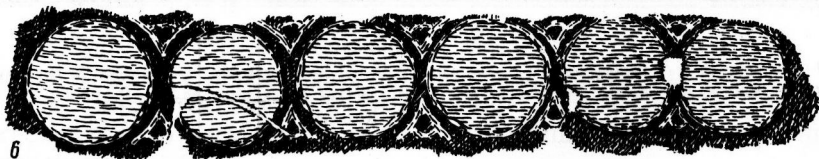
3

4

5

6

Рис. 2. Вышивки XI—XII вв.

1 — каталог, № 7 — Васильки; 2 — каталог, № 8 — Кубаево; 3 — каталог, № 10 — Кубаево; 4 — каталог, № 17 — Караш; 5 — каталог, № 18 — Караш; 6 — каталог, № 20 — Караш

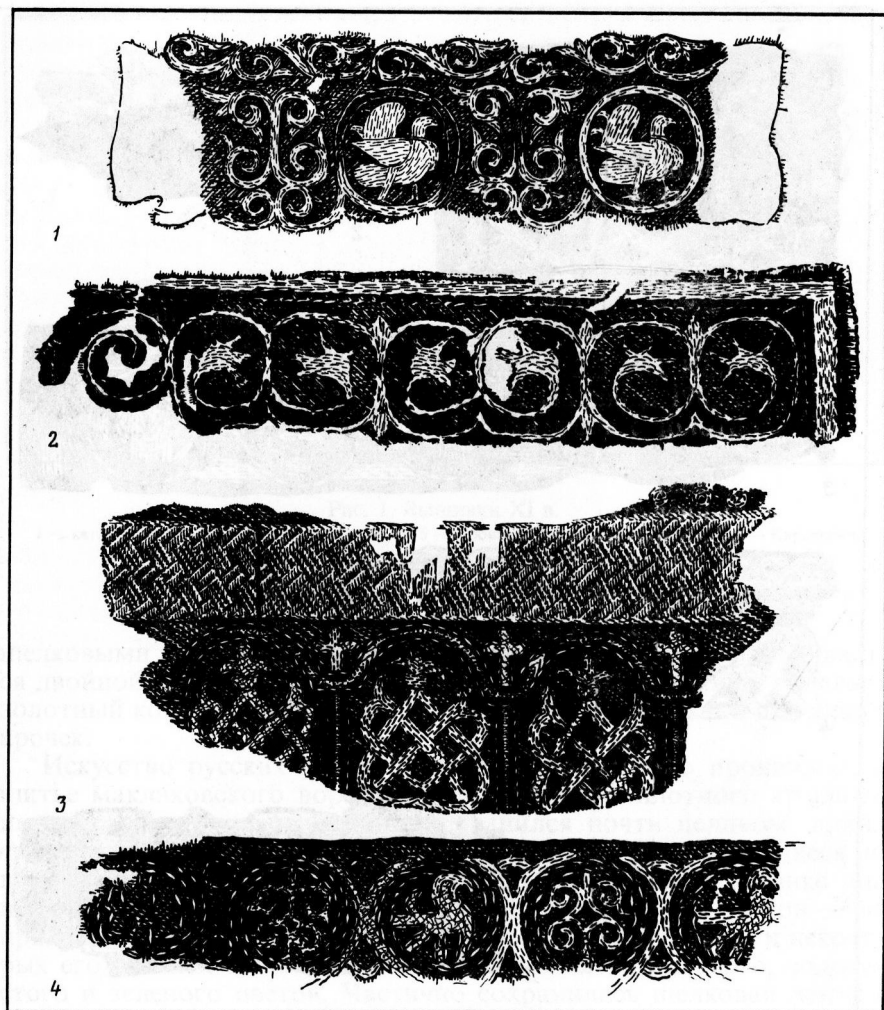
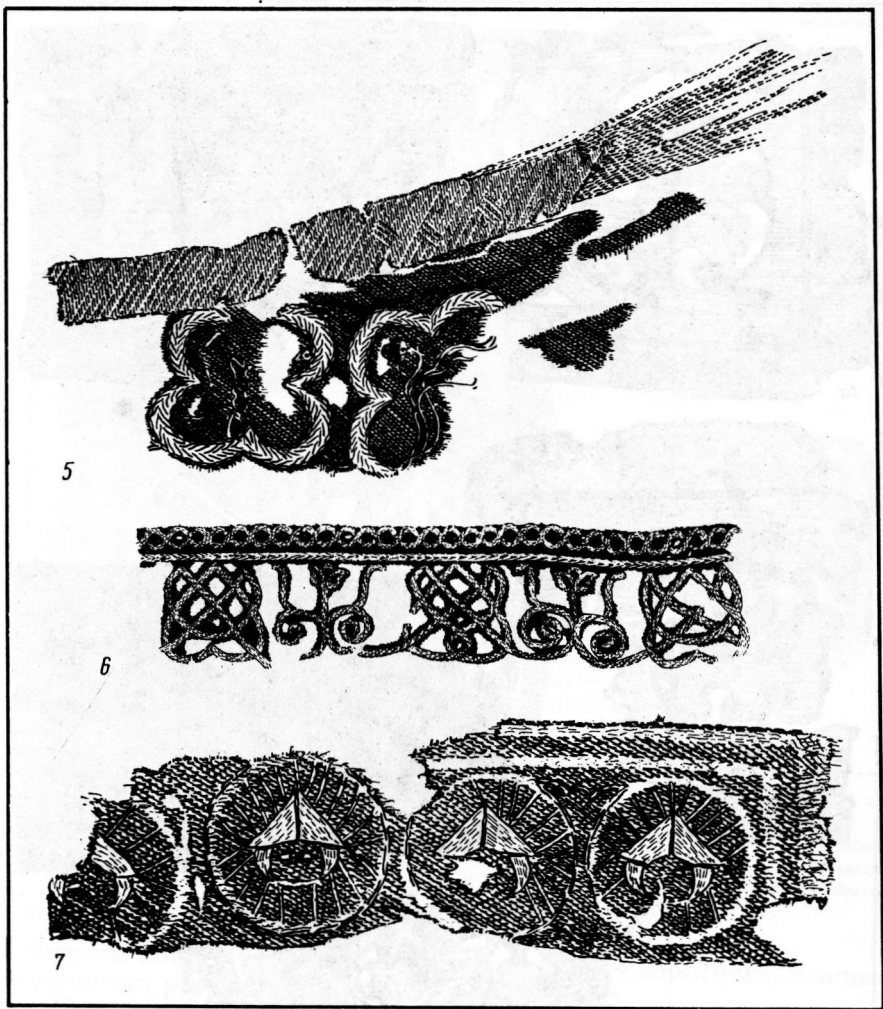

Рис. 3. Вышивки XII в.

1 — каталог, № 21 — Белогуровская; 2 — каталог, № 24 — Горьковская обл.; 3 — каталог, № 25 — Антоново;
4 — каталог, № 26 — Асеево; 5 — каталог, № 27 — Новлянская; 6 — каталог, № 29 — Ст. Рязань; 7 — каталог,
№ 33 — Коханы

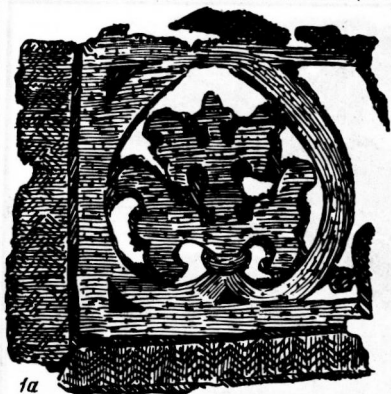
тальный сюжет известен и на вышитых тканях из тайника Десятинной церкви в Киеве и на Райковецком городище близ Бердичева (10, с. 130, рис. 95; 11, табл. XXIX, 3). Вышивка конца XII — начала XIII в., найденная в разрушенной гробнице у стены ц. Иоанна Богослова в Смоленске (Кат. — № 37), исполнена двумя приемами. Ее композиция в виде сетки из ромбов со вписанными кривыми и

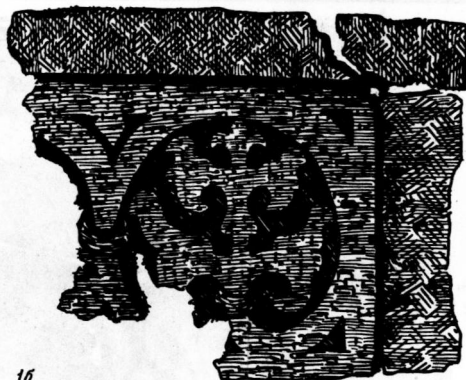
кружков в местах пересечения ромбов выполнена «на проем», а плетенка, обрамляющая узор, исполнена золотными нитками «в прикреп»; контур рисунка, как и на других вышивках того времени, вышит шелком.

Аналогичные трехлепестковые цветы встречаются на вышивке из Старой Рязани (12. С. 172, рис. 132, 1).

Большой интерес представляет вышивка XII в. на воротнике, обнаруженном в одном из курганов близ д. Коханы Смоленской области (Кат. — № 33). Она состоит из круглых медальонов, в которых размещены девичьи головки с распущенными волосами в высоких островерхих кокошниках. Золотными нитками «на проем»

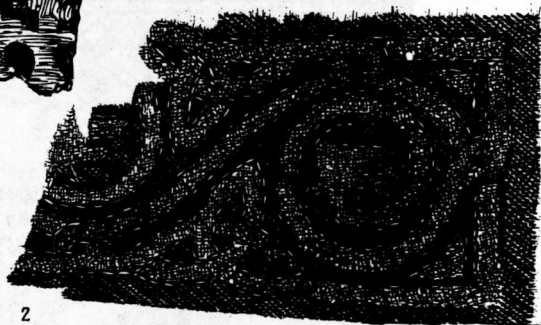
1a

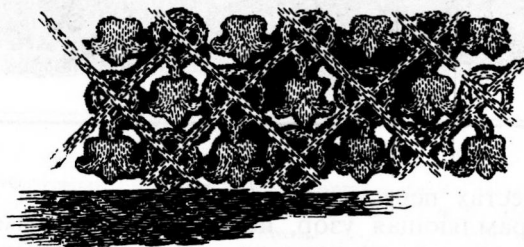
1b

1b

2

3

4

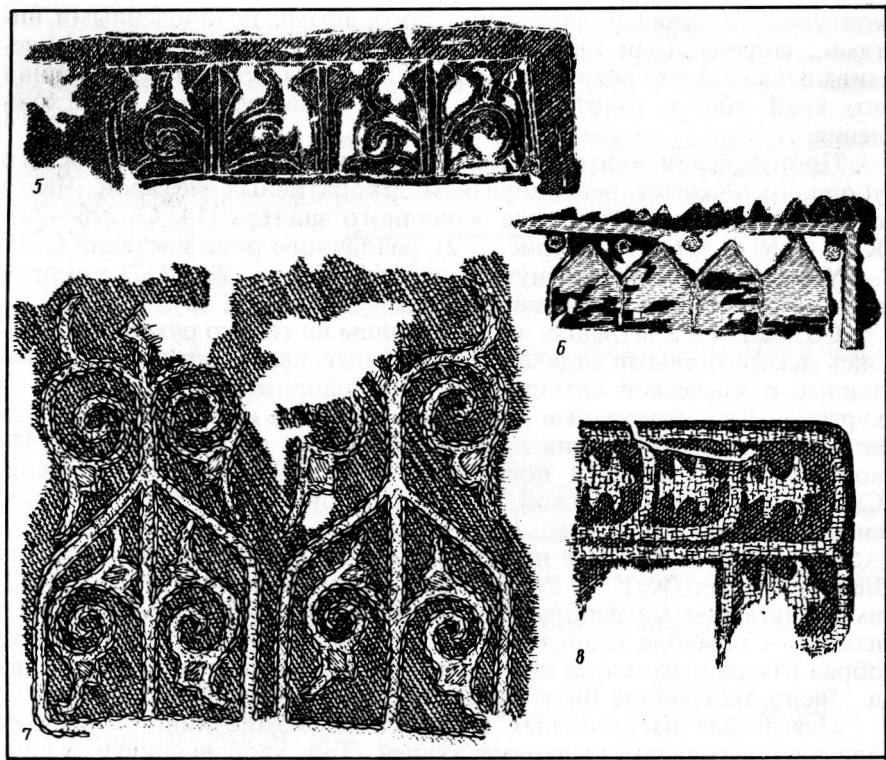

Рис. 4. Вышивки XII—XIII вв.

1 (а, б) — каталог, № 35 — Ст. Пушкино; 2 — каталог, № 36 — Аниськино; 3 — каталог, № 37 — из гробницы ц. Иоанна Богослова в Смоленске; 4 — каталог, № 38 — Маклаково; 5 — каталог, № 39 — Маклаково; 6 — каталог, № 40 — Маклаково; 7 — каталог, № 41 — Михайловский м-рь; 8 — каталог, № 45 — братская могила, Ст. Рязань

очерчены контур узора и полосы верхнего края воротника, а лица и кокошники расшиты цветным шелком гладью.

Изображение женской головки в высоком кокошнике имеется на золотом колте с перегородчатой эмалью XII в. из Киева (13. С. 46. Рис. 51, 52). Любопытно, что в центральных губерниях России островерхние кокошники бытовали вплоть до XIX в.

Уникально по своему узору шитье из кургана середины XII в. близ д. Новлянская (Кат. — № 27). В неглубокой могильной яме находилось захоронение женщины. На шейных позвонках скелета сравнительно хорошо сохранились остатки нарядного воротника из красного византийского шелка с золотым шитьем «на проем» (длина 16 см и ширина в 5,5 см). Он украшен серебряными позолоченными бляшками и вышивкой в виде крупных четырехлепестковых цветков, расположенных в ряд. Контур рисунка выполнен шелковыми нитками под цвет ткани, а пространство между

контурными линиями заполнено серебряными позолоченными нитями, спряденными на шелковую нитку. На воротнике прослеживаются следы вышивки мелким речным жемчугом. Верхний его край обшит золототканой лентой византийского происхождения.

Произведения золотного шитья, предназначенные для женского убора, отличаются разнообразием декоративных мотивов. Часто применялся орнамент в виде эсвидного завитка (14. С. 226—227; Кат. — № 4, 5, 6, 11, 12) (рис. 1, 2), различного рода плетений (Кат. — № 7), причудливо изогнутых стеблей (Кат. — № 17, 2) стилизованных растительных мотивов (Кат. — № 1, 3, 24, 45).

Создается впечатление, что мастерицы не только руководствовались декоративными задачами, но нередко выбирали сюжеты, связанные с языческой символикой. Так, например, в вышивках из курганов Владимирской и Рязанской областей в разных вариантах встречаются изображения лунниц, связанных с культом луны. На воротниках из женских погребений в Псковской, Новгородской, Смоленской и Ярославской областях вышит узор в виде кружков, символизирующих солнце. На очелье из женского погребения у д. Асеево (Кат. — № 26) и на воротниках из курганов близ деревень Белогуровская (Кат. — № 21) (рис. 3) и Коханы (Кат. — № 32) имеются вышитые изображения «древа жизни» и водоплавающей птицы — символа счастливой жизни. Аналогичный по трактовке образ птицы имеется на прекрасно сохранившемся воротнике близ д. Лисно, на границе Витебской и Псковской областей.

Некоторые из золотных вышивок по композиции и рисунку близки орнаментам шелковых тканей. Так, узор вышивки в виде сердцевидных фигур из курганов у деревень Кубаево (Кат. — № 8) и Ст. Быково (Кат. — № 22) почти полностью совпадает с орнаментом византийской ткани XII в. из Кестнер — музея в Ганновере (15. С. 134, табл. 33), а плетеный и зигзагообразный узоры на воротнике из Маклакова (Кат. — № 38) (рис. 4) повторяют орнаменты византийских золототканых лент.

Наконец, прослеживаются совпадения отдельных элементов вышивки с узорами ювелирных украшений, с заставками и инициалами рукописных книг. Так, мотив в виде эсвидного завитка известен на серебряных пластинках из Киевского клада 1824 г. (16. С. 104, рис. 66), на золотых воротах Рождественского собора в Суздале. Мотив плетенки выгравирован на серебряном колте XII в. из Чернигова (17. Рис. 26) и на створках серебряного браслета из Тверского клада 1906 г. (13. Рис. 145, 148); также использован для заставки рукописных книг XII в. (18).

Вышивка с растительным орнаментом на воротнике из братской могилы защитников Рязани (1237 г.) идентична рисунку на серебряных позолоченных подвесках из Киевского клада 1901 г. в усадьбе В. А. Орлова (19. С. 113, табл. XXXV). Это говорит о том, что городские ремесленники использовали мотивы народного творчества при создании своих художественных произведений.

Раскрытие смыслового и художественного значения вышитых узоров даст возможность проследить путь развития этого вида декоративно-прикладного искусства и выделить в нем черты национальных традиций.

Приведенный ниже каталог содержит только те образцы вышивок из собрания музея, рисунки которых достаточно полно удалось восстановить. Материал расположен в хронологическом порядке.

1. ПСРЛ. СПб., 1843. Т. II.
2. Новицкая М. А. Золотная вышивка в Киевской Руси // *Byzantinoslavica*. 1972. XXXIII/1.
3. Георгиевский В. Т. Древнерусское шитье в ризнице Троице-Сергиевской Лавры // *Светильник*. 1914. № 11—12.
4. Маясова Н. А. Древнерусское шитье. М., 1971.
5. Новицкая М. О. Гантування в Київській Русі // *Археологія*. Київ, 1965. Т. XVIII.
6. ГИМ. Инв. № 104196/2451; Макарова Т. И., Марковин В. И. Золотое украшение с перегородчатой эмалью из Сентинского храма // *СА*. 1981. № 3.
7. Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник. Инв. № 3799.
8. Каталог VI выставки произведений изобразительного искусства, реставрированных в Государственной центральной художественной научно-реставрационной мастерской. М., 1969.
9. Отчет В. И. Глазова о раскопках, произведенных в Псковской губ. в 1901 и 1902 гг. // *Зап. Русск. археологич. об-ва*. СПб., 1903. Т. V, вып. 1.
10. Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1956.
11. Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950.
12. Монгайт А. Л. Старая Рязань // *МИА*. М., 1955. № 49.
13. Рыбаков Б. А. Русское прикладное искусство X—XIII вв. Л., 1971.
14. Сабурова М. А. Стоячие воротники и «ожерелки» в древнерусской одежде // *Средневековая Русь*. М., 1976.
15. *Großvoldt R. Weberein und Stickereien des Mittelalters*. Hannover, 1964.
16. Кондаков Н. Д. Русские клады. СПб., 1896. Т. 1.
17. Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // *МИА*. М.; Л., 1949. № 11.
18. Новгородская Миняя — ГИМ. Синодальная № 163. Л. 1 об.
19. Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954.

К а т а л о г

Золотная вышивка

1. Фрагменты одежды (23,5x12; 19x6,5; 10x8,2 см). 960-е годы. Инв. 76990/оп.1539, № 89. Из кургана ЧЕРНАЯ МОГИЛА в Чернигове. Раскопки Д. Я. Самоквасова, 1872—1873. Одноцветный шелк с золотой вышивкой «на проем» стилизованного растительного орнамента; контур узора — стебельчатым швом шелком.
Фехнер, 1979. С. 402—403.
2. Фрагмент головного венчика (9x3 см). XI в. Инв. 55421/оп.1068, № 97. Из захоронения (курган 187) у с. ШЕЛЕБОВО (Давыдов курган), Владимирская обл. Раскопки А. С. Уварова, 1852. Одноцветный шелк с вышивкой золотными нитями «на проем»

- в виде стилизованных стеблей; контур узора — стебельчатым швом шелком.
3. Воротник стоячий (16x3 см). XI в. Инв. 55421/оп.1068, № 351. Из кургана у с. ШЕЛЕБОВО (Давыдов курган), Владимирская обл. Раскопки А. С. Уварова, 1852.
Одноцветный шелк с золотным шитьем «на проем» растительных мотивов в овальных клеймах и ряда кружков и прямоугольников над ними; контур узора — стебельчатым швом шелком.
Фехнер, 1973. С. 218, рис. 1.1.
 4. Фрагмент стоячего воротника (5,3x1,3 см). XI в. Инв. 76990/оп.829, № 17. Из захоронения (курган VI) у с. ЛАРИНОВКА, Черниговская обл. Раскопки Д. Я. Самоквасова, 1878.
Одноцветный шелк с золотным шитьем «на проем» эсвидных завитков.
Самоквасов, 1917. С. 92, рис. 105.
 5. Фрагмент очелья (6,4x2,7 см). XI в. Инв. 76990/оп. 790, № 23. Из детского захоронения (курган IX) ТРОИЦКОЙ ГРУППЫ НА БОЛДИНОЙ ГОРЕ, Черниговская обл. Раскопки Д. Я. Самоквасова, 1878.
Одноцветный шелк с золотной вышивкой «на проем» в виде прямоугольников с эсвидными завитками и ряда небольших кружков; контур — швом «вперед иголку» шелком.
Самоквасов, 1917. С. 88—89, рис. 95.
 6. Фрагмент воротника (8,5x4 см). XI в. Инв. 78607/оп.781, № 14. Из кургана у д. КИРЬЯНОВА, Ярославская обл. Раскопки Е. А. Ушакова, 1878.
Красный шелк со следами золотного шитья «на проем» в виде эсвидного завитка; контур рисунка — швом «вперед иголку» шелком.
 7. Фрагмент воротника (15,5x4,5 см). XI—XII вв. Инв. 54746/оп.2187, № 88. Из погребения (курган 206) у д. ВАСИЛЬКИ, Владимирская обл. Раскопки А. С. Уварова, 1851.
Красный шелк с вышивкой золотными нитями «на проем» ряда плетенок и небольших кружков между ними; контур орнамента — красным шелком швом «вперед иголку».
Уваров, 1872. Табл. XXXV, рис. 60; *Фехнер*, 1976. С. 223.
 8. Фрагмент воротника (10,2x2,3 см). XI—XII вв. Инв. 54746/оп.1275, № 6. Из кургана у д. КУБАЕВО, Владимирская обл. Раскопки А. С. Уварова, 1851.
Одноцветный шелк со следами золотного шитья «на проем» соприкасающихся сердцевидных фигур с завитками внутри; контур узора — шелком под цвет ткани швом «вперед иголку».
Уваров, 1872. Табл. XXXV, рис. 63; *Фехнер*, 1976. С. 223.
 9. Воротник стоячий (16, 5x2,5 см). XI—XII вв. Инв. 54746/оп.1275, № 9. Из кургана КУБАЕВО, Владимирская обл. Раскопки А. С. Уварова, 1852.
Полихромный шелк с золотным шитьем «на проем» лунниц и солярных знаков. Отдельные детали орнамента — шелковыми нитками гладью, контур — стебельчатым швом, шелком.

10. Фрагмент стоячего воротника (13,5x2,5 см). XI—XII вв. Инв. 54746/оп.1275, № 8. Из кургана у д. КУБАЕВО, Владимирская обл. Раскопки А. С. Уварова, 1852.
Красный шелк со следами золотного шитья «на проем» крестовидных фигур и лунниц в круглых клеймах; контур узора — стебельчатым швом шелком.
11. Фрагмент воротника (12,5x3,5 см). XI—XII вв. Инв. 54746/оп.1275, № 13. Из кургана у д. КУБАЕВО, Владимирская обл. Раскопки А. С. Уварова, 1852.
Синий шелк с золотным шитьем «на проем» эсовидных фигур; контур узора — швом «вперед иголку» красным шелком.
Фехнер, 1976. С. 223.
12. Фрагмент воротника (8,5x3,7 см). XI—XII вв. Инв. 54746/оп.1275, № 14. Из кургана у д. КУБАЕВО, Владимирская обл. Раскопки А. С. Уварова, 1852.
На одноцветном шелке золотная вышивка, аналогичная предыдущей.
13. Фрагмент воротника (6,2x3,2 см). XI—XII вв. Инв. 54746/оп.1275, № 7. Из кургана у д. КУБАЕВО, Владимирская обл. Раскопки А. С. Уварова, 1852.
Одноцветный шелк со следами золотного шитья «на проем» в виде лунниц.
14. Фрагмент воротника (6x1,5 см). XI—XII вв. Инв. 55421/оп.4303, № 13. Из кургана у д. ОСИПОВЦЫ, Владимирская обл. Раскопки А. С. Уварова, 1852.
Золотная вышивка «на проем» идентична предыдущей.
15. Фрагмент воротника (6,5x3 см). XI—XII вв. Инв. 55421/оп.1303, № 2. Из кургана у д. ОСИПОВЦЫ, Владимирская обл. Раскопки А. С. Уварова, 1852.
Одноцветный шелк с золотным шитьем, аналогичным образцу 9.
16. Фрагмент воротника (6,2x2,7 см). XI—XII вв. Инв. 55421/оп.1303, № 1. Из кургана у д. ОСИПОВЦЫ, Владимирская обл. Раскопки А. С. Уварова, 1852.
Одноцветный шелк со следами золотной вышивки «на проем». К разрезу воротника пришта бронзовая шаровидная пуговица.
17. Два фрагмента воротника (17,5x5; 8,5x5,5 см). XI—XII вв. Инв. 54746/оп.1555, № 10. Из кургана у д. КАРАШ, Ярославская обл. Раскопки П. С. Савельева, 1854.
Одноцветный шелк с золотной вышивкой «на проем» причудливо переплетенных стеблей. Верхний край и боковой разрез воротника обрамлены плетенкой; контур орнамента — стебельчатым швом, шелком.
Уваров, 1872. Табл. XXXV, рис. 57,69; ИАК.С.148, рис. 265.
18. Фрагмент воротника (15,2x3,7—5,7 см). XI—XII вв. Инв. 55746/оп.1555, № 9. Из кургана у д. КАРАШ, Ярославская обл. Раскопки П. С. Савельева, 1854.
Шитье золотными нитями «на проем» на однотонном шелке в

виде двух пересекающихся квадратов и четырехконечных крестов. Орнамент ритмично повторяется по всей длине воротника.

Уваров, 1872. С. 89, 139, 161, табл. XXXV, рис. 66; ИАК. С. 148, рис. 268.

19. Очелье (35,5х4—4,5 см). XI—XII вв. Инв. 54746/оп.1555, № 8. Из кургана у д. КАРАШ, Ярославская обл. Раскопки П. С. Савельева, 1854.

Вышивка в виде геометрических мотивов и поясных изображений святых в полуциркульных арках исполнена на одноцветном шелке золотными нитями «на проем»; отдельные элементы орнамента — гладью, шелком.

Уваров, 1872. С. 89, 161, табл. XXXV, рис. 70; ИАК. С. 148; рис. 257.

Аналогичное вышитое очелье найдено в 1973 г. близ г. Старицы, Калининская обл.

Комаров, Елкина, 1976. С. 228—229, рис. 2,1.

20. Фрагмент стоячего воротника (13х2 см). XI—XII вв. Инв. 54746/оп.1555, № 11. Из кургана у д. КАРАШ, Ярославская обл. Раскопки П. С. Савельева, 1854.

Одноцветный шелк с золотной вышивкой «на проем» ряда солярных знаков; контур узора — стебельчатым швом, шелком.

Уваров, 1872. С. 89, 161, табл. XXXV, рис. 71; Фехнер, 1976. С. 223.

21. Фрагмент воротника (13х3,5 — 4 см). XII в. Инв. 104333/оп.2529, № 78а. Из захоронения (курган 4) близ д. БЕЛОГУРОВСКАЯ, Ивановская обл. Раскопки Ф. Д. Нефедова, 1895.

Одноцветный шелк с золотным шитьем «на проем» зооморфного орнамента в виде птиц в круглых клеймах, разделенных «древями жизни»; над клеймами — изогнутые стилизованные стебли; контур орнамента — стебельчатым швом, шелком.

Фехнер, 1979. С. 404.

22. Фрагмент воротника (14х5,5 см). XII в. Инв. 55421/оп.1791, № 4. Из кургана у д. СТАРОЕ БЫКОВО, Владимирская обл. Раскопки А. С. Уварова, 1852.

Красный шелк со следами золотного шитья «на проем» сердцевидных фигур с завитком внутри. Близкая аналогия образцу 8.

23. Фрагмент ожерелья (9,5х7 см). XII в. Инв. 78605/оп.991, № 3. Из кургана близ д. ШУШПАНОВО, Владимирская обл. Раскопки Ф. Д. Нефедова, конец XIX в.

Одноцветный шелк со следами золотного шитья «на проем» стилизованного растительного орнамента; контур узора — швом «вперед иголку» шелком.

Фехнер, 1973. С. 218, рис. 1,4.

24. Фрагмент стоячего воротника (15,5х3 см). XII в. Инв. 78607/оп.402, № 22. Балахнинский район, Горьковская обл. Автор раскопок неизвестен.

Одноцветный шелк с золотным шитьем стилизованного растительного орнамента «на проем»; контур орнамента — шел-

ком швом «вперед иголку» и частично стебельчатым; под воротник подложена береста для придания прочности его форме.

Фехнер, 1979. С. 403.

25. Фрагмент воротника (12x4,2 см). XII в. Инв. 102932/оп.2121, № 1. Из захоронения (курган 2) у д. АНТОНОВО, Ивановская обл. Раскопки Е. Н. Ерофеевой, 1969.

Полихромный шелк с золотой вышивкой «на проем» в виде двух переплетенных сердцевидных фигур в полуциркульных арках и крестовидных мотивов; контур узора — швом «вперед иголку» и частично стебельчатым шелком; под воротник подложена береста для придания прочности его форме.

Ерофеева, 1970. С. 38; Фехнер, 1976. С. 223.

26. Фрагмент очелья (10x2 см). XII в. Инв. 78607/оп.462, № 4. Из кургана у д. АСЕЕВО, Московская обл. Раскопки А. П. Богданова, 1865.

Одноцветный шелк с золотой вышивкой «на проем» в виде птиц и «древо жизни» в круглых клеймах; контур орнамента — швом «вперед иголку» шелком.

Фехнер, 1973. С. 218, рис. 1,2; Фехнер, 1976. С. 223.

27. Фрагмент воротника (16x5,5 см). XII в. Инв. 101506/оп.2047, № 19. Из захоронения (курган 5) у д. НОВЛЯНСКАЯ, Московская обл. Раскопки Н. Г. Недошивиной, 1969.

Одноцветный шелк с золотым шитьем «на проем» четырехлепестковых цветов; контур орнамента — швом «вперед иголку» шелком; сохранились следы вышивки речным жемчугом и остатки нашитых на ткань серебряных позолоченных бляшек; Верхний край воротника обшит золототканой лентой.

Недошивина, 1981. С. 296, рис. 2.

28. Фрагмент стоячего воротника (11x2,5—3 см). XII в. Инв. 69597/оп. 10, № 30. Из захоронения (курган 17, погребение 2) у с. ХРЕПЛЕ, Новгородская обл. Раскопки А. В. Арциховского, 1929.

Одноцветный шелк с золотым шитьем «на проем» в виде примыкающих друг к другу солярных знаков. Золотное шитье сохранилось в центре кругов, первоначально они были сплошь зашиты металлическими нитками. Орнамент идентичен образцу 20.

Фехнер, 1979. С. 404.

29. Фрагмент стоячего воротника (18x4 см). XII в. Инв. 58603/оп.1612, № 5. Из захоронения (траншея 1, погребение 2) на городище СТАРАЯ РЯЗАНЬ, Рязанская обл. Раскопки В. А. Городцова, 1926.

Одноцветный шелк в виде полосок жгута, сердцевидных фигур и растительных мотивов золотым шитьем «на проем»; контур рисунка — стебельчатым швом, шелком.

Монгайт, 1955 г. С. 174, рис. 135. В публикации вышивка ошибочно названа плетеным кружевом.

30. Фрагмент очелья (20x3 см). XII в. Инв. 58603/оп.1613, № 6. Из

захоронения (траншея 1, погребение 2) на городище СТАРАЯ РЯЗАНЬ, Рязанская обл. Раскопки В. А. Городцова, 1926. Одноцветный шелк с золотным шитьем «на проем»; в овальных клеймах изображения «древа жизни» и треугольников.

Монгайт, 1955. С. 174, рис. 135. В публикации вышивка ошибочно названа плетеным кружевом.

31. Фрагмент края воротника (6x1 см). XII в. Инв. 58603/оп.1612, № 6а. Из захоронения (траншея 1, погребение 2) на городище СТАРАЯ РЯЗАНЬ, Рязанская обл. Раскопки В. А. Городцова, 1926. Одноцветный шелк с вышитыми золотными и шелковыми нитками треугольниками.

Монгайт, 1955. С. 173, рис. 134.

32. Фрагмент очелья (4,5x5 см). XII в. Инв. 30579/оп.219, № 383. Из кургана у д. КОХАНЫ, Смоленская обл. Раскопки Н. И. Булычева, 1893.

Одноцветный шелк со следами золотного шитья «на проем» в виде птицы и крестовидной фигуры в клеймах; контур узора — швом «вперед иголку» шелком.

Булычев, 1899. С. 69, 76—77, табл. XXXII, рис. 18.

33. Фрагмент воротника (16x4,5 см). XII в. Инв. 30579/оп.219, № 459. Из кургана у д. КОХАНЫ, Смоленская обл. Раскопки Н. И. Булычева, 1893.

Однотонный шелк с вышивкой в виде круглых клейм с девичьими головками в кокошниках; золотными нитями «на проем» вышиты контур узора и полосы по краям воротника; женские лица, окружающие их лучи, кокошники с выбившимися из-под них волосами — разноцветными шелками.

Фехнер, 1979. С. 403.

34. Фрагмент стоячего воротника (7,5x2,5 см). XII в. Инв. 30579/оп. 219, № 384. Из кургана у д. КОХАНЫ, Смоленская обл. Раскопки Н. И. Булычева, 1893.

Одноцветный шелк с вышивкой золотными нитями «в прикреп»; идентичен образцам 20 и 28.

Булычев, 1899. С. 69, 76—77.

35. Воротник (в трех кусках, самый крупный 23,4x8,3 см). Кон. XII — нач. XIII в. Инв. 57184/оп. 440, № 1—3. Из захоронения (курган 5) у д. Ст. ПУШКИНО, Московская обл. Раскопки Е. А. Байбурта, 1925.

Одноцветный шелк с золотной вышивкой «в прикреп» крестообразных фигур в овальных клеймах; контур — стебельчатым швом шелком; края воротника обшиты золототкаными лентами.

Фехнер, 1971. С. 219—220, рис. 3; *Фехнер*, 1976. С. 223.

36. Чехол сафьянового кошелька (10x6 см). Кон. XII — нач. XIII в. Инв. 78607/оп. 435, № 10. Из кургана у д. АНИСЬКИНО, Московская обл. Раскопки А. П. Богданова, 1865.

Одноцветный шелк с золотным шитьем «на проем» двух звериных морд, переходящих в плетеный орнамент; контур рисунка — швом «вперед иголку» шелком.

Левашова, 1959. С. 43—44, рис. 3, 1.

37. Фрагмент воротника (9х4,3 см). Кон. XII — нач. XIII в. Инв. 102293/оп.2101, № 1. Из разрушенной гробницы у стены ц. Иоанна Богослова в СМОЛЕНСКЕ. Дар М. Х. Алешковского, 1970.

Темно-красный шелк с золотной вышивкой «на проем» ромбовидной сетки с кринами и кружками в местах пересечения ромбов; кайма в виде плетенки, обрамляющая узор, — золотными нитками «в прикреп»; контур отдельных мотивов — стебельчатым швом, шелком.

Фехнер, 1979. С. 402.

38. Воротник стоячий (22,8х2,5 см). Кон. XII — нач. XIII в. Инв. 101845/оп.2089, № 47. Из погребения (курган 14) у д. МАК-ЛАКОВО, Рязанская обл. Раскопки Н. Г. Недошивиной, 1969. Одноцветный шелк с золотной вышивкой «на проем» повторяющихся по всей длине воротника солярных знаков и двух соединенных между собой сердцевидных фигур; плетеный и зигзагообразный узоры внутри кругов — золотными нитями «в прикреп»; контур орнамента и некоторые его детали — красным, золотистым и зеленым шелковыми нитками; частично сохранилась лента, обрамляющая край воротника с золотной вышивкой «в прикреп».

Недошивина, 1974. С. 214, рис. 4 1.

39. Фрагмент воротника (20,5х4,3 см). Кон. XII — нач. XIII в. Инв. 101844/оп.2090, № 18. Из захоронения (курган 31) у д. МАК-ЛАКОВО, Рязанская обл. Раскопки Н. Г. Недошивиной, 1970. Одноцветный шелк с золотной вышивкой «на проем» растительного орнамента — дерева жизни; контур — стебельчатым швом шелком.

Недошивина, 1974. С. 214, рис. 4, 2.

40. Фрагмент воротника (11,4 × 4,7 см). Кон. XII — нач. XIII в. Инв. 101844/оп. 2090, № 2а. Из погребения (курган 21) у д. МАК-ЛАКОВО, Рязанской обл. Раскопки Н. Г. Недошивиной, 1970. Красный шелк с вышитой каймой (из треугольников и широкой полосы) и ряда примыкающих друг к другу стрельчатых арочек и кружков между ними; арочки — золотными нитями «в прикреп», прикрепленным к ткани красным тонким шелком; контур узора — золотными нитями «на проем». Дополнительно все элементы узора очерчены шелком стебельчатым швом, а в арочках двойным шелковым контуром, который отделяет золотный контур от фона ткани и от золотной плоскости арочек.

Недошивина, 1974. С. 214, рис. 4, 3.

41. Фрагмент одежды (13 кусков, самый крупный 27 × 13,5—14 см). Кон. XII— нач. XIII в. Инв. 49846/оп.1091, № 63. Из клада 1903 г. в Михайловском монастыре, КИЕВ.

Полоса темно-розового шелка с золотной вышивкой «на проем» стилизованного растительного орнамента; контур узора и отдельные элементы — швом «вперед иголку» и гладью шелком;

вышитая полоса, видимо, прикреплялась к платью и шла от ворота до самого подола.

Беляшевский, 1904. С. 303, табл. XVI, фиг. 3; ОАК. С. 189, рис. 350;

Фехнер, 1974. С. 67, рис. 1, 1.

42. Фрагмент покрывала (17 кусков, самый крупный $20 \times 5,5$ см). Кон. XII — нач. XIII в. Инв. 49846/оп.1091, № 83. Из клада 1903 г. в Михайловском монастыре, КИЕВ.

Розовый шелк с золотой вышивкой «на проем» в виде двух концентрических кругов и птиц. Вышитый орнамент полностью не восстанавливается.

Фехнер, 1974. С. 67, рис. 1, 2.

43. Два фрагмента очелья ($17,5 \times 2,3$; $14,5 \times 2,3$ см). Кон. XII — нач. XIII в. Инв. 49846/оп.1091, № 61—62. Из клада 1903 г. в Михайловском монастыре, КИЕВ. Красный шелк с золотой вышивкой в виде стилизованного стебля с парными симметричными «закрутами», мотив повторяющийся по всей длине очелья. Контур рисунка выложен шнурком из двух скрученных золотных нитей. Очелье украшено круглыми серебряными позолоченными бляшками и мелким речным жемчугом.

Идентично очелью из женского погребения близ саркофага Осмосмысла в старом Галиче (Львовский исторический музей. Инв. 2807).

ОАК. С. 189, рис. 344; *Беляшевский*, 1904. С. 303, табл. XVI, фиг. 1; *Фехнер*, 1974. С. 67, рис. 1, 3.

44. Фрагменты воротника (?) ($11,5 \times 6$; $7,7 \times 2,5$ см). Кон. XII — нач. XIII в. Инв. 49846/оп.1091, № 71. Из клада 1903 г. в Михайловском монастыре, КИЕВ.

Красный шелк с вышивкой стилизованного растительного орнамента. Стебли — золотными нитями «на проем», листья шелком гладью и оконтурены золотными нитями.

ОАК. С. 189.

45. Фрагмент пристяжного воротника ($4,3 \times 5,5$ см). Первая половина XIII в. Инв. 104994/оп.2574, № 7. Раскопки В. П. Даркевича, 1979. Из братской могилы (погребение 41) защитников Рязани 1237 г., у д. ФАТЬЯНОВКА (за северным валом городища Старая Рязань), Рязанская обл.

Одноцветный шелк с золотой вышивкой «на проем» растительных мотивов в отдельных, связанных между собой, клеймах.

Список сокращений каталога

- Беляшевский, 1904 — Беляшевский Н. Ценный клад великокняжеской эпохи // Археологическая летопись южной России № 5 за 1903 г. М., 1904.
- Булычев, 1899 — Булычев Н. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.
- Ерофеева, 1970 — Ерофеева Е. Н. Раскопки курганов в Ивановской обл. // Археологические открытия 1969 г. М., 1970.
- ИАК — Спицын А. А. Гнездовские курганы в раскопках Сергеева // Известия Археологической комиссии. СПб., 1905. Вып. 15.
- Комаров, Елкина, 1976 — Комаров К. И., Елкина А. К. Курганный могильник в окрестностях г. Старицы // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
- Левашева, 1959 — Левашева В. П. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. М., 1959. Вып. 33.
- Монгайт, 1955 — Монгайт А. Л. Старая Рязань // МИА. М., 1955. № 49.
- Недошивина, 1974 — Недошивина Н. Г. Курганный могильник у д. Маклаково // Археология Рязанской земли. М., 1974.
- Недошивина, 1981 — Недошивина Н. Г. Новлянские курганы // СА. 1981 № 1.
- ОАК — Отчеты Археологической комиссии за 1903 г. СПб., 1906.
- Самоковасов, 1917 — Самоковасов Д. Я. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917.
- Уваров, 1872 — Уваров А. С. Атлас к исследованию о мерянах и их быте. М., 1872.
- Фехнер, 1971 — Фехнер М. В. Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей древней Руси // История культуры Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.
- Фехнер, 1973 — Фехнер М. В. Шелк в торговых связях Владимиро-Суздальской Руси // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
- Фехнер, 1974 — Фехнер М. В. Некоторые данные о внешних связях Киева // Культура средневековой Руси. М., 1974.
- Фехнер, 1976 — Фехнер М. В. Золотное шитье Владимиро-Суздальской Руси // Средневековая Русь. М., 1976.
- Фехнер, 1979 — Фехнер М. В. Золотное шитье древней Руси // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1978 г. Л., 1979.

Семиотический статус пояса в средневековой Руси

Всякая вещь, попадая в сферу человеческих отношений и идеологических представлений, может получить дополнительную знаковую нагрузку. Например, простой камень, положенный на меже между двумя полями, становится символом собственности; тем более это относится к элементам материальной культуры (1. С. 45). При вхождении в семиотическую систему вещи осознаются как знаки, «семиотический статус вещей отражает конкретное соотношение «знаковости» и «вещности» и соответственно — символических и утилитарных функций» (2. С. 216).

* * *

Пояс один из древнейших элементов костюма. Некоторые первобытные народы, вовсе не употреблявшие одежду, носили лишь пояса — «поясом стыда» прикрывали отдельные части тела, «пояс голода» одевался в тяжелые голодные времена (3. С. 12). Замечательный советский этнограф и историк культуры П. Г. Богатырев, разработавший теорию народного костюма, выделяет следующие функции любого костюма: 1) эстетическая, 2) обрядовая, 3) праздничная, 4) функция национальной или региональной принадлежности, 5) сословная, 6) практическая (4. С. 307—308).

«Функция при этом может относиться либо собственно к костюму, либо к тем различным сферам, на которые костюм (как знак) указывает» (4. С. 340). Опираясь на методику Богатырева, мы выделяем следующие функции пояса в Древней Руси: 1) утилитарная, 2) обрядовая, 3) выражение этнического самосознания, 4) социальная.

Пояс во все времена служил, конечно, прежде всего для стягивания одежды. В Древней Руси мужчины подпоясывались кожаными, вязаными и ткаными поясами (5. С. 43, 47). Особое место занимал в раннее средневековье наборный пояс — ремень, украшенный металлическими бляшками, свободный конец которого оформлялся бляшками удлиненной формы — поясными наконечниками. Основное время его бытования на Руси — домонгольский период, однако изучение письменных источников, содержащих описание княжеской и царской одежды, показывает, что традиция носить пояса, ук-

рашенные металлическими накладками, сохранилась и в эпоху развитого средневековья. Богатые пояса делали из шелка, бархата и кожи (6. С. 109). Сохранилась прежняя структура металлического убора: бляхи («кованцы» или «плащи», «плащики»), пряжки или крюки, наконечники и обоймицы («переченки», «поперечники»). В описании домашнего имущества царя Ивана Васильевича Грозного читаем подробное описание одного из поясов: «...пояс тесма шелк лозорев, без наконечника, круги и плащи золоты с лица, у крюка чеканены травы с чернью крюк змеина голова, на поясу четыре плаща четвероугольник...» (7. С. 36).

В эпоху средневековья пояс служил также своеобразным карманом — к нему подвешивались разнообразные мелкие вещицы (настоящие карманы появились в России лишь в XVI—XVII вв.) (8. С. 85). Любопытно обратить внимание на набор вещей, подвешиваемых к поясу: у многих народов он сходен и достаточно устойчив. Монах Иакинф (Н. Я. Бичурин), посетивший Монголию в начале XIX в., пишет, что монголы «сбоку к поясу прикрепляют нож и мешочек с трубкой и табаком, а назади — огниво с прибором, иногда на боку прикрепляют мешочек с чашкою» (9. С. 46). У калмыков в XIX в. вещи, носившиеся у пояса, и порядок их подвешивания были строго определены: в этот набор входили самые разнообразные предметы для ухода за огнестрельным оружием, нож, пороховница, огниво и трут, трубка и другие предметы (9. С. 70). В Китае вещи, подвешиваемые к поясу, были точно обозначены еще в классических книгах (уничтожены в III в. до н. э., но затем восстановлены) — это нож, огниво, кольцо для стрельбы из лука, игла для распутывания памятных узлов, а позже нож для вырезывания иероглифов на бамбуковых дощечках (10. С. 36). Итак, в разные исторические эпохи и у разных народов мужчины у пояса обязательно носили нож и огниво, со временем к ним добавляется кисет, а также предметы, связанные с появлением огнестрельного оружия.

К утилитарным функциям пояса относится также использование его в качестве портупеи. В России пояса для сабель и мечей имели четыре конца: два из них служили собственно для застегивания пояса, к которому привешивался меч, а два — для привешивания налучи или колчана (6. С. 11). Эта традиция имеет очень древние корни. Скифы, например, по свидетельству Геродота, крепили к поясу горит, железный меч в деревянных ножнах, чашу для питья и точильный камень (11. С. 20).

Обрядовая роль пояса связана в основном с применением гомеопатической или имитативной магии (приемы и действия основаны на законе подобия: подобное производит подобное или следствие, похожее на свою причину) (12. С. 20). Основная часть обрядовых действий, в которых участвует пояс, основана на его функции завязывания. А. Н. Афанасьев писал: «Издrevле веревка — ужище ... узел, узы, науза, узда ... были видимым знаком фактического обладания» (13. С. 197). На этом сходстве пояса, завязывающегося

вокруг талии, с веревкой — знаком собственности, стоит вся система свадебных обрядов с участием пояса (т. е. мы видим усложненное восприятие закона подобия: пояс подобен веревке, она же является магическим знаком обладания). В старину в России во время сватовства клали перед невестой на полу пояс в виде круга, в случае согласия она прыгала в середину пояса (13. С. 200). В Рязанской области связывали жениха и невесту поясами и стукали их головами, «чтобы жили ладно и гладко» (14. С. 46). Иногда пояс служил символом всей свадьбы, и его привязывали к дуге свадебной повозки (14. С. 46). При разводе, соответственно, действия были обратными. У черногорцев, например, жена подносила мужу пояс, и если он его перерезал, то брак расторгался (13. С. 202).

В лечении болезней и в борьбе против всякого вредного влияния нечистой силы связывание и опутывание получило «значение спасительного средства, связывающего злых демонов и тем самым подчиняющего их воле заклинателя» (13. С. 204). В некоторых областях России жениха и всех участников свадебного поезда опоясывали сетью или вязаным поясом, считая, что колдун не сможет напустить порчу, пока всех узелков не развяжет или пока ему не удастся снять с человека пояс (13. С. 208). Существовал обычай снимать с больного пояс и бросать на дорогу, поднявший его заболит (хворь к нему привяжется), а хозяин выздоровеет (13. С. 208). Здесь мы видим и элементы контактной магии (приемы, основанные на законе соприкосновения или заражения) (12. С. 20). Нечистая сила ходит всегда неподпоясанная. Существовало предание, что под шкурой убитого оборотня находили людей, причем всегда без пояса (13. С. 209). Поэтому ходить без пояса считалось неприличным, пояс давался каждому при крещении и приобретал таким образом сакральный характер. Например, крестьяне Ярославской губернии считали, что без пояса ходить грех (14. С. 46), на умерших тоже обязательно надевали пояс, так как считалось, что при воскресении каждый человек должен быть подпоясан (14. С. 87). По народным представлениям, в случае если наузы попадут в руки колдуна, они превращаются в страшную злую силу: опоясанный колдовским поясом человек превращается в оборотня, человеческий облик к нему возвращается только, когда пояс изотрется и лопнет (13. С. 210). В этот же комплекс магических действий, оберегающих от напастей и нечистой силы, входит и обряд обхода скота, замыкания его в круг во время первого весеннего выгона (в Егорьев день). Иногда использовались разные предметы. В Архангельской области хозяйка подвязывала пояс на голое тело, а затем расстилала его в воротах, через которые выгоняли скот. Исполняя эти обряды, верили, что пояс оградит скот от всех напастей, заставит держаться своего двора (15. С. 160). Здесь мы видим совмещение представлений о поясе, оберегающем от нечистой силы, и одновременно о поясе-веревке, знаке обладания.

У многих народов, в том числе и на Руси, пояс служил эмблемой девственности. Существовал обычай дарения во время свадебных

церемоний девичьего пояса: на колени к молодой сажали маленького мальчика, и он получал в подарок пояс (14. С. 46). Этот обычай входит в круг представлений о завязывании и развязывания плодородия и должен был расположить женщину к деторождению. При родах пояс, с которым связано понятие замыкания, должен был развязываться не только у роженицы, но и у ее родственников (13. С. 216).

В погребальных обрядах пояс также принимал участие. После выноса тела покойника в некоторых областях России ворота завязывали красным поясом, чтобы «закрыть» живым дорогу на тот свет (13. С. 217).

В представлении многих народов пояс придавал его обладателю чудесную силу. У славянских народов, например, считалось, что он увеличивает мужскую силу (14. С. 46). В эпических произведениях богатырский пояс и охраняет своего владельца, и увеличивает его силу. Пояс силы — одно из сокровищ скандинавского бога Тора: «лишь только он им опояшется, вдвое прибудет божественной силы» (16. С. 42).

Чрезвычайно любопытна еще одна функция пояса — его роль в этническом и религиозном самосознании. Эта роль основана на представлении о том, что «правильные» соплеменники должны быть подпоясаны, а «неправильные» — чужестранцы ходят без пояса, что, впрочем, далеко не всегда соответствует реальному положению вещей. Впервые с этим мы сталкиваемся у скифов. Лукиан передает рассказ об удивлении скифа Анахарсида тем, что скиф Токсарид, которого он встретил в Афинском квартале, был без пояса и без оружия, но признал в нем своего соотечественника (11. С. 19). Аналогичные представления нашли отражение в русском выражении «что ты, татарин, что ли беспоясый» (17. С. 13). Повесть временных лет при передаче слов послов князя Владимира, вернувшихся из мусульманской Волжской Болгарии и критикующих их веру, упоминает ту же деталь (отсутствие у болгар поясов): «стоящие без пояса, поклонився сядеть и глядеть семо и онамо, яко бешен и несть веселья в них, но печаль и смрад велик» (18. С. 75). Ни поговорка, ни цитата из Повести не отражают реальности, так как археологические и этнографические данные говорят о наличии поясов и у болгар, и у татар. Возможно, что в обоих случаях в противопоставлении «подпоясанный» — «неподпоясанный» участвуют не только этнически окрашенные представления «свой» — «чужой», но противопоставление происходит и по религиозному принципу: христианин — мусульманин.

Любой костюм всегда является отражением социального положения его владельца («встречают по одежке»), однако разные элементы одежды и убора, выступая в качестве знака, несут неодинаковую нагрузку. Некоторые детали одежды могут быть общими для нескольких социальных групп, некоторые являются узкоклассовой или узкосословной принадлежностью. У многих

народов пояс обладал «повышенной» социальной значимостью. У некоторых тюркских народов пояс считалсяместилищем души. «Эта вещь, неотделимая от живого человека, символизирующая его связь с миром людей, была знаком принадлежности к социуму» (19. С. 183). Детям пояс завязывался не сразу, а позднее, когда закреплялись его родственные связи и он вступал под покровительство рода (19. С. 183). Юношу, переходившего в разряд взрослых воинов, опоясывали боевым поясом, на котором носили оружие, и это служило знаком воинской возмужалости (20. С. 67). Отголоски такого значения пояса можно найти в тюркском эпосе. Сестра Алпамыша, любимого героя-богатыря тюркского эпоса, поддразнивает его, провоцируя на первые воинские подвиги: «схватки никогда с врагом не знавший-кто?.. на кушак булат не нацеплявший-кто?» (21. С. 40). Археологические источники подтверждают данное положение. Исследование хазарских древностей позволяет предположить, что поясами снабжали всех мужчин, прошедших обряд посвящения (22. С. 164). А вот пример совсем из другой эпохи: античные авторы объясняют происхождение амазонок тем, что они, «подпоясавшись поясами, стали заниматься всеми мужскими делами» (11. С. 20), т. е. женщины, подпоясавшись боевыми поясами, попали в сословие воинов.

Элементы костюма в эпоху средневековья могли выполнять роль современных погон, т. е. указывать на ступень, занимаемую человеком на социальной лестнице. Такая четкая знаковая система могла возникнуть лишь в обществе с развитой иерархической структурой.

Прежде чем обратиться к материалам, касающимся средневековой Руси, нам кажется интересным кратко остановиться на роли пояса у народов и государств, либо соседствующих с Древней Русью, либо прямо или опосредованно с ней связанных. Источники, касающиеся Византии, дают нам основание утверждать, что пояс играл роль социального индикатора, причем он определенно связывается с высоким воинским рангом: «Если неверовавший, отнять у вас пояс и воинство и попечетесь тогда и изберете, кто вам есть на пользу» (23. С. 1340). Менее четкие указания на роль пояса мы находим у Феофилакта Симокатты, он описывает трагическую историю убийства одного из телохранителей императора Маврикия, отмечая, что тот был подпоясан поясом с прекрасными украшениями, который и явился поводом для убийства: «Его золотое украшение стало для него льняною петлей и сетью охотничей-сотоварищем разукрашенным и спутником коварным» (24. С. 139). В Персии некоторые элементы костюма и украшения составляли строгую иерархическую систему и являлись царскими пожалованиями. Прокопий Кесарийский пишет: «Царь отнял у него (у побежденного) носимый на волосах головной убор, составленный из золота и жемчугу, — это у персов есть знак высочайшего достоинства, после царского. В Персии не позволено никому носить ни перстня золотого, ни пояса, ни пряжки, ни чего-либо подобного, если это не

пожаловано царем» (25. С. 223—224). В Китае в древности и в средние века цвет и украшение пояса обычно служили знаком различия аристократии и чиновничества, так что слово «гуаньдай» («шапка и пояс») стало образным выражением для обозначения карьеры (10. С. 36).

Сложная и стройная знаковая система, отражающая социальное устройство, складывается в Арабском халифате, в эту систему также входит пояс. У арабов система государственного управления начинает складываться при Аббасидах, в Средней Азии она окончательно оформляется при Саманидах (26. С. 255), создается развитая бюрократическая и военная лестница. Низам ал-Мульк так описывает военную карьеру тюркского раба при дворе Саманидов, упоминаемая при этом, какие вещи-знаки соответствовали каждой ступени: «...через год хаджиб... давал ему тюркскую лошадь с простой сбруей. На третий год он получал особый пояс (карачур), на пятый год — седло получше, уздечку, украшенную звездами, более дорогую одежду и палицу; на шестой год — парадную одежду, на седьмой — чин висакбаши, т. е. начальника палатки; знаком достоинства... была шапка из черного войлока...» (26. С. 286).

Исключительную роль в системе регалий играл наборный пояс у тюркских народов. Блестящий анализ этого на материале аварских древностей осуществил венгерский археолог Д. Ласло, показавший, что ранг покойного отражался в материале поясных накладок, количество бляшек и подвесок отмечало ранг внутри рода (27. С. 176). Довольно часты упоминания пояса как особого знака, причем связанного и с воинским положением, и с чиновничьим рангом, у тюрков Сибири: «Так как у него была доблесть, то у своего хана, мой бег Аза Тутук, достиг пряжки (чиновного пояса)» (28. С. 95).

Для того чтобы выяснить социальный статус пояса в средневековой Руси, необходимо прежде всего обратиться к письменным источникам. Наиболее ценными для нас являются духовные грамоты московских князей XIV—XVI вв., по этим документам легко проследить постепенное складывание фамильной сокровищницы. В. О. Ключевский с легким презрением характеризует первых московских князей как мелочных и скуповатых домохозяев: «Не забудут ни шубки, ни стадца, ни пояса золотого, ни коробки сердоликовой, все запишут, всему найдут место и наследника» (29. С. 53). Однако рассмотрим повнимательнее, какие же именно вещи особо выделяют князья в своих завещаниях и связывают их со своим благословением (или упоминают о благословении родителей). В духовных Ивана Калиты (1339), Ивана Ивановича (1358), Дмитрия Донского (1389), Василия Дмитриевича (1407), Василия Темного (1461—1462) (30. С. 7, 16, 36, 57, 197) настойчиво повторяются одни и те же предметы: бармы, шапка золотая, пояса, цепи.

Можно предположить, что в XIV—XV вв. идет процесс постепенного складывания княжеских регалий. Бармы (они еще с эпохи Киевской Руси были составной частью княжеского убора, хотя и

имели несколько иной облик) и шапка передаются только по прямой нисходящей линии, т. е. становятся принадлежностью лишь великих князей. После окончания последней в истории Руси феодальной войны великий князь Василий Васильевич Темный для укрепления власти московской династии еще при жизни благословил на великое княжение своего сына — Ивана III, тот же, следуя этой традиции, уже в новой политической ситуации роста могущества Московии, в условиях становления нового сознания (осознания Руси как наследницы Византии) разрабатывает, опираясь на византийские коронационные обряды (29. С. 137), особый ритуал венчания на великокняжеский престол. Описание торжественной церемонии венчания в 1498 г. Дмитрия, внука Ивана III, сохранилось в записках Сигизмунда Герберштейна. В процессе венчания используются два предмета: бармы и шапка, которые Иван III торжественно возлагает на внука (31. С. 118). Видимо, на разработке этого ритуала сказалось не только стремление подражать византийскому церемониалу, но и использовалась уже сложившаяся в XIV—XV вв. система великокняжеских регалий. Таким образом, происходит как бы наложение на уже имеющийся социальный статус вещей дополнительной нагрузки, связанной с византийской обрядностью. Все это касается золотой шапки и барм. Какова же роль пояса в этой системе? В духовных грамотах пояса упоминаются, пожалуй, чаще других предметов (в грамоте Ивана Калиты, например, упомянуты 9 поясов). В 1498 г. пояс участвует в обрядах, установленных после венчания великого князя: «за обедом, как бы в качестве дара, (Димитрию) был поднесен широкий пояс, сделанный из золота, серебра и драгоценных камней, которым его и опоясали» (31. С. 82). Итак, мы видим, что пояс, не входя в категорию основных регалий, используемых в храме, выступал в качестве символического дара и тоже участвовал в церемониале.

Если шапка и бармы имели высший социальный статус (принадлежность великого князя), то статус пояса был на ступеньку ниже — им благословляли не только старших сыновей, но и младших. Например, в духовной грамоте Василия Темного читаем: «А сына своего Юрия благославляю икона Филофеевская, да крест золот... да пояс золот на червчате ремни» (30. С. 197). Пояса выделяются и в завещаниях удельных князей. Юрий Дмитриевич Галицкий оставляет своему младшему сыну Дмитрию Шемяке «пояс золот с камнем без ремени, чем мя благословил отец мой, князь великий Дмитрий» (30. С. 75). Любопытно отметить, что предлогом для феодальной войны середины XV в. послужил именно золотой пояс одного из сыновей Юрия Дмитриевича — Василия Косого. В 1433 г. на свадебном пиру князя Василия Васильевича (будущий Темный) разгорелся скандал, связанный с тем, что золотой пояс, одетый на Василии Косом, ему по праву не принадлежал. Василий в обиде перешел на сторону своего отца — князя Юрия, что и явилось началом войны (32. С. 341—343).

Драгоценные пояса были принадлежностью не только княжес-

кого костюма. Широко известны сообщения 1331 г. немецких послов в Новгороде о «300 золотых поясах», составляющих главный орган Республики (33. С. 300). Исследования В. Л. Янина показали, что новгородские вече составляли как раз около трехсот человек — владельцев городских усадеб (34. С. 91), представителей старой новгородской аристократии (начало ее формирования относится еще к догородскому периоду, т. е. это аристократия, выросшая из родоплеменной организации) (34. С. 84).

Видимо, с XVI в. пояс теряет свою социальную нагрузку. С венчанием на царство в 1547 г. Ивана IV происходит окончательное официальное оформление царских регалий, в состав которых пояс уже не входит. В описании домашнего имущества Ивана IV мы находим упоминания драгоценных поясов среди прочей домашней «рухляди», они превращаются в простой элемент богатого костюма (7. С. 36—37). В XVII в. в документах, собранных И. Е. Забелиным, мы находим многочисленные описания поясов, входивших, как правило, среди прочей одежды в царские подарки крещеным иноверцам (35. С. 747, 763, 766, 767). В подробных описаниях русского быта Адам Олеарий (посещал Россию в середине XVII в.) поясов не касается ни разу. В описанном им венчании на царство царя Алексея Михайловича пояс также не участвует (36. С. 254—257).

* * *

Попытка выяснить роль пояса в домонгольский период приводит к необходимости обращения к археологическим источникам. Для исследования выбраны следующие памятники: Гнездово, три памятника Ярославского Поволжья (Тимерево, Михайловское, Петровское), Бирка и курганы Ижорского плато.

Выбор обусловлен следующими соображениями: Гнездово (X в.) и курганные группы Ярославского Поволжья (конец IX — начало XI в.) (37) содержат максимум для территории Древней Руси принадлежностей пояса (пряжки, бляшки, поясные наконечники); Бирка (38) — хорошо опубликованный памятник эпохи викингов, расположенный в Швеции, исторически тесно связанной с Древней Русью; и наконец, многочисленные курганные группы Ижорского плато, раскопанные Л. К. Ивановским в конце XIX в., доступные для исследования (39), хронологически более поздние (XI—XIV вв.), но содержащие поясные принадлежности в тот период, когда они уже являются достаточно редкой находкой. Таким образом, на наш взгляд, достигается достаточный хронологический диапазон и возможность сравнения с материалом вне территории Древней Руси. Выбранные источники страдают целым рядом недостатков: во-первых, часть материалов депаспортизирована (это относится прежде всего к гнездовскому материалу из раскопок В. И. Сизова, содержащих огромное количество поясных накладок) и восстановить комплексы невозможно; во-вторых, часть гнездовских кур-

ганов раскапывалась дважды (в XIX в. колодцем или траншеей и в XX в. — на снос); вследствие этого прежде единый комплекс оказался разделенным на два. Кроме того, по материалам трупосождений на данном этапе исследований в очень редких случаях удается отделить пояс от сбруи, также украшенной металлическим набором. Указанные факторы снижают достоверность выводов и ограничивают круг погребений, которые возможно подвергнуть исследованию. В результате источниковедческой работы удалось отобрать 59 погребений с деталями пояса Гнездова, 71 — Ярославского Поволжья, 27 — Бирки и 104 — Ижорского плато.

Подсчет доли погребений с поясными принадлежностями относительно всех раскопанных комплексов (рис. 1) показал, что встречаемость этой категории погребального инвентаря не очень велика. На Ижорском плато детали пояса встречены всего в 4,8% исследованных курганов, в Бирке — в 2,3%. Значительно ощутимее доля погребений с поясами в Гнездове и в Ярославском Поволжье — соответственно 6,4% и 9,6%.

Выше упоминалось, что исследователями тюркских древностей установлена связь между положением воина на социальной лестнице и богатством убранства его пояса. Для того чтобы проверить, существовала ли подобная зависимость в Древней Руси, необходимо прежде всего выделить различные типы поясов, исходя из состава их металлического убора. Выявляются три типа поясов: I тип «бытовой» — украшен лишь пряжкой (или пряжкой и кольцами, соединяющими отдельные части ремня), II тип состоит из пряжки и поясного наконечника, III тип — собственно наборный пояс, его характерной деталью является наличие бляшек, пряжка и наконечники могут присутствовать или нет. Наиболее часто наборный пояс встречается (рис. 2) в Гнездове (68%); в Ярославском Поволжье «бытовой» и «наборный» пояса распространены почти в равной мере (45% и 51%). В Бирке чаще всего встречается пояс II типа, наборный же пояс составляет лишь 15% всех поясов. Эти три памятника практически синхронны и близки по характеру. Видимо, относительная редкость пояса с металлическими деталями в Бирке, крупнейшем памятнике эпохи викингов в Швеции, связана с тем, что наборный пояс вообще не был распространенным элементом костюма в Скандинавии. II тип пояса (пряжка и наконечник) на территории Древней Руси встречается крайне редко (Гнездово — 5%, Ярославское Поволжье — 4%, Ижорское плато — 1%). На Ижорском плато детали пояса в целом не являются достаточно распространенной категорией находок — среди имеющегося материала абсолютно преобладают «бытовые» пояса I типа. Особенно для нас интересно резкое сокращение (17%) количества наборных поясов по сравнению с более ранними памятниками. Отличие курганов Ижорского плато от Гнездова и Ярославского Поволжья не только хронологическое, различен и характер этих памятников.

Рис. 1. Количество поясных принадлежностей в погребальных комплексах

1 — Гнездово; 2 — Ярославское Поволжье;
3 — Бирка; 4 — Ижорское плато

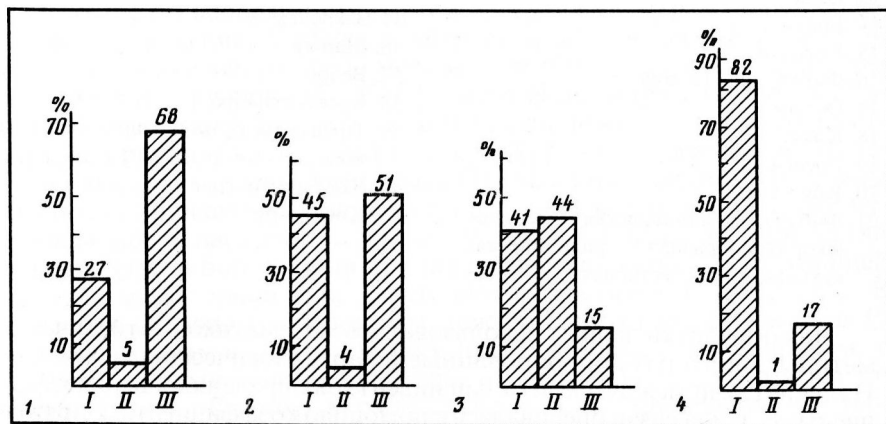
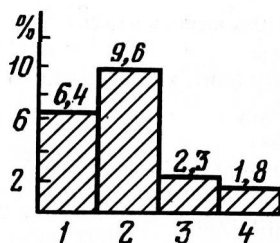

Рис. 2. Распределение поясов по типам (I—III)

1 — Гнездово; 2 — Ярославское Поволжье; 3 — Бирка; 4 — Ижорское плато

Рассматриваемые нами погребения с территории Ижорского плато — сельские кладбища. Гнездово и курганы Ярославского Поволжья входят в круг так называемых «дружинных» памятников (часть курганов содержит погребения дружинников) (40. С. 248, 255). Основная часть материалов этих памятников датируется X в. Курганы дружинников XI—XIII вв., выделены из общего массива М. Х. Алешковским, из 172 учтенных им погребений лишь 5 (т. е. 3%) содержат наборный пояс (41. С. 88—90). Таким образом, совокупность имеющихся в нашем распоряжении данных говорит о значительном понижении после X в. роли пояса в дружинной среде.

Некоторые любопытные наблюдения позволяют сделать анализ погребального инвентаря комплексов, содержащих пояса. Список инвентаря составлен по материалам всех привлекаемых памятников, он оказался весьма обширным (в него включены все предметы, встреченные с поясами не менее двух раз):

1. Меч (наконечник ножен)
2. Стрела
3. Доспех (щит, кольчуга, шлем)
4. Топор
5. Копье
6. Скрамасакс (детали ножен)
7. Предметы конского убора
8. Ритуальный рог
9. Котел
10. Торговый инвентарь (гири, весы)
11. Нож
12. Орудия ремесленного производства
13. Игла
14. Бритва
15. Кресало
16. Футляр для фистулы
17. Оселок
18. Ключ
19. Гребень
20. Копюшка
21. Фибула скандинавская женская (скорлупообразная, равноплечая, круглая, трехлепестковая)
22. Фибула (булавка) кольцевидная
23. Фибула подковообразная
24. Перстень
25. Браслет
26. Подвеска
27. Бубенчик
28. Бусы
29. Пуговицы
30. Гривна
31. Височное кольцо
32. Сумка
33. Шип ледоходный
34. Монета
35. Заклепка
36. Шашки
37. Ведро
38. Крест-тельник
39. Предметы культа (глиняные лапы, кольца)
40. Костяное острие
41. Коса (серб)

Для обработки данных использовались математико-статистические методы, много раз апробированные на археологическом материале. Наличие связи между элементами инвентаря определялось по коэффициенту χ^2 . Сила связи оценивалась с помощью коэффициента сопряженности Q (42. С. 95—97). Для каждого памятника выборка является частью генеральной совокупности погребений с поясами данного памятника. Для памятников выборки случайными не являются, и поэтому графы (рис. 3—6), получившиеся в результате обработки, не обязательно должны адекватно отражать связи для памятника в целом.

Наиболее яркая и интересная картина выявилась для курганов Ярославского Поволжья. Граф (рис. 3) отражает деление инвентаря на три массива, каждый из которых связан с одним из типов поясов. Для погребений с «бытовыми» поясами характерна малоинвентарность, выявляется взаимосвязь I типа пояса с топором из предметов вооружения, с ножом и ключом из бытовых предметов. II тип пояса встречается, как уже отмечалось, редко, с ним сопряжена группа предметов, из которых интересно отметить скандинавскую кольцевидную фибулу и гривну.

К наборному поясу тяготеет самая большая группа инвентаря. Предметы вооружения не обнаружили тесной связи с этим типом пояса. Однако достаточно высоким оказался коэффициент корреляции с торговым инвентарем, а в X в. купец и воин выступали в одном лице. Ледоходные шипы, также сопряженные с поясом, встречаются в эпоху Киевской Руси, в основном в дружинных

погребениях и, по мнению А. Н. Кирпичникова (43. С. 80), также могут играть роль социального индикатора. Выявившиеся связи дают нам повод строить предположения о социальном статусе (принадлежность к дружине) хотя бы части владельцев наборного пояса. Корреляция III типа пояса с копоушкой, которая является принадлежностью комплекса женского инвентаря и образует одну группу с украшениями (бусы, подвеска, бубенчик), иллюстрируют частую встречаемость пояса в парных погребениях.

Менее четкую картину демонстрирует нам граф, построенный по материалам Гнездова (рис. 4). Наиболее интересные связи обнаруживает пояс III типа, и прежде всего обращает на себя внимание его связь со стрелами. Опираясь на данные договора с греками 945 г. и на археологические источники, М. Х. Алешковский выдвинул предположение об иерархии предметов вооружения, отражающей социальное положение. Стрела в погребениях X в. занимает в этой системе второе место после меча и, возможно, является атрибутом «молодшей» дружины (41. С. 83). Исходя из сопряженности наборного пояса со стрелой, мы можем предположить его преимущественную принадлежность именно данной группе дружинников. Интересна высокая степень связи пояса III типа с пуговицами. Пуговицы являются индикатором определенного вида костюма: одна-две пуговицы могли застегивать ворот рубашки, большое же количество пуговиц (три и более) были принадлежностью длинной облегающей куртки, характерной для «восточного» костюма (44. С. 222). В Гнездове пуговицы с наборным поясом совместно встречены в 19 случаях, из них в шести случаях пуговиц больше трех (причем, с другими типами поясов пуговицы от «кафтана» не встречены ни разу). Таким образом, в ряде случаев пояс, пришедший на территорию Руси с Востока, оказывается связанным с «восточным» покроем одежды. В Гнездове, как и в Ярославском Поволжье, наборный пояс также связан с лецоходными шипами.

В Бирке (рис. 5) I и II типы пояса не обнаружили корреляции ни с одним из видов инвентаря. Наборный пояс оказался тесно связанным с костяным острием и, что особенно характерно, с пуговицами, указывающими нам на происхождение этой относительно редкой для территории Швеции детали костюма.

В граф, отражающий связь погребального инвентаря с типами поясов для курганов Ижорского плато (рис. 6), оружие не попало совсем. Наборный пояс сопряжен только с комплексом украшений, в первую очередь женских: подвеска, височное кольцо, в эту же группу входят бусы и браслет. Парные погребения, за счет которых женские украшения оказались включенными в систему связей в Ярославском Поволжье и Гнездове, на Ижорском плато отсутствуют. Таким образом, здесь мы наблюдаем совсем иную ориентацию наборного пояса — он встречается вне инвентаря, характерного для дружинных погребений, и является принадлежностью как мужского, так и женского костюмов.

Археологические памятники позволяют не только делать пред-

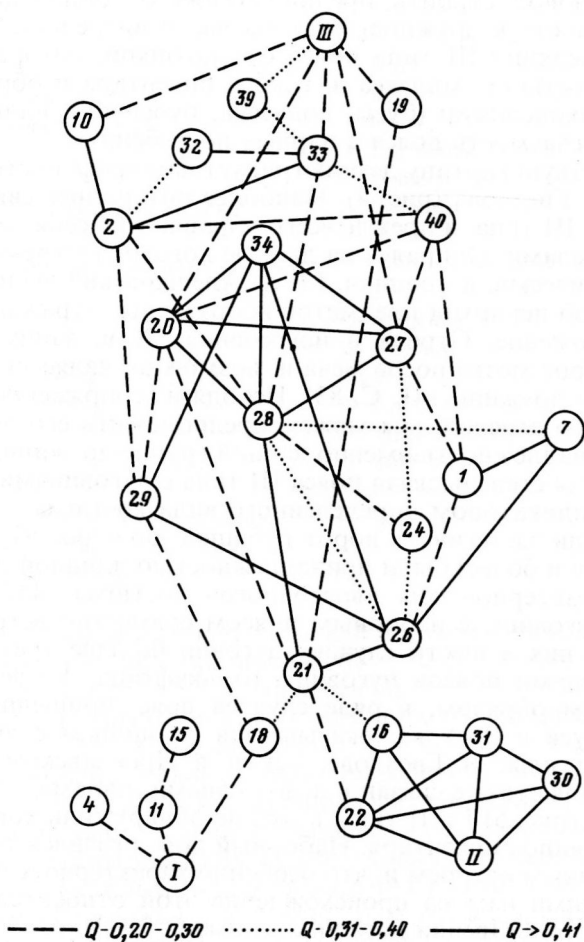

Рис. 3. Сопряженность типов поясов и категорий погребального инвентаря Ярославского Поволжья

Здесь и далее арабские цифры соответствуют номерам в списке инвентаря

положения о социальном статусе владельцев пояса, но и говорить о его ритуальной роли. Опорой для этого могут служить случаи нестандартного положения пояса в погребениях. В ряде могил элементы поясного набора встречены в ногах погребенного: во втором погребении кургана 33 с. Михайловского у ног погребенного лежало бронзовое поясное кольцо (37. С. 136). Исследователь курганов Петербургской губернии Л. К. Ивановский называет обычную лировидную поясную пряжку, найденную в кургане 4 (погребение

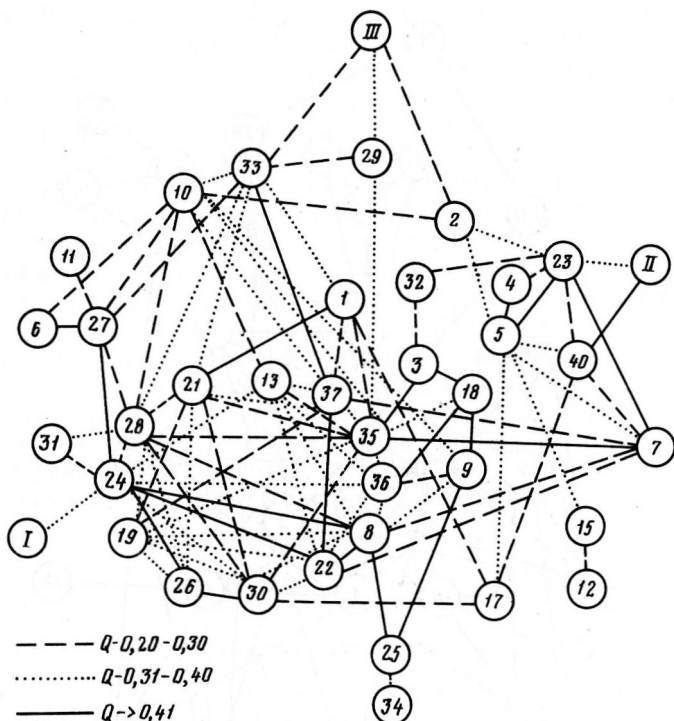

Рис. 4. Сопряженность типов поясов и категорий погребального инвентаря Гнездова

III) у д. Ново-Сиверской пряжкой от «поножей», указывая тем самым на ее местонахождение. О существовании загадочных «поножей» у нас нет никаких данных, зато на Южном Урале (45. С. 35, 58, 64) встречаются многочисленные случаи нахождения пояса, в том числе и наборного, в ногах покойника. Очевидно, это обычай «стреноживания» умершего с целью «обезвредить» его, сделать неопасным для живых. Известен случай нахождения пряжки и у шеи покойника (Тимерево, курган 90) (37. С. 103). Значение такого расположения пряжки не ясно. Среди гнездовских материалов об использовании пояса в ритуальных целях, не поддающихся на данном этапе расшифровке, говорит нахождение пряжки над погребальной камерой (на уровне материка, т. е. вне основного корпуса находок) в кургане Ц-191 (раскопки Д. А. Авдусина, 1976 г.). В кургане Ц-258 (раскопки Д. А. Авдусина, 1978 г.) погребение совершено в могильной яме, а детали наборного пояса оказались разбросанными по кострищу.

В заключение подведем основные итоги.

1) Наборный пояс имеет максимальное распространение на территории Руси в X в. и встречается в основном в дружинных

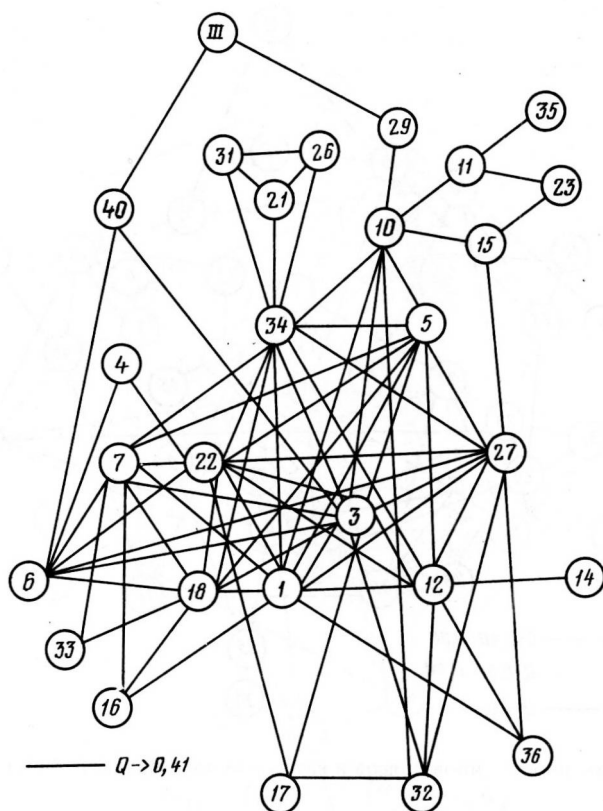

Рис. 5. Сопряженность типов поясов и категорий погребального инвентаря Бирки

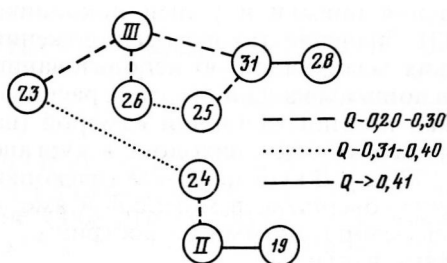

Рис. 6. Сопряженность типов поясов и категорий погребального инвентаря Ижорского плато

курганах. Возможно, он был особенно характерен для какой-то определенной, не занимавшей самого высокого положения («молодшей») дружины. Однако в больших и богатых курганах X в. он также встречается. Таким образом, оснований для утверждения о фиксированном месте пояса в четко разработанной системе социальных атрибутов у нас нет.

2) В эпоху развитого средневековья наборный пояс, сохранивший прежнюю структуру, продолжает существовать. Его социальная нагрузка весьма велика, наряду с другими предметами он входит в состав княжеских регалий московских князей. В конце XV — середине XVI в., когда оформляется церемония венчания на великое княжение (а затем и на царство), социальный статус драгоценного пояса, не вошедшего в состав великокняжеских регалий, значительно падает, он становится лишь принадлежностью богатого костюма.

3) Этнографические, фольклорные и археологические источники позволяют говорить о том, что пояс играл большую роль в разнообразных действиях, связанных с так называемыми «обрядами перехода» (свадьба, венчание на царство, похороны) и другими.

-
1. Волошинов В. Н. Слово и его социальная функция // Литературная учеба. М.; Л., 1930. № 5.
 2. Байбури А. К. Сеймиотический статус вещей и мифология // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1981. Т. 37.
 3. Бедукидзе Л. А., Соселия Л. К., Чартолани М. И. Каталог поясов. Тбилиси, 1967.
 4. Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1981.
 5. Рабинович М. Г. Древнерусская одежда (IX—XIII вв.) // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986.
 6. Савааштов П. И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенных. М., 1896.
 7. Описание домашнему имуществу царя Ивана Васильевича, по спискам и книгам 90 и 91 годов // Временник имп. Московского Общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. VII.
 8. Рабинович М. Г. Одежда русских XIII—XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986.
 9. Сычев Д. Б. Из истории калмыцкого костюма. Элиста, 1973.
 10. Сычев Л. П., Сычев В. Л. Китайский костюм. Символика, история. Трактовка в литературе и искусстве. М., 1975.
 11. Младшевич А. П. О скифских поясах // СА. 1941. № VII.
 12. Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980.
 13. Афанасьев А. Н. Наузы. Пример влияния языка на образование народных верований и обрядов // Народ художник. М., 1986.
 14. Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984.
 15. Соколова В. К. Весенне-летние календарные обычаи русских, украинцев и белорусов. М., 1979.
 16. Младшая Эдда. Л., 1970.
 17. Гаген-Торн Н. И. К методике изучения одежды в этнографии СССР // СЭ. 1933. № 34.
 18. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1.
 19. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск, 1988.
 20. Липец Р. С. Образ батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.
 21. Алпамыш: узбекский народный эпос по варианту Фазиля Юлдашева. М., 1949.
 22. Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967.

23. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. Т. II.
24. *Феофилакт Симокатта.* История. М., 1957.
25. *Прокопий Кесарийский.* История войн римлян с персами. СПб., 1876.
26. *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Соч. М., 1963. Т. I.
27. *László Gy.* Etudes archéologiques sur l'Histoire de la Soscété des Avars // Archaeologia Hungarica. 1955. Vol. XXXIV.
28. *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрок. М.; Л., 1952.
29. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 1937. Ч. II.
30. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
31. *Греберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.
32. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
33. *Никитский А.* Очерки из жизни Великого Новгорода // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. № 10.
34. *Янин В. Л.* Проблемы социальной организации Новгородской республики // Россия и Италия. М., 1972.
35. *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. М., 1918. Т. I, ч. 1—2.
36. *Олеарий А.* Описание путешествия в Москованию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
37. Ярославское Поволжье. X—XI вв. М., 1963.
38. *Arbman H. Birka. i. Die Gräber.* Uppsala, 1943.
39. *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. СПб., 1896. № 20.
40. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. // Археология СССР. М., 1982.
41. *Алешковский М. X.* Курганы русских дружинников XI—XII вв. // СА. 1960. № 1.
42. *Федоров-Давыдов Г. А.* Статистические методы в археологии. М., 1987.
43. *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973.
44. *Arne T.* La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914.
45. *Мажитов Н. А.* Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М., 1981.

**Об одной группе
древнерусских амулетов**

В древнерусских памятниках XI—XII вв. нередко амулеты в виде миниатюрных предметов быта: ложечек, ключей, гребешков, ножичков и пр. Иногда в погребениях находят единичные амулеты, но, как правило, они встречаются в наборе, висящими на бронзовых или железных цепочках или объединенными общим держателем. Такой держатель гарантирует целостность комплекса. Известно, что наборы амулетов встречены только в женских захоронениях. Однако возникает вопрос, почему лишь некоторые женские костяки снабжены амулетами, а основная масса лишена их. Остается неясной и смысловая нагрузка наборов.

* * *

Б. А. Рыбаков первым выделил языческие амулеты в виде миниатюрных предметов быта и оружия из общей массы славянских древностей и попытался раскрыть семантику этих предметов (1, 2). В дальнейшем к их изучению обратилась Н. П. Журжалина, давшая их суммарное описание и датировку (3). Первая работа, в которой проведена детальная систематизация привесок-амулетов, принадлежит А. В. Успенской. Она тщательно проанализировала комплексы, в которых они были найдены, провела датировку амулетов и определила их ареал (4). Е. А. Рябининым еще раз проанализированы основные типы древнерусских амулетов с целью «проследить процесс взаимодействия идеологических представлений в разнотипной среде северных областей Киевского государства...» (5. С. 55).

Краткий перечень работ, посвященных древнерусским амулетам, свидетельствует о том, что раскрытие смысла наборов требует дальнейшей работы. Для того чтобы ответить на вопрос, что представляли собой эти наборы, необходимо понять значение каждой его составной части.

Темой настоящей статьи является анализ самой немногочисленной группы амулетов — костяные и металлические подвески в виде миниатюрных ножей и ножен.

Небольшие, длиной 6—8 см костяные подвески в виде ножей или ножен найдены в девяти пунктах Древней Руси в количестве десяти экземпляров. Пять из них точно повторяют в миниатюре нож, вложенный в ножны (Новгород, Калитино, курганы 37, 50; Колчино, курган 56; Прологи, курган 44). Пять других представляют собой только одни ножны, без ножа (Браслав, Выра, курган 22;

Стрежено, курган 5; Харлапово, курган 31; Обабково, курган 1). Эти подвески орнаментированы точечным или пунктирным орнаментом, как бы повторяющим прострочку кожаных ножен, в которых носили ножи (рис. 1, 2).

Картографирование костяных ножевидных подвесок показало: большая их часть найдена на севере и северо-западе Руси, что, по-видимому, указывает на их финско-прибалтийское происхождение. Аналогии им известны в средневековых финно-угорских памятниках Прибалтики (5. С. 61).

Помимо костяных подвесок, имитирующих ножны, имеются похожие предметы, сделанные из металла (рис. 2, 6). Так, например, они известны в Новгороде, найдены в Костромских курганах, в погребении у д. Вопша Ленинградской области и других памятниках. Л. А. Голубева считает, что они служили игольниками и связаны своим происхождением с финско-прибалтийским миром (6). И хотя подвески имеют чисто функциональное назначение, форма этих предметов, по всей видимости, не случайна и генетически связана с описанными выше амулетами. Любопытно, что на Серенском городище Калужской области найдена литейная форма для отливки подобного игольника (7. С. 75—76, рис. 25, 4).

Среди берегов есть небольшие, длиной около 4 см металлические подвесочки, которые в литературе получили название «упрощенного изображения челюсти хищника» (8. С. 541). Шесть таких подвесок обнаружено в четырех пунктах (Коханы, курган 11; Харлапово, курганы 17, 31; Смяличи, курган 1; Беседы, курган 145). На наш взгляд, они представляют собой схематическое изображение ножен (или ножа в ножнах) — четко видно с краю удлиненное вместилище для ножа, а также фигурный зубчатый край чехла (рис. 3).

Такое определение миниатюрных бронзовых амулетов становится бесспорным, если сравнить их, например, с костяным амулетом в виде ножа из Новгорода или бронзовыми игольниками в виде ножен. На подвеске из Смялич хорошо читается пунктирный орнамент, повторяющий прострочку кожаных ножен.

Другая группа бронзовых амулетов получила в литературе название «подвесок в виде звериной пасти» (4. С. 116). Исследователи считают, что они изображают челюсти хищных зверей («лютый зверь») (8. С. 547) и связаны с заклинательной магией, являясь оберегами от злых сил. Пять подвесочек найдено в пяти пунктах (Колчино, курган 41; Паново, курган 3; Бисерово, Рыбушкино, Александровка, курган 1) в наборе с другими амулетами в составе погребального инвентаря. Подвеска из Рыбушкина, вероятнее всего, происходит из разрушенных курганов. Остальные четыре подвески — из женских захоронений на материке, где они располагались около плеча погребенных. Шестой амулет был обнаружен в слое поселения у д. Торхово Тульской области* (рис. 4).

* Выражаю глубокую признательность В. Гриценко за возможность опубликовать эту подвеску.

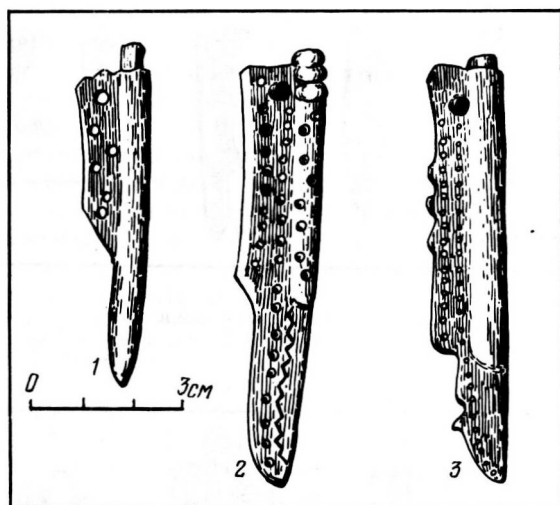

Рис. 1. Костяные подвески в виде ножа
1 — Колчино; 2 — Прологи; 3 — Новгород

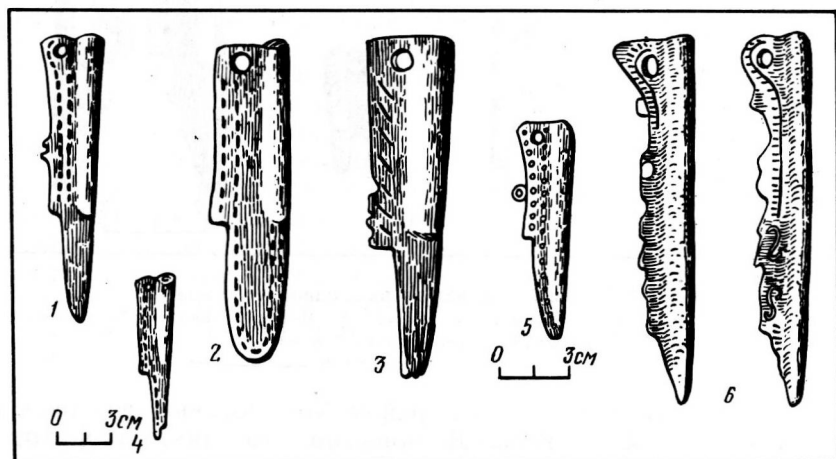

Рис. 2. Подвески в виде ножен
1 — Стрежено; 2 — Выра; 3, 6 — Новгород; 4 — Харлапово, 5 — Браслав; 1—5 — кость; 6 — бронза

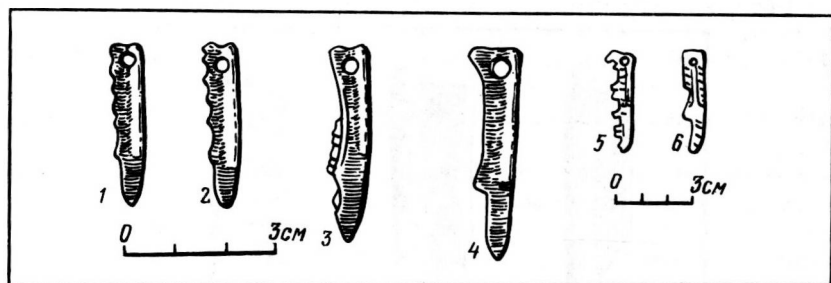

Рис. 3. Подвески-амулеты в виде ножа
1, 2 — Коханы; 3 — Беседы; 4 — Смяличи; 5, 6 — Харлапов; 1—6 — бронза

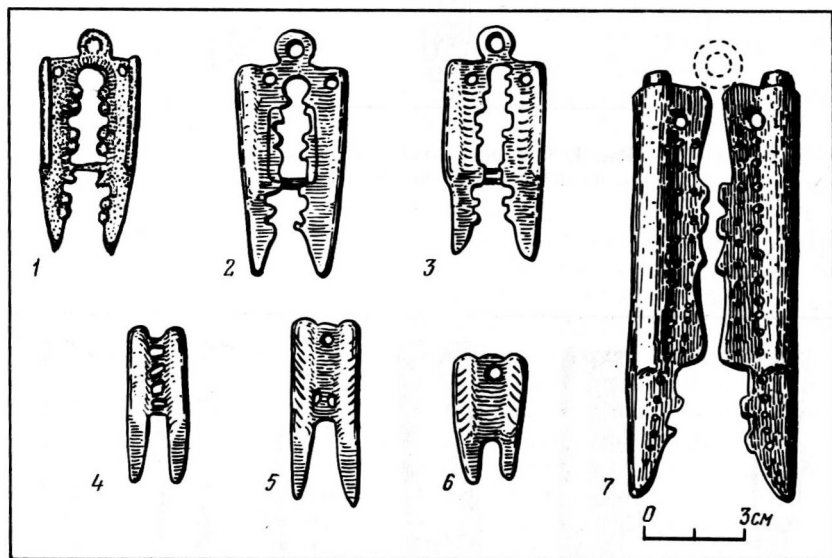

Рис. 4. Подвески-амулеты в виде двойного ножа
1 — Торхово; 2 — Александровка; 3 — Рыбушкино; 4 — Колчино; 5 — Паново; 6 — Бисерово; 7 — Реконструкция
подвески в виде двойного ножа; 1—6 — бронза

Ареал их ограничен — это район Москворечья, верховья р. Клязьмы и бассейн р. Угры. Любопытно, что данная территория совпадает с зоной распространения амулетов-гребешков, которую Е. А. Рябинин очерчивает как территорию формирования славянских привесок-амулетов (5. С. 59).

Что же в действительности представляет собой этот амулет? Изобразим костяную ножевидную подвеску из Новгорода, а затем рядом с ней вплотную поместим ее зеркальное изображение. Перед

нами предмет, удивительно напоминающий «звериную пасть». В действительности же это не что иное, как сдвоенный нож (рис. 4. 7).

Пока трудно ответить на вопрос, почему в некоторых случаях в наборах амулетов встречается одинарный, а в других случаях сдвоенный нож. Однако двойственность различных амулетов в наборах не так уж редка.

Одинарные и сдвоенные ножи-амулеты найдены в 16 погребальных комплексах*, причем в 11 случаях они были объединены с другими амулетами арочными или костыльковыми держателями, а также бронзовыми или железными цепочками.

Следует отметить, что в захоронениях всегда встречаются наборы амулетов. Они могут быть очень небольшими — например, нож (или сдвоенный нож) и бубенчики. В других случаях составных частей таких наборов значительно больше. Так, в двух погребениях они состояли из трех категорий амулетов, в трех — из четырех, в трех — из пяти, а в одном — из семи различных подвесок. Большие наборы амулетов обнаружены в кургане 31 д. Харлапово Смоленской области: два ножа-амулета, два гребешка, четыре конька «смоленского типа», несколько орехов и большое количество бубенчиков, а в кургане 17 того же могильника найдены два ножа-амулета, один гребешок, два волчьих клыка, три конька «смоленского типа» и бубенчики. Но наибольшее количество подвесок-амулетов висело на цепи, найденной в одном из погребений д. Бисерово Московской области. Среди них сдвоенный нож, ложечка, гребешок, круглая подвеска типа «ковшика», votивный перстень, костяная пластина и бронзовый бубенчик.

Кстати, в тех случаях, когда в погребении находят амулеты в виде ножей (одинарных или сдвоенных), железные ножи, как правило, отсутствуют. Так, из 16 захоронений с ножами-амулетами ножи присутствовали только в трех погребениях.

Обращает на себя внимание то, что среди комплексов с амулетами встречаются железные ножи, висящие на цепочках и входящие в эти наборы. Таких погребений в настоящее время известно более 30. Так, например, в кургане 59 у д. Глинники Калининской области амулеты (конек «смоленского типа» и клык животного) были подвешены на цепочке к ножу. Для сравнения отметим, что амулеты в кургане 56 у д. Колчино Смоленской области висели на бронзовой цепочке, прикрепленной к костяному ножичку-амулету.

Любопытно, что в кургане 7 у д. Шейково Московской области два ножа висели на железной цепочке на левой стороне груди погребенной. Не являются ли они в данном случае заменой амулета — сдвоенного ножа, о котором говорилось выше?

В ряде случаев исследователи отмечали, что нож, висящий в составе амулетов, был вложен в ножны (Нижний Конец, курган 1; Гайгово, курган 3). Иногда же вместо ножа присутствовали кожаные ножны (Дуденево, курган 10; Бочарово, курган 4) или костяная

* В данном случае мы исключаем амулеты, найденные в городских слоях.

рукоятка ножа (Грязивец; курган 1). Ножи-амулеты также всегда изображались в чехле или представляли собой только одни ножны.

Особое положение ножа (у плеча, на груди), подвешенного на цепочке в наборе с другими амулетами, позволяет сделать предположение, что он выступает в этих случаях в качестве ритуального предмета и заменяет собой миниатюрные бронзовые и костяные ножички. Не случайно, видимо, в наборы амулетов включаются небольшие костяные и бронзовые ножички, либо заменяющие их настоящие железные ножи. Ведь ритуальную роль ножей в некоторых женских захоронениях отмечали не раз. Так, например, исследователь Харлаповских курганов писал, что в женских погребениях, так же как и в мужских, нередко находились ножи, однако в отличие от последних, которые носились в повседневной жизни и потому находятся на поясе погребенных мужчин, ножи в женских захоронениях встречаются у плеча или около руки (9. С. 197—198, 214).

Ритуальный характер ножей в некоторых славянских могилах отмечает и В. В. Седов (10. С. 164). В женских захоронениях вятичей ножи, как правило, также находили у головы, у ступней, на груди (11. С. 13).

Б. А. Рыбаков, изучая погребальный обряд Черниговского некрополя, впервые обратил внимание на половозрастные различия Черниговских курганов. В частности, он отметил, что в погребениях девочек ножи отсутствовали. В то же время в женских могилах нож был обязательной принадлежностью погребального инвентаря (12. С. 20).

Когда женщина получала нож, символом чего он являлся? Может быть, нож давался девочке по достижении ею определенного возраста, когда она вступала в класс взрослых (так же как получала она поясную одежду), становилась невестой и ее можно было сватать? (13. С. 620).

Возможно, на Руси женщин хоронили в том уборе, который давался девушке, при вступлении в новый возрастной класс, атрибутом которого был и нож — символ трудовой деятельности. При жизни, видимо, эти предметы не носились, про них вспоминали, когда одевали женщину для захоронения: тогда нож становился обязательным атрибутом погребальной обрядности*.

Амулеты в виде ножа или ножен также были связаны, по-видимому, с каким-то определенным периодом в жизни женщины.

Не случайно и в наборах амулетов, а часто и тогда, когда в качестве амулета кладется настоящий нож, они предстают в ножнах — тем самым подчеркивается праздничность, торжественность, неординарность ситуации.

Все вышеописанное не исключает и чисто магической силы,

* Возможно, однако, что топография ножа в погребении зависит не только от половой принадлежности и возраста погребенного, но и от местных особенностей.

которую приписывали ножам (и острым предметам вообще) многие славянские и финские народы.

Этнография знает примеры того, как ножом (косой, топором — вообще острым предметом) очерчивали замкнутый круг, чтобы оградить себя от злых духов. Во время града у многих славянских народов выбрасывали во двор режущие орудия (топоры, ножи), чтобы защитить урожай (14, 15). Многие народы верили, что нож убивает злых духов, поэтому его подкладывали под покойника, кидали в вихрь, чтобы убить злого духа, якобы его вызвавшего (16). Такая магическая сила придавалась многим орудиям, связанным с трудовой деятельностью человека.

Дальнейшее изучение амулетов позволит, надо надеяться, раскрыть семантику наборов амулетов, в том числе и небольших подвесок в виде ножей.

-
1. Рыбаков Б. А. Прикладное искусство и скульптура // История культуры древней Руси. М.; Л., 1951. Т. 2.
 2. Рыбаков Б. А. История древних славян // История русского искусства. М., 1953. Т. 1.
 3. Журжалина Н. П. Датировка древнерусских привесок-амулетов // СА. 1961. № 2.
 4. Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни, т. III. Тр. ГИМ. М. 1967. Вып. 43.
 5. Рябинин Е. А. Языческие привески-амулеты древней Руси // Древности славян и Руси. М., 1986.
 6. Голубева Л. А. Игольники восточноевропейского севера X—XIV вв. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
 7. Никольская Т. Н. Древнерусский Серенск — город вятических ремесленников // КСИА. М., 1971. № 125.
 8. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М., 1987.
 9. Шмидт Е. А. Курганы XI—XIII вв. у д. Харлапово в Смоленском Поднепровье // МИСО. Смоленск, 1957. Вып. 2.
 10. Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. // Археология СССР. М., 1982.
 11. Недошивина Н. Г. Погребальный обряд вятичей XI—XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.
 12. Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА М.; Л., 1949. № 11.
 13. Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая сер. М., 1956. Т. XXXI.
 14. Лавонен Н. А. О древних магических оберегах (по данным карельского фольклора) // Фольклор и этнография. Л., 1977.
 15. Толстые Н. И. и С. М. Заметки по славянскому язычеству // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982.
 16. Зеленин Д. К. Магическая функция примитивных орудий // Изв. АН СССР. Отд.-ние обществ. наук. 1931. Вып. 6.

Е. Ю. Новикова

**Подвеска с птицей
из Владимирских курганов.
Опыт атрибуции**

Среди богатого и разнообразного набора ювелирных изделий, полученного в результате раскопок Владимирских курганов в середине прошлого века, значительную часть составляют предметы, декорированные в технике зерни и скани. В частности, это плоские круглые подвески к ожерельям, сделанные, как правило, из серебряных пластин, со сканно-зерновым узором геометрического или растительного характера. Правомерно ли то, что исследователи обычно относят их к произведениям древнерусского ювелирного дела?

* * *

В данной статье будет подробно рассмотрена одна из круглых владимирских подвесок (1. С. 141, рис. 176), отличающаяся от большинства других техникой изготовления, способом декора, характером орнамента и стилем изображения*. Подвеска имеет дисковидную форму, на лицевой ее стороне — изображение «распластанной» птицы с головой, развернутой в профиль влево. Детали изображения (туловище, перья хвоста, крылья, голова с шеей) выполнены в технике зерни, посаженной тесно и беспорядочно, и обведены по контуру тонкой рубчатой проволочкой. Такая же проволочка проходит по краю лицевой стороны подвески. Ушко для подвешивания, представляющее собой широкую петлю, окаймлено с двух сторон рубчатыми проволочками и украшено четким геометрическим зерновым узором из треугольников и ромбов, что отличает его от хаотично расположенной зерни в изображении птицы (рис. 1, 1). Такое оформление ушка характерно для упоминавшихся уже плоских круглых подвесок, где оно вполне соответствует геометрическому орнаменту на поле подвески.

В древнерусском материале известны всего две дисковидные подвески, выполненные в одинаковой технике, декорированные в одной манере, с использованием одного технического приема, но с

* Под *техникой изготовления* здесь понимаются приемы, используемые при изготовлении вещи; под *способом декора* — зернь и скань вообще. «Прием» или «способ декора» означает различные способы украшения в этой технике, в частности, так называемая «оконтуренная зернь». Под *стилем изображения* — иконографические варианты. Выражения «манера» и «стиль изображения» тождественны.

разными вариантами изображения. Одна из них — вышеописанная, вторая — серебряная позолоченная подвеска из гнездовского клада 1867 г. (2. С. 281, табл. 13), изображение на которой представляет другой иконографический вариант «распластанной» птицы — двуглавой, с соответственно измененной моделировкой туловища и шеи (рис. 1, 2).

Третий вариант изображения, близкий владимирскому (но с концентрическими окружностями по бокам у хвоста), встречен на дисковидной биллоновой подвеске из Новгорода (3. С. 38, рис. 12, 2), выполненной в технике литья, имитирующей зернь и скань (рис. 1, 4). Она, вероятно, является подражанием подвескам типа Владимирской. Такого рода биллоновые или из свинцового сплава подражания зерненым и сканным вещам характерны для массовой продукции новгородских ювелиров (3).

Техника изготовления гнездовской и владимирской зерненных дисковидных подвесок совпадает в деталях*. Из тонкого листа серебра вырезалась заготовка в форме двух круглых пластин, соединенных перемычкой. На пластине большего диаметра при помощи матрицы оттискивалось рельефное изображение птицы и валик, идущий по окружности, чуть отступив от края. На обороте при этом получался негативный рельеф. Края пластины за пределами валика на той же матрице загнуты так, что она имеет форму «крышечки». Заготовка согнута по середине перемычки, образующей ушко подвески, и загнутые края лицевой пластины припаивались к краям плоской оборотной.

В довольно мягком, но четком рельефном рисунке наиболее выпуклыми тонкими линиями даны валик по окружности пластины и контуры частей тела птицы (по этим линиям напаяны тонкие проволоочки). Чуть более низкое, но все же приподнятое над фоном поле внутри контуров заполнено мелкой зернью. Глаза птиц в обоих вариантах сделаны из более крупных шариков зерни, посаженных на колечко.

Полные аналогии (включая иконографические детали) подвеске из Владимирских курганов пока неизвестны. Новгородский экземпляр, чрезвычайно схожий с владимирским и имитирующий ту же технику, обладает тем не менее дополнительными иконографическими деталями. Это, возможно, свидетельствует о бытовании на древнерусской территории других, неизвестных пока, зерненных экземпляров, подобных владимирскому, с которыми был знаком новгородский мастер.

Гнездовская подвеска является очень близкой аналогией владимирской по технике изготовления, способу декора и стилю, отличаясь лишь в иконографии. Вместе с новгородской она составляет первый, узкий круг аналогий изображению птицы на владимирском экземпляре.

* Техника реконструируется на основании визуальных наблюдений над обеими подвесками. Реконструкция косвенно подтверждена находкой матриц для тиснения аналогичным образом изготовленных крестообразных подвесок (см. ниже).

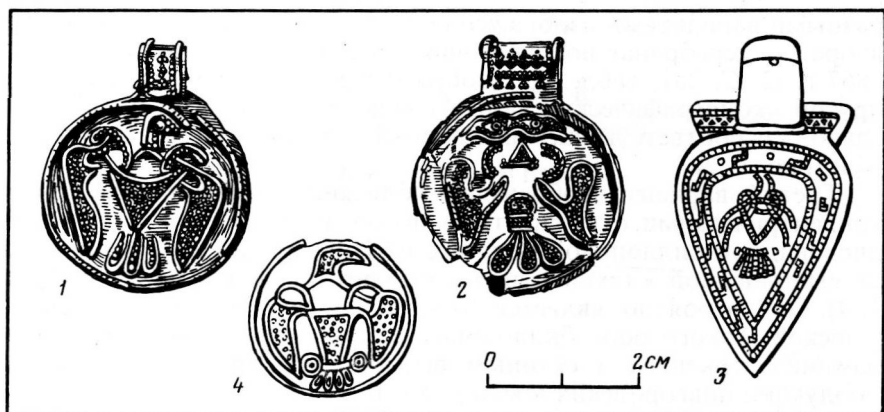

Рис. 1. Подвески и конская бляха с изображениями птиц

1 — Владимирские курганы; 2 — Гнездово, клад 1867 г.; 3 — Калининградская обл., могильник Ирзекапинис, погр. 10 (уменьшено); 4 — Новгород

Второй, более широкий круг аналогий составляют изображения птиц на других предметах. Их можно разделить на две группы: а) сходные по технике и приему изображения птиц; б) сходные с точки зрения стиля и иконографии, но выполненные в иной технике. К первой относятся изображения одноглавых «распластанных» птиц на золотых бусах из клада близ с. Сахновка б. Каневского у., Киевской губ. (4. Табл. 1, клад 127), совершенно отличные от владимирской по стилю и иконографии. Схожи лишь поза и принцип раздельного изображения частей тела птиц. Вторая группа представлена изображениями на конских сбруйных бляхах из могильников Пруссии, выполненными в технике плакировки серебром по железу (5. Табл. СXXXII, 6, 15, 26; 6. С. 110, рис. 5, 4; С. 115, рис. 8, 5) (рис. 1, 3 — рисунок взят из публикации (6)).

Круг изображений, подобных владимирской птице по иконографии и стилю (новгородская из первого круга аналогий и группа «б» второго круга), не выходит за рамки северного региона (Новгород, земли пруссов). Аналогия же по технике и приему декора, казалось бы, принадлежит югу (Сахновка, группа «а» второго круга). Кроме того, есть еще Гнездово, географически промежуточный пункт, где к тому же на одной вещи соединяются аналогии: по технике и стилю изображения. Если же мы отрешимся от конкретности образа и поищем аналогии самому приему декора (окоптуренная зернь), то картина резко изменится. Кроме Сахновки и Киева, нигде на юге подобный прием более не встречен (причем, в Киеве — на вещах не древнерусского происхождения*. Зато предметы, декорированные

* В кладе на территории Михайловского монастыря в Киеве найдено семь крестообразных подвесок, декорированных этим способом (4. С. 67, рис. 13) (рис. 3, 3). Уже Г. Ф. Корзухина отметила их «нерусский характер» (4. С. 66). П. Паульсен связывает их происхождение с молотом Тора (7).

этим способом, встречаются севернее. На Руси — это круглые скандинавские фибулы: 4 — из Владимирских курганов (1. Рис. 23, 25, 38)*, 1 — из погребения (?) на гнездовском Центральном городище (8. Рис. 21; 4) (рис. 2, 2), 1 — из клада в местечке Собачьи Горбы близ Новгорода (9. Рис. 159); всего 6 штук (рис. 2). Вне нашей территории разнообразные предметы, декорированные данным способом, найдены в большом количестве в Скандинавии и орнамент на них — типично скандинавский. К этому кругу относятся следующие вещи**.

1. Крестообразные подвески. Найдены: в кладах о. Готланд (10. Bd. II. Abb. 163, 3; 185, 3; 250, 1; 223, 2; 174, 10; 192, 3; 219, 3), в материковой Швеции (10. Bd. I. Abb. 70; 41, 1, 2), в кладах из Хиддензее в Дании (7. S. 214; Abb. 104) (рис. 3, 4). Всего: 10 — в Швеции, неизвестное нам количество — в Дании***.

2. Тисненные накладные пластины на коробчатых фибулах с изображениями масок и переплетенных конечностей. Клады о. Готланд (10. Bd. II. Abb. 141 а-с; 261; 3—6; Bd. I. Abb. 18, 1; S. 51, сн. 2; 11. С. 32. № 88). Всего: 4 целые фибулы и накладные пластины от пятой.

3. Некоторые типы зерненных круглых фибул с двумя видами орнамента: а) переплетение звериных конечностей, б) подтреугольные фигуры. Найдены: в Бирке (неизвестное погребение и клад) (12. P. 86, Fig. 111, 113), в кладах Готланда (10. Bd. II. Abb. 42, 1; 122, 1; 129, 1; 174, 3, 5; 190, 4; 195, 1; 209, 1, 2; 213, 1, 2; 214, 1, 3, 4; 219, 2; 223, 4), в материковой Швеции (10. Bd. I. Abb. 7, 2, 1; 1, 1—4; 11. С. 30. № 80). Всего: 13 фибул и определяемые фрагменты еще от двенадцати.

4. Вставные пластины со звериным орнаментом на кольцевидной фибуле. Клад, о. Готланд (10. Bd. II. Abb. 140 а-d).

5. Вставные пластины на подвеске. Клад, о. Готланд (10. Bd. II. Abb. 247, 5).

6. Подвеска подпрямоугольная (фрагмент) со звериным плетеным орнаментом. Клад в Хон, Норвегия (12. P. 107, Fig. 150, 20).

7. Крестообразная подвеска-распятие. Погребение, Бирка (12. P. 56, Fig. 61).

* Четвертая фибула не опубликована, хранится в ГИМ. Инв. 55421 (рис. 2, 3).

** Список (по количеству предметов) далеко не полон. В кладах Готланда, например, их число может быть увеличено за счет небольших, но выразительных по технике фрагментов украшений, тип или категорию которых нельзя определить. Кроме того, в список не вошли предметы, на которых встречается иной вариант бессистемной зерни: она заполняет не контуры изображения, а фон сканного орнамента. Этот прием применен на некоторых типах круглых фибул, бус, круглых плоских подвесок на Готланде, в Бирке и материковой Швеции. Такой вариант учитывается нами при рассмотрении разнообразия декора бессистемной зернью в Скандинавии.

*** Нам не удалось ознакомиться с полной публикацией клада. Так как не все подвески в его составе декорированы зернью, то их количество здесь не приводится. По сведениям М. Стенбергера, их не менее двух экземпляров (10. Bd. I. S. 171).

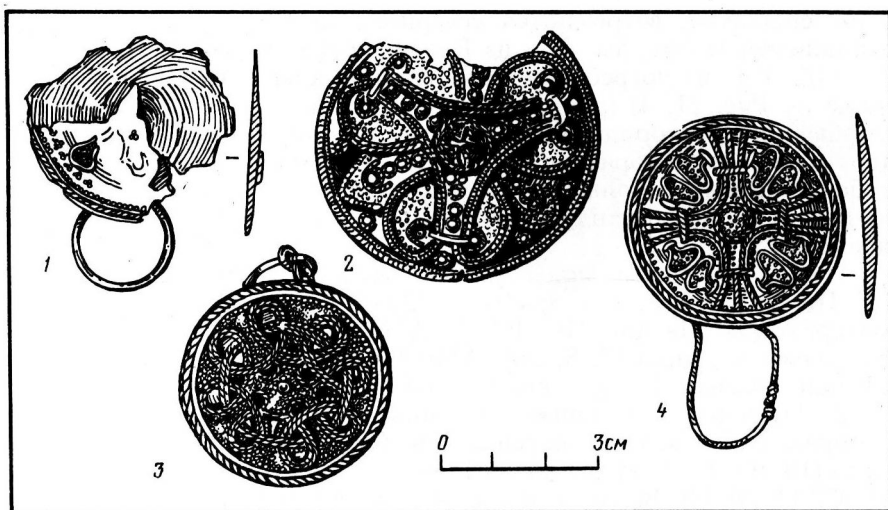

Рис. 2. Фибулы с орнаментом из бессистемной зерни

1 — Владимирские курганы; 2 — Гнездово, Центральное городище, погребение под слоем; 3 — Владимирские курганы; 4 — Владимирские курганы

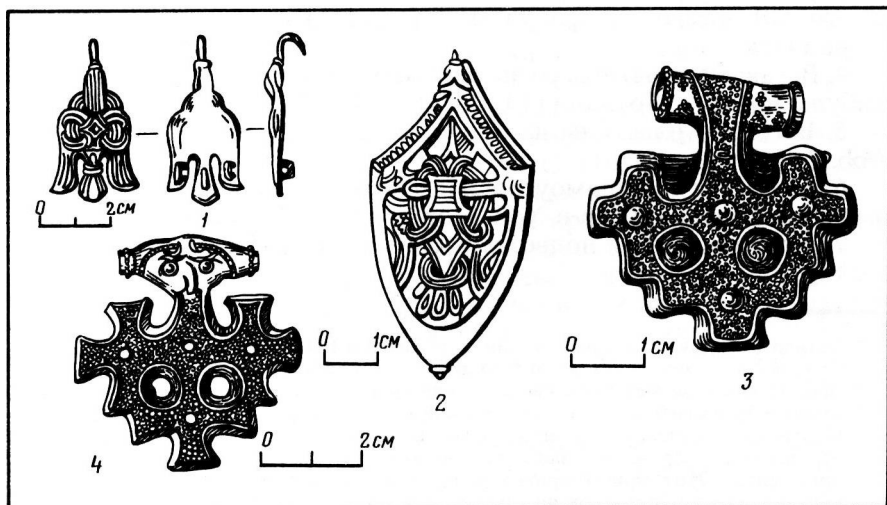

Рис. 3. Крючки и наконечник ножен меча с изображениями птиц. Крестообразные подвески с бессистемной зернью

1 — Б. Тимерево, курган 383; 2 — Швеция, Оланд; 3 — Киев, клад 1903 г.; 4 — Дания, Худдензее, клад

8. Брактеаты с человеческой маской или фигурой. Клады о. Готланд (10. Bd. II. Abb. 60, 61, 63; 261, 1). Всего 4 экземпляра.

9. Обкладки ножен мечей и навершие меча с переплетающимся звериным орнаментом (на навершии — композиция из двух противолежащих фигур зверей). Материковая Швеция и о. Эланд. Всего 5 экземпляров (11. С. 33. № 103; 22. S. 18, Fig. 3; S. 127, Fig. 45; S. 139, Fig. 54, 55).

10. Пекторали с элементами звериного орнамента (звериные конечности). Швеция. Всего 3 экземпляра. (22. S. 22, Fig. 8; S. 110, Fig. 36; 11. С. 16).

Разнообразие категорий предметов, орнаментированных интересующим нас приемом, существование различных вариантов декора (зернь, заполняющая рисунок; зернь, заполняющая фон; зернь на колечках* и без них и, наконец, сочетание на одной вещи разных вариантов), многообразие композиционных решений, но при этом устойчивый набор сюжетов и мотивов орнаментации, а также выдержанность стиля всех перечисленных вещей — все это дает право предполагать их общее происхождение и искать истоки данного приема декора именно в Скандинавии. Вещи с восточноевропейской территории, кроме круглых подвесок и бус из Сахновки (их этническая принадлежность спорна), также представляют скандинавские формы украшений.

Многие перечисленные выше украшения из Скандинавии аналогичны владимирской и гнездовской подвескам не только по приему декора, но и (в тех случаях, когда есть соответствующая информация) по технике изготовления самой вещи или ее деталей (в сложных изделиях). Наиболее полными аналогиями технике изготовления наших дисковидных зерненных подвесок являются крестообразные подвески (как со скандинавской, так и с нашей территории). Им соответствует находка матриц**, имеющих форму цельных подвесок, с ушками, т. е. тиснения рельефа на пластине и сгибание ее по форме будущей подвески производилось на матрице. Немного по-иному (судя по увеличенному изображению лицевой и оборотной сторон и описанию) изготовлено распятие из Бирки (№ 7 в списке скандинавских аналогий) — подвеска состоит из двух отдельных спаянных пластин, ушко является частью задней пластины (12. Р. 55, 56, Fig. 61). Что касается накладок на сложные вещи, то здесь также

* Этот и последний варианты оконтуренной зерни встречаются на предметах под № 6 и 7 по списку аналогий. У № 6 — подвески из Хон — зернь на колечках, плотно прилегающих друг к другу. У № 7 — распятия, сочетание разных вариантов: зернью одного размера заполнен контур лица, а контур туловища в районе груди заполняют тесно посаженные, но разные по величине зерна, некоторые из них окружены колечками из рубчатой проволоки.

** Комплекс матриц для тиснения различных украшений, в том числе крестообразных подвесок и, по-видимому, верхних пластин круглых фибул, найден в гавани Хелебю, в корабле викингов (13. S. 62. Abb. 4). Кроме того, для реконструкции техники изготовления здесь использованы непосредственные наблюдения над киевскими экземплярами и описание Стенбергепа (10. Bd. I. S. 171).

известны случаи тиснения рисунка под зернь. Я имею ввиду пластины с коробчатых фибул (10. Bd. I. S. 50, 51), тисненные рельефные детали круглых фибул из Бирки (12. P. 86, Fig. 112), некоторые накладные пластины на круглые фибулы (12. P. 82, Fig. 104) (см. находку матриц в Хедебю), тисненные обкладки ножен мечей, детали пекторали из Старой Уппсалы со звериным орнаментом.

Итак, изображения на двух дисковидных подвесках — владимирской и гнездовской — объединяет прежде всего набор определенных технических приемов в изготовлении и декоре вещей.

Это связывает их с миром скандинавских ювелирных изделий. Обе группы вещей близки также по стилю и манере рисунка: и те, и другие имеют в составе изображений переработанные в технике зерни и скани элементы плетения, характерные для скандинавских стилей борре и еллинг. Так, зерненный рисунок птицы на подвесках имеет все те же элементы, что и птицы с плетением на литых ажурных наконечниках ножен мечей (рис. 3, 2) или на крючках (14. С. 17, рис. 7, 3) (рис. 3, 1). Схожая трактовка образа, но приспособленная к другой технике. Стенбергер, рассматривая круглые фибулы, обратил внимание на то, что зерненные переплетающиеся фигуры воспроизводят в этой технике плетеных зверей стиля еллинг (10. Bd. I. S. 35—36). Лучшее всего это видно на подвеске из Хон (№ 6 в списке скандинавских аналогий), где плетение в стиле еллинг почти не переработано.

В более широком круге аналогий*, куда входят птицы на деталях конского убора из Пруссии, изображения объединяет уже не техника, а стилистические особенности, в том числе сохранение в рисунке элементов плетения**.

Таким образом, ареал стилевых аналогий изображению птицы с дисковидных подвесок отражает распространение данного образа в определенной трактовке. Ареал же аналогий по технике изготовления и приему декора — происхождение и распространение рассмотренной ювелирной традиции.

В Скандинавии предметы, изготовленные с применением позитивного штампа и декорированные приемом оконтуренной зерни, известны с VI в. (№ 9 по списку аналогий) (11. С. 37) по XI в. включительно (№ 5 по тому же списку) (10. Bd. I. S. 195). Из всего богатства и разнообразия скандинавских украшений, перечисленных в списке, в Восточной Европе встречаются только крестообразные подвески и круглые фибулы. Они датированы в основном по четырем кладовым комплексам и по скандинавским аналогиям (15. С. 46; 4. С. 66). Крестообразные подвески из Киева Г. Ф. Корзухина датирует первой половиной XI в., полагая, что они попали в состав более позднего клада (зарытого не ранее конца XII в.) (4. С. 66).

* Т. е. группа «б» второго круга аналогий.

** Птицы на сахновских бусах, входящие в группу «а» аналогий второго круга, будучи идентичными подвескам по приему декора, отличаются от всего рассматриваемого круга изображений как раз отсутствием, даже стилизованных, элементов плетения.

Основанием для их датировки служат аналогичные готландские подвески из кладов первой половины XI в., по Стенбергеру. Однако, говоря о первой половине XI в., Стенбергер имел в виду дату зарытия этих кладов, куда подвески попали в составе ломаного серебра. Время же их изготовления он относит ко второй половине X в. (10. Bd. I. S. 173). Как будет видно ниже, киевские подвески не вполне традиционны в ряду скандинавских украшений такого рода, поэтому их, на наш взгляд, как раз нельзя датировать, целиком полагаясь на скандинавские аналогии.

Круглые фибулы учтенных в статье типов, по Стенбергеру, суммарно в Скандинавии датируются серединой X в. — первой половиной XI в. (10. Bd. I. S. 39, 41—43, 44). Фибулы из Владимирских курганов* относятся, по Петерсену, ко второй половине X в. (15. С. 46). Фибула из клада в Собачьих Горбах Корзухиной упоминается как скандинавская, но не датируется (4. С. 27)**. Лишь гнездовская фибула имеет относительно точную дату — первая половина X в., — она найдена под слоем поселения X в. с золотым солидом византийского императора Александра (912/913 гг.), превращенным в подвеску (комплекс интерпретируется авторами публикации как погребение, но по приведенному ими описанию не вполне ясно, действительно ли все вещи составляли комплекс погребения или часть их относилась к слою) (8. С. 27).

Что касается подвесок с птицами, надежную дату имеет новгородский экземпляр, найденный в слое второй половины X в. (3. С. 37). Гнездовская подвеска датируется по составу клада (вещевому и нумизматическому) и по стиливым признакам убора также второй половиной X в. (4. С. 23). Подвеска из Владимирских курганов не имеет точной даты, происходит из неустановленного комплекса.

Бусы из Сахновки Корзухина отнесла к вещам первой половины XI в., попавшим в более поздние клады, на том основании, что способ их декора встречается в Скандинавии на вещах этого времени (4. С. 66), т. е. на крестообразных подвесках, о хронологии которых говорилось выше. Прямых скандинавских аналогий бусы не имеют, а сам прием декора в Скандинавии, как уже отмечалось, использовался длительное время. По стиливым особенностям бусы отличаются от рассматриваемых изделий, и у нас нет пока оснований относить их к кругу этих предметов. Таким образом, вопрос о происхождении и датировке бус нуждается в специальном рассмотрении.

Из сказанного выше ясно, что ранее первой половины X в. интересующий нас прием декора зернью на древнерусской территории не встречается. Но ранее X в. аналогии вещам, найденным здесь, не известны и в Скандинавии, при том что сам прием декора имеет там более широкую дату. Логично предположить, что он

* В. А. Лапшиным при датировании учтены только две круглые фибулы из Владимирских курганов (15. С. 46).

** Сам клад, по мнению Корзухиной, зарыт на рубеже XI—XII вв. (4. С. 26).

пришел на нашу территорию не ранее X в. вместе со скандинавскими украшениями.

Аналогии подвескам с птицей по технике изготовления и приему декора, а также их даты уводят нас на север, к традициям скандинавского ювелирного искусства. Это, казалось бы, подтверждается и древнерусскими находками. Однако из тринадцати украшений (7 крестообразных подвесок и 6 круглых фибул) скандинавских форм, найденных на древнерусской территории и декорированных оконтуренной зернью, только три круглые фибулы выдержаны полностью в стиле скандинавской орнаментики подобных вещей (рис. 2, 2, 3, 4) (1. Рис. 25; 8. Рис. 21, 4). На трех других фибулах (рис. 2, 1) (1. Рис. 38; 9. Рис. 159) и на семи киевских крестообразных подвесках (рис. 3, 3) наблюдается смешение орнаментальных стилей, совершенно не характерное для подобных украшений в Скандинавии. Помимо традиционных изображений (на фибулах) или вместо них (на ушках крестообразных подвесок), здесь присутствуют элементы геометрического орнамента — треугольники и ромбы, выполненные, к тому же, иным приемом (неоконтуренная, упорядоченная зернь). На гнездовской и владимирской подвесках с птицами наблюдается точно такое же сочетание: ушки обеих орнаментированы зерновыми треугольниками и ромбами, а изображение — бессистемной оконтуренной зернью. Как уже отмечалось, подобное оформление ушек характерно для круглых подвесок, на которых геометрический орнамент заполняет все поле. Вообще, орнаментация зерновыми треугольниками и ромбами распространена на ювелирных изделиях славянского мира (лунницы, височные кольца и др.), находившимся под так называемым византийско-восточным влиянием. В Скандинавии, как правило, таким геометрическим орнаментом украшены либо привозные вещи, либо те, форма которых восходит к различным, прежде всего юго-восточным заимствованиям.

Но есть две категории скандинавских украшений, на которых, как и на наших вещах, совмещаются геометрический орнамент из ромбов и треугольников и орнамент из бессистемной оконтуренной зерни. Происхождение одной из них — подвески (№ 5 по списку аналогий) — не вполне ясно. Происхождение же второй группы — коробчатых фибул связывают с о. Готланд, который был тем местом в Скандинавии, где в полиэтничной среде соединялись, смешивались различные культурные и ремесленные традиции, эстетические и религиозные представления.

Такое сочетание мотивов и орнаментальных приемов на скандинавских формах украшений с древнерусскими памятников, где доказано присутствие скандинавов, по-видимому, дает основания предположить, что эти вещи были изготовлены на древнерусской территории. Речь идет о вещах-гибридах, возникновение и существование которых в рамках дружинной культуры древней Руси уже отмечалось исследователями (16, 17, 18).

Здесь необходимо коснуться еще раз атрибуции новгородской

подвески, предложенной М. В. Седовой. Исследовательница относит ее к изделиям новгородских мастеров, «воспроизводящим византийские формы и орнаментику» (3. С. 184). Однако для второй половины X в. прием орнаментации, который воспроизводит литое подражание, характерен, как мы убедились, для Скандинавии и на древнерусской территории прослежен в основном на вещах скандинавского типа. Что же касается самого образа хищной птицы, то он встречается в искусстве и устной традиции многих народов. Поэтому вряд ли можно выводить этот образ исключительно из Византии, хотя византийско-восточное влияние, безусловно, присутствует в некоторых произведениях древнерусского ювелирного искусства. То же относится и к распространенности самой позы птицы. Поэтому, даже не касаясь семантики данного образа, можно полагать, что такие факторы, как дата вещи, место находки, ареал подобных изделий, техника изготовления, приемы декора, стиль и сюжет или мотивы изображения в комплексе — дают право с определенностью ответить на вопрос, в какой этнической среде возникла та или иная вещь.

В данном случае можно предположить, что подвески с птицей на древнерусской территории производили в этнически неоднородной дружинной среде, включавшей и скандинавов*. Основой для возникновения послужили представления, связанные с хищной птицей и распространенные в этносах, ставшие слагаемыми так называемой дружинной культуры. Причем сам образ был связан с определенной социальной прослойкой — воинской, что прослеживается как в материальной культуре этих народов (изображение хищной птицы на предметах, связанных с воинским бытом), так и в материалах скандинавских саг (19. С. 639, 640, 643, 645 и др.), русского фольклора (20. С. 121—124, 141—142), прусской хроники (21. С. 11).

В заключение суммируем доводы, позволяющие атрибутировать дисковидные подвески с птицей как продукт дружинной многоэтнической среды.

1) Техника изготовления и прием декора подвесок связывают их с определенной ремесленной традицией — скандинавской, пришедшей на Русь около первой половины X в. со скандинавскими формами украшений.

2) Смешение орнаментальных мотивов и приемов орнаментации, не характерное для скандинавских вещей, отсутствие прямых аналогов подвескам в Скандинавии заставляют предполагать их изготовление на древнерусской территории.

3) Круг стилевых аналогий показывает, что образ хищной птицы в данной трактовке распространен в X — начале XI в. на предметах, связанных с дружинными или полиэтническими памятниками и воинским бытом.

* Подвеска из Новгорода стоит здесь особняком как подражание такого рода изделиям.

4) Распространение этого образа в разных этнических компонентах дружинной среды и его связь с воинской прослойкой находит подтверждение в письменных источниках и устной традиции этих народов.

1. ИАК. СПб., 1905. Вып. 15. С. 85—172.
2. Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. // Археология СССР. М., 1982.
3. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981.
4. Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954.
5. Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1987.
6. Кулаков В. И. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX—XI вв. // СА. 1988 № 3.
7. Paulsen P. Axt und Kreutz in Nord-und Osteuropa. Bonn. 1956.
8. Андреев Н. А., Милонов Н. П. Раскопки на Гнездовском городище в 1940 г. // КСИИМК. М., 1945. Вып. XI.
9. ОАК за 1906 г. М., 1908.
10. Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Lund. 1958. 1947. Bd. I, II.
11. Сокровища викингов. Каталог произведений искусства и памятников культуры Швеции II—XI вв. из собраний Государственного исторического музея в Стокгольме и других музеев Швеции. Л., 1979.
12. Duczko W. The Filigree and Granulation Work of the Viking Period // Birka V. Stockholm, 1985.
13. Duisburg und die Wikinger. Duisburg, 1983.
14. Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.
15. Лапшин В. А. Ранняя дата Владимирских курганов // КСИА. М., 1981. Вып. 166.
16. Кирпичников А. Н. Вооружение воинов Киевской державы в свете русско-скандинавских контактов // Скандинавский сборник. Таллинн, 1977. Вып. XXII.
17. Корзухина Г. Ф. Находка на Рюриковом городище под Новгородом // КСИА. М., 1965. Вып. 104.
18. Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970.
19. Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980.
20. Афанасьев А. Н. Древо жизни // Избранные статьи. М., 1982.
21. Петр Дуйсбург. Хроника Прусской земли. Цит. по: Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Т. I // САИ. М., 1966. E1-36.
22. Lindqvist S. Vår svenska guldålder. Stockholm, 1945.

Изделия косторезного ремесла из Гнездова

В результате многолетних раскопок в Гнездове собрана сравнительно небольшая, но довольно разнообразная коллекция костяных предметов — иглы, проколки, пластины-накладки и др. Часть находок связана с культурным слоем поселения, более или менее удовлетворительно сохраняющим органические материалы. В ряде случаев поделки из кости сохраняются и в погребениях, хотя обряд кремации, господствующий в гнездовских курганах, почти лишает нас возможности полностью представить себе состав погребального инвентаря. Остатки костяных поделок обнаружены примерно в 8% исследованных курганов с различными обрядами. Цель данной статьи — публикация резных костяных предметов, найденных к 1989 г. (Сразу отмечу, что между находками из культурного слоя и из погребений практически нет различий — вещи однотипны).

* * *

Наиболее частая находка в Гнездове — односторонние гребни или их обломки. Они отмечены в составе инвентаря около 80 курганов, и более 10 фрагментов обнаружены в культурном слое. Все это односторонние, наборные гребни. Длина их колеблется от 7,5 до 12 см, ширина полукруглых в сечении накладок 0,9—1,4 см. Накладки гладкие, украшены глазковым орнаментом, несложной плетенкой, заштрихованными ромбами и треугольниками (рис. 1). Гребни относятся ко II группе предложенной О. И. Давидан классификации. Гребни этой группы в целом датируются IX—XI вв. Но наиболее распространены они были в X веке, что подтверждается широким кругом аналогий в западных и восточных европейских странах (I).

Интересная складная расческа в костяном футляре найдена в мужском труположении Лесной группы (2). Длина расчески 10,5 см, ширина вместе с футляром 3,9 см. Орнамент футляра и самой расчески одинаков: он состоит из сочетаний глазков, расположенных вертикальными полосами, с зонами вертикальных же полос по концам и зигзагообразной штриховкой. В Гнездове это пока единственная находка. Аналогичные гребни в костяных футлярах обнаружены в нескольких погребениях X в. Тимерева (3), Шестовицы (4), Киева (5), а также в материалах шведского могильника Бирки, где они найдены только в мужских погребениях (6).

К кругу бытовых предметов относятся игольники, сделанные из

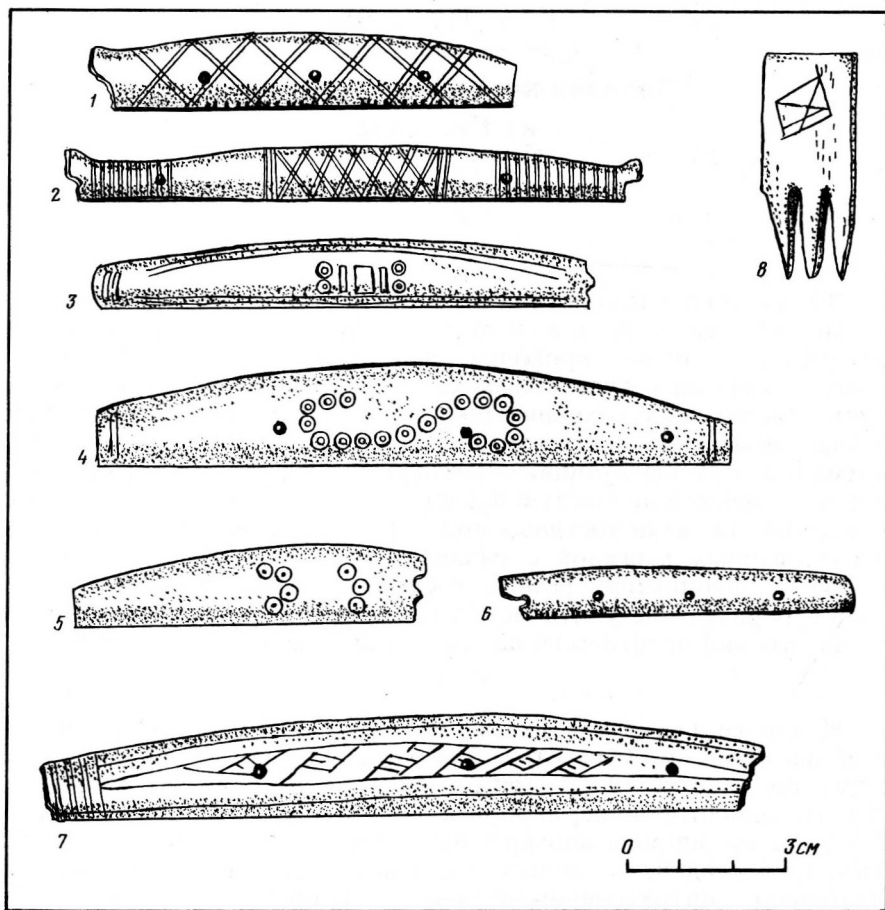

Рис. 1. Костяные гребни

1—7 — фрагменты гребней из курганов и поселения; 8 — фрагмент гребня с граффити (городище)

птичьих трубчатых костей и представляющие собой полые цилиндры диаметром около 1 см и длиной до 6,5 см. Игольники гладкие, без орнамента, и только один из них, из женского трупоположения в Центральной группе, украшен гравированным геометрическим узором (рис. 2. 3). Все шесть гнездовских находок имеют сбоку по две близко расположенных дырочки, через которые продевалось проволочное бронзовое или железное колечко. Аналогичные игольники широко распространены и известны в материалах многих курганов и поселений. Они найдены на Сарском городище, в курганах Ярославского Поволжья и Приладожья, Старой Ладогге, Тимеревском селище и др. (7). Такие же игольники использовались в Скандинавии, целый ряд находок происходит из погребений Бирки и Туны (8).

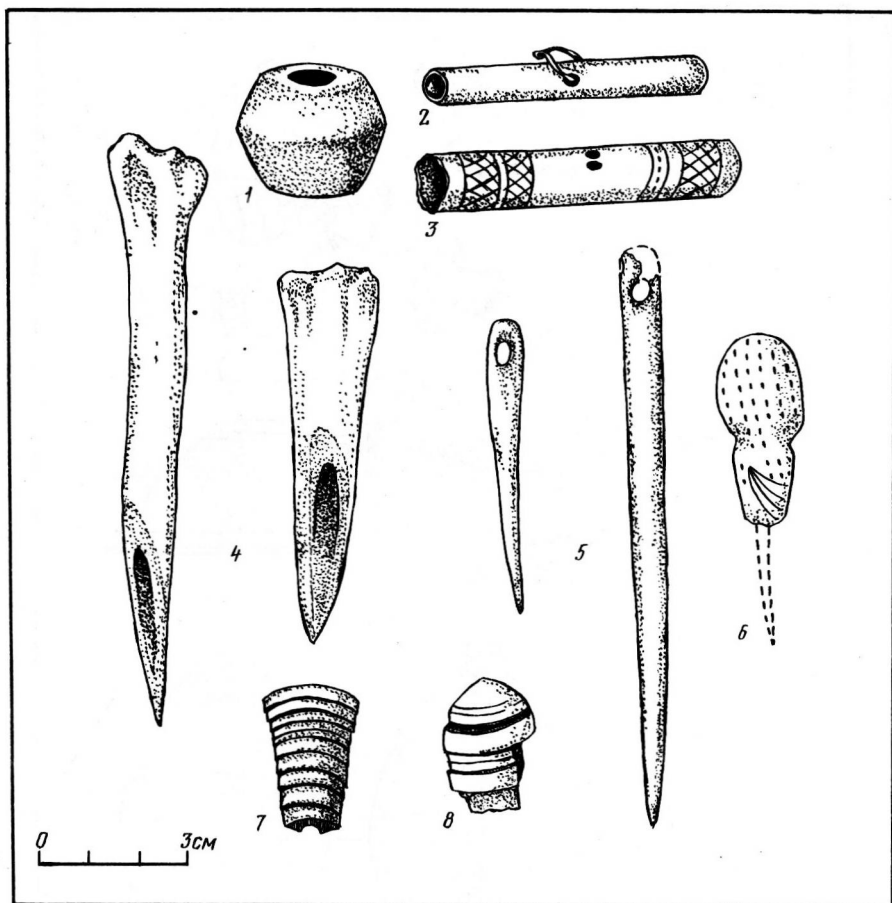

Рис. 2. Бытовые предметы из кости

1 — пряслице (городище); 2, 3 — игольники (городище, курган Ц-198); 4 — проколки (городище); 5 — иглы (курган из раскопок В. И. Сизова, городище); 6—8 — рукояти (курган 23, раскопки И. С. Абрамова; курган 68, раскопки В. Д. Соколова; неизвестный курган из раскопок В. И. Сизова)

Наряду с глиняными и шиферными пряслицами в Гнездове, видимо, употреблялись и костяные — на Центральном городище найдено выточенное из рога битрапецидное пряслице (рис. 2, 1). Аналогичные пряслица известны по находкам в Старой Ладоге, на Асотском городище, в Моравии и Польше и др. Предполагают, что эти легкие грузики использовались для прядения крутой тонкой пряжи (9).

Обычной находкой на многих памятниках являются костяные проколки, сделанные из небольших, чаще всего трубчатых, костей при помощи косого среза одного из концов, размер их 7—11,5 см. В Гнездове найдено пять экземпляров таких проколов (рис. 2, 4). К этой же группе вещей относятся костяные иглы. В одном

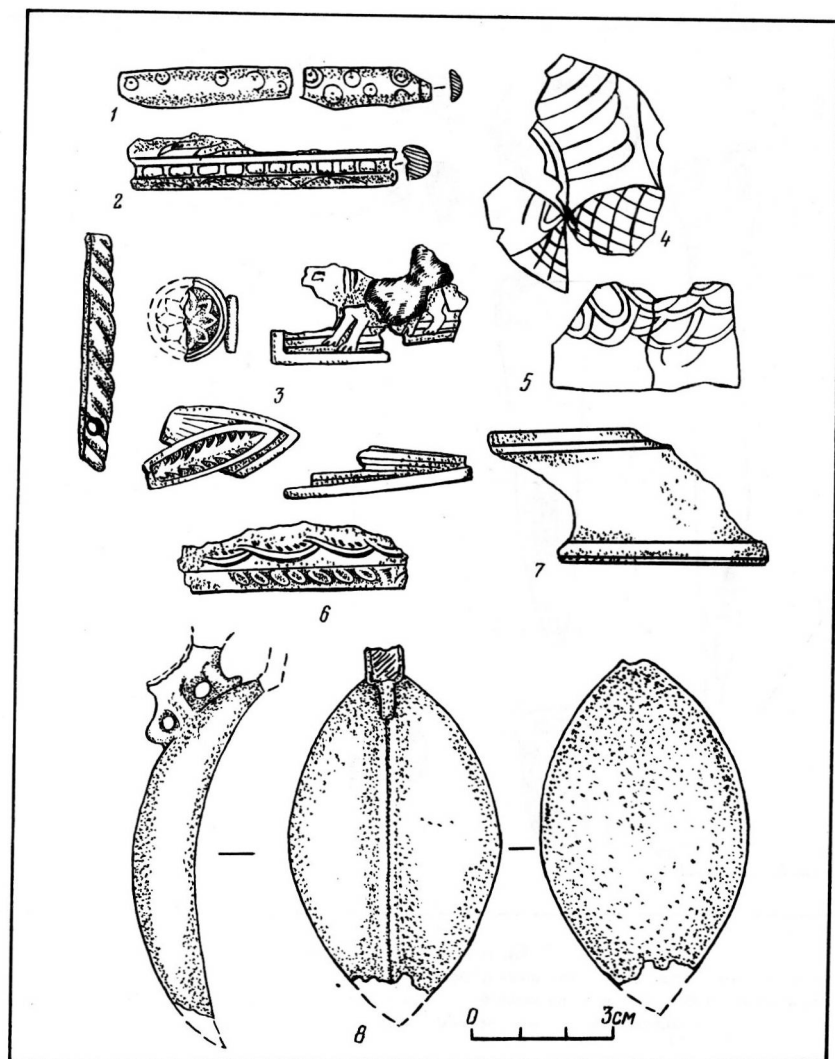

Рис. 3. Фрагменты костяных резных изделий

1, 2, 6 — накладки (курган 18, раскопки С. И. Сергеева, неизвестный курган из раскопок В. И. Сизова);
3 — накладки ларца (курган 23, раскопки И. С. Абрамова); 4, 5, 7 — накладки (?) (курган Оль-3, Л-18, раскопки
Д. А. Авдусина); 8 — ложка (городище)

из курганов и на Центральном городище найдены две иглы длиной 6 и 11,3 см, толщиной 0,4—0,5 см, слегка изогнутой формы и уплощенные в сечении, сделанные из стенок трубчатых костей. У иголок округлая форма ушка (рис. 2, 5). Довольно крупный размер игл говорит об использовании их при работе с грубым материалом. Костяные иглы широко использовались в Древней Руси, их находки

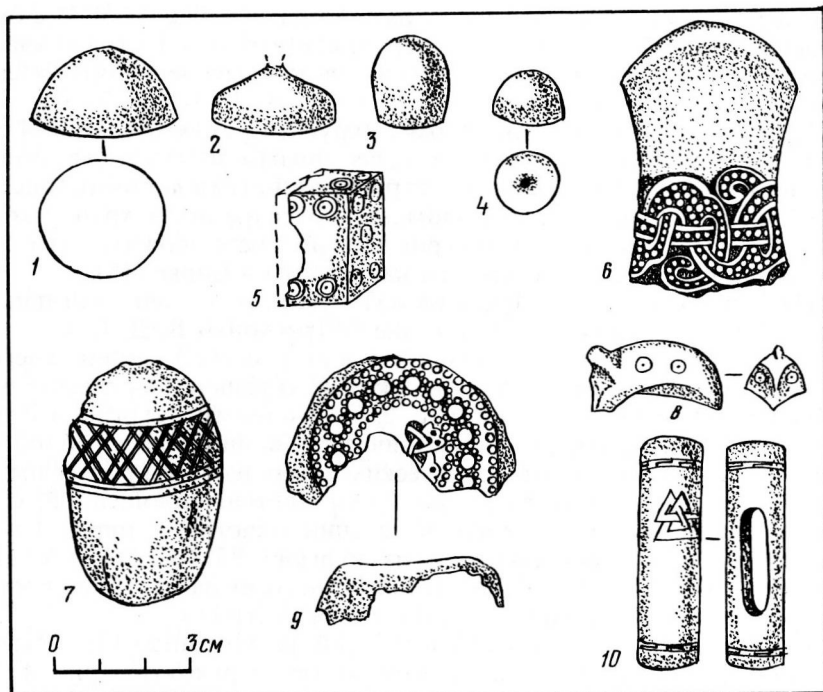

Рис. 4. Изделия косторезного ремесла

1—4 — игральные шашки (городище, курганы); 5 — игральная кость (курган из раскопок В. И. Сизова); 6 — рукоять (курган 16, раскопки С. И. Сергеева); 7 — кистень (городище); 8 — обломки поделки (курган 16, раскопки С. И. Сергеева); 9 — коробочка (?) (курган Ц-3, раскопки Д. А. Авдусина); 10 — поделка с граффити (городище)

известны на Тимеревском селище, Сарском городище, Старой Ладоге (10).

Уникальна находка, сделанная Н. П. Милоновым при раскопках на мысу Центрального городища в 1940 г., — это обломок костяной ложки удлиненно-овальной формы (рис. 3, 8). Длина ложки 8 см, ширина 4,7 см, поверхность гладкая, тщательно обработанная. С внешней стороны вдоль осевой линии ложку на две половинки делит узкое ровное углубление-желобок. Ручка не сохранилась и была утрачена еще в древности, но, судя по остаткам скульптурной фигурки у ее основания, между лопастью и черенком должен был быть крутой перелом, что характерно для X—XI вв. Правда, это наблюдение относится к деревянным изделиям (11). Статичная фигурка у основания черенка изображала какое-то животное, вероятно, из семейства кошачьих. Гнездовская находка не похожа ни на одну, известную среди материалов X в. Костяные ложки киевского некрополя и Бирки имели уплощенную округлую форму и плавный переход к черенку (12).

Следующая группа находок — разнообразные рукоятки. Все они представлены обломками, что затрудняет в большинстве случаев определение их назначения. Достаточно четко выявлены пять экземпляров.

Небольшая грушевидной формы округлая рукоять длиной 4 см украшена точечным орнаментом, нанесенным в шахматном порядке, и несколькими расходящимися гравированными линиями (рис. 2, 6). С нижней стороны она обломана, но сохранился край узкого канала со следами железа внутри. Можно предположить, что это рукоять шила, подобного шилам, найденным в Бирке (13).

Несколько обломков принадлежат рукояткам ножей, составным или наборным и цельным. В кургане 68 (раскопки В. Д. Соколова) обнаружен фрагмент расколовшейся вдоль осевой линии, слегка зауженной книзу цилиндрической рукояти, украшенной рельефными концентрическими нарезками (рис. 2, 7). В одном из курганов В. И. Сизовым найден обломок цилиндрической, видимо, выточенной на токарном станке, рукояти с коническим завершением и рельефными концентрическими поясками (рис. 2, 8). Частью уплощенной, составленной из сегментовидных в сечении пластин с циркульным орнаментом, является обломок из кургана 85 (раскопки С. И. Сергеева) (рис. 3, 1). Кроме того, ножи часто имели гладкие костяные рукояти, вырезанные из одного куска кости (14).

В одном из скандинавских погребений, раскопанных Сергеевым, был найден обломок «великолепной костяной рукояти» (рис. 4, 6), которая, по мнению Сизова, могла быть рукоятью ножа или кинжала (15). находка имеет близкую к грушевидной форму, нижняя часть отломана. Округлая верхняя часть немного шире нижней. Рукоять плоская, подпрямоугольного сечения, ширина ее 3,8—2,9 см, толщина около 1,2 см, длина сохранившейся части 5,8 см. Нижняя половина вдоль обломанного края украшена резным узором в виде переплетенной ленты и ее отростков, заполненных горошчатым орнаментом.

Сизов верно указывал на сходство орнамента рукояти со скандинавской резьбой по кости X в. Общий характер рисунка ассоциируется со сканно-зерненным украшением некоторых норвежских и готландских подвесок и круглых фибул IX — первой половины XI в. (16). Рельефный горошчатый орнамент на гнездовской рукояти можно рассматривать как имитацию крупной зерни, исполненную в другом материале. Точные аналогии этому предмету неизвестны. Интересное предположение некогда высказал Н. Феттих, посчитавший рассматриваемую находку навершием рукояти сабли (17). Действительно, форма ее чрезвычайно близка грушевидным навершиям рукоятей сабель II типа (по А. Н. Кирпичникову), которые в ряде случаев делались из дерева или кости (18). Однако среди сохранившегося инвентаря погребения нет никаких железных обломков, которые можно было бы даже предположительно рассматривать в качестве остатков клинка. Тем не менее наличие со стороны облома части узкого уплощенного канала для закрепления рукояти на ка-

ком-то металлическом стержне не позволяет полностью отказаться от предположения венгерского ученого.

К предметам вооружения относится костяной кистень, обломок которого найден на Центральном городище. Кистень имел яйцевидную форму, высоту 5,1 см и ширину сохранившейся части 3,3 см, канал шириной 1,1 см. Поверхность в средней части украшена пояском из двойной ленты, по одну сторону которого расположен орнамент из косых ромбов. Рисунок слабо процарапан (рис. 4, 7). Как считает А. Н. Кирпичников, кистени проникают на Русь благодаря контактам с кочевниками южнорусских степей. Костяные гири яйцевидной формы (тип I) широко распространяются со второй половины X в., их находки известны в Саркеле, Екимаяцах, Новгороде и др. (19).

Небольшую группу находок составляют различные костяные накладки. В кургане 23, раскопанном И. С. Абрамовым в Ольшанской группе, было найдено около десятка обломков тонких резных пластин различной формы и орнаментации, среди которых часть украшена изображением рельефных розеток, пальмовых (?) листьев, витых полуколонок (рис. 3, 3). На одном из обломков хорошо видна часть фигуры животного с трехпалыми лапами. По заключению В. П. Даркевича, «бордюры из рельефных розеток в кругах, окаймляющие фигурные композиции, — отличительный признак обширной категории византийских ларцов» (20). Находки византийских резных накладок известны в слоях XI—XII вв. в Новогрудке, Смоленске, Херсоне, но для более раннего времени — это редкость.

К числу находок невыясненного назначения относится фрагмент костяной пластины из трупосожжения, раскопанного Сизовым. Обломок украшен слаборельефным узором из розеток или округлых листьев с резным краем в обрамлении овальных переплетенных петель и рамкой из мелких, углубленных в середине, овалов (рис. 3, 6). Характер орнаментации делает ее похожей на пластину от ларца, однако толщина и слегка выгнутая поверхность как будто не подтверждают такое определение.

Также не ясно назначение узкой, длинной, полукруглой в сечении накладки с гравированным узором в виде чередующихся мелких прямоугольников, окаймленных прочерченными вдоль линиями (рис. 3, 2). Вдоль обломанного края пластины слабо прослеживаются контуры резных листьев или розеток. Пластина обломана с двух концов, на одном из них — след небольшого прямоугольного отверстия.

Среди остатков трупосожжения в одном из курганов Ольшанской группы найдены обломки тонкой костяной накладки: один из них гладкий, плоский, с немного выступающим вдоль длинных сторон прямоугольным бортиком, два других слегка выгнуты, что может быть результатом воздействия огня, и украшены гравированным изображением сетки и удлинённых чешуек (рис. 3, 4, 7). Размеры первого обломка 4,5х3 см, двух других 1,5х2 и 4,4х2,5 см. Аналогичные обломки с чешуйчатым орнаментом были найдены

еще в двух курганах Лесной группы (рис. 3, 5). Среди инвентарей этих погребений нет ничего, что помогло бы определить назначение описанных костяных пластин.

Есть еще несколько находок, установить назначение которых оказалось очень трудно, а порой просто невозможно. Это обломок костяного изделия, украшенного циркульным орнаментом. Предмет в форме отростка рога, слегка изогнут, в сечении близок ромбу с вогнуто-выгнутыми сторонами, размер фрагмента 3х1,2 см (рис. 4, 8). Еще А. А. Спицын указывал на неясность назначения этого предмета, найденного Сергеевым при раскопках кургана 74.

В составе находок из трупосожжения кургана Ц-3, исследованного Д. А. Авдусиным в Центральной группе, имеется фрагмент круглой коробочки или ее крышки (?) со слегка выпуклыми стенками. Диаметр фрагмента 4,4 см. Плоская поверхность изделия украшена слаборельефным орнаментом, имитирующим зернь. Псевдозернь образует круг, внутри которого заключена композиция из плетенки (рис. 4, 9). Узор в виде плетенки зооморфного характера близок орнаменту скандинавских подвесок и круглых фибул.

На Центральном городище был найден костяной цилиндр со сквозной прямой прорезью. Длина цилиндра 4,7 см, диаметр 1,2 см, размер прорези 2,3х0,5 см. Оба конца украшены узкими поясками с зигзагообразным орнаментом. На боковой поверхности процарапаны два переплетенных ленточных треугольника (рис. 4, 10). Изображения фигур в виде двух или трех переплетенных треугольников характерны для готландских поминальных камней X—XI вв. Аналогичное граффити встречено на оковке рога в одном из гнездовых курганов. Сюжет сложных треугольников связан с кругом скандинавских древностей. Назначение данного предмета не ясно.

О повседневной жизни и занятиях древнего населения Гнездово напоминают находки костяных шашек. Они происходят из четырех курганов с трупосожжениями, шесть экземпляров обнаружены в культурном слое городища. Шашки имеют округлую, сегментовидную и конусообразную формы (рис. 4, 1—4). Диаметр основания фигурок 1,5—3 см, высота 1,3—2 см. С нижней стороны в центре основания в нескольких случаях имеются небольшие углубления. Все шашки выточены при помощи токарного резца, о чем свидетельствует их правильная форма и следы концентрических полос на поверхности. Подобные игральные фишки известны в слоях IX—X вв. Старой Ладogi, погребениях того же времени Средней Швеции — Туне, Бирке, Венделе (21). С игрой в шашки связаны костяные параллелепипеды с отметками очков на гранях (рис. 4, 5). Они довольно крупные, длина стороны до 2,3 см. Такие же игральные кости обнаружены в слоях Саркела, в кургане Черная Могила, в погребениях Бирки (22).

Особенно интересную группу находок составляют костяные острия, украшенные резным орнаментом и скульптурными головками животных на утолщенных концах. В Гнездове найдены 10 экземпляров: 6 из них происходят из трупосожжений, 3 — из трупополо-

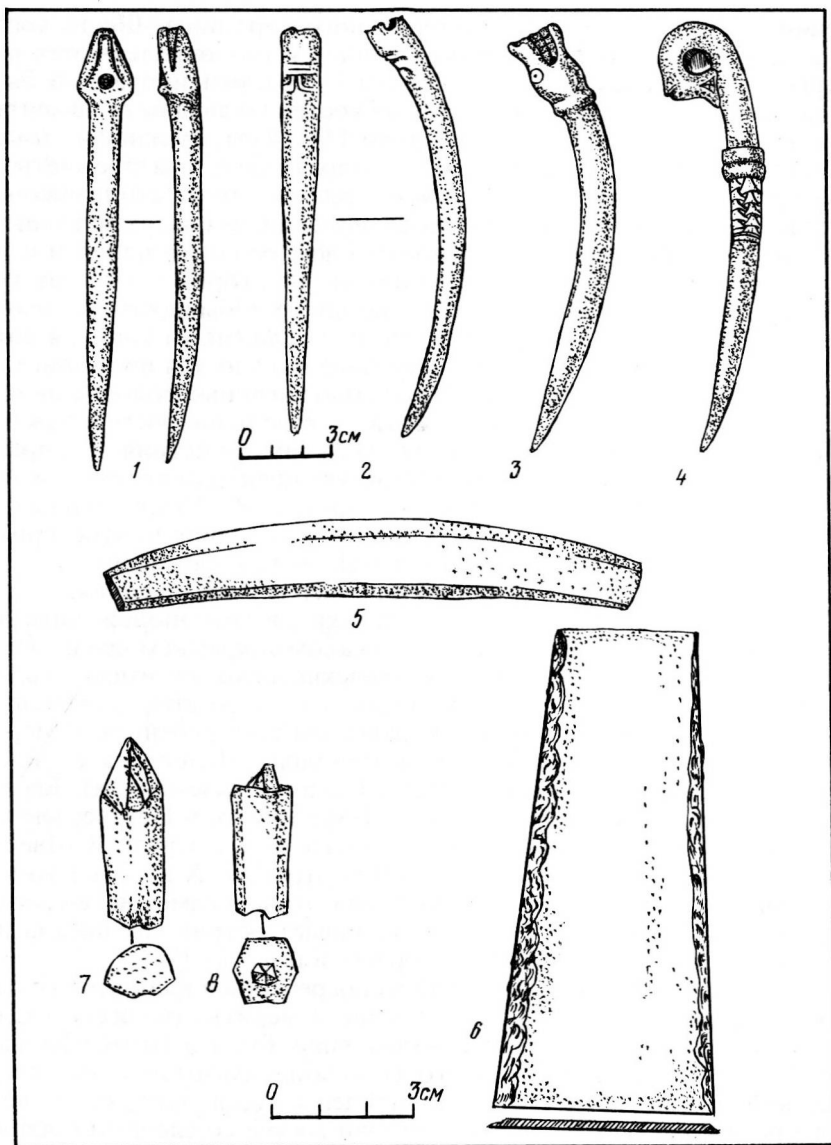

Рис. 5. Резная кость и отходы косторезного ремесла

1—4 — костяные остря (городище, курганы Оль-3, Ц-249, Ц-255, раскопки Д. А. Авдусина); 5 — заготовка накладки гребня (городище); 6 — роговая пластина (городище); 7, 8 — обрезки рога (городище)

жений, 1 — при раскопках Центрального городища. Шесть костяных поделок сохранились очень хорошо. У них определяются размеры, детали орнаментации. Остальные фрагментированы и были распознаны среди кальцинированных костей по следам орнамента и форме. Целые острия имеют размеры 13—14 см, сделаны из тонкого отростка рога. Условно можно подразделить эти предметы на две группы: острия с лаконичным орнаментом и стилизованной головкой и острия с хорошо моделированными выразительными головками. К первой группе относятся четыре целые поделки и три фрагментированные из трупосожжений, ко второй — две из курганов с трупоположением и одна с городища. Обычно эти предметы имели небольшое круглое отверстие на утолщенном конце, в которое продевалось бронзовое или железное кольцо для подвешивания их к чему-то. Характерной особенностью звериных головок является подчеркнутое изображение пасти, что хорошо видно даже на поврежденных находках. Основная часть самого острия, как правило, гладкая, но один из экземпляров украшен гравированной плетенкой в виде треугольников-чешуек (рис. 5, 4). Скульптурные головки фантастических животных имеют небольшие плотно прижатые уши, круглые подчеркнутые глаза, четко очерченную линию оскаленной пасти и рельефный или прочерченный ошейник.

Все погребения с остриями — мужские, в трупоположениях они найдены у пояса, иногда рядом с кресалом и кремнем среди остатков сумочки или около нее. Гнездовские находки имеют весьма широкий круг аналогий. Так, подобные предметы, украшенные изображением звериных головок, известны в погребениях Тимерева (4 экземпляра), Приладжья (3 экземпляра), Чернигова (1 экземпляр), Шестовицах (5 экземпляров), Киева (2 экземпляра), Березовецком могильнике, Старой Ладоге, Борщевском и Переверзевском городищах и т. д. Аналогичные находки есть в Средней Швеции, Норвегии, Англии (23). Все они датируются IX—X вв. Заслуживает внимание предположение о назначении этих предметов, высказанное А. А. Медынцевой. Она рассматривает острия как писала или стили — орудия для письма по бересте или воску (24).

Итак, набор костяных изделий из погребений и культурного слоя Гнездова весьма разнообразен. Трудно поверить, что все эти предметы привозные, часть из них, несомненно, была изготовлена здесь же. На площадке Центрального городища имеются ясные следы местной обработки кости. Здесь найдены куски опиленного лосиного рога и костяных пластин, обрезки костей со следами обработки. Важна находка двух заготовок для изготовления накладок на борных расчесок. Особенно выразительна одна из них, она плоско-выпуклая, на плоской стороне хорошо видны следы распила (рис. 5, 5). Длина заготовки 11,5 см, ширина 1,5 см, толщина 0,8 см. Ее форма практически совпадает с находками, известными в Старой Ладоге (25). Заготовки, обнаруженные на городище, со всей очевидностью указывают на изготовление по крайней мере части расчесок в Гнездове. Простые по форме костяные рукояти, игольники, пряс-

лица, несомненно, сделаны местными жителями. Можно предположить, что два писала с зооморфными головками тоже имеют местное происхождение. У острия из кургана Ц-249 боковое отверстие для кольца не досверлено, а у острия с городища это отверстие только намечено и не закончена проработка деталей самой головки.

Стилистически зооморфные головки гнездовских писал близки изображениям на некоторых скандинавско-прибалтийских кольцевидных бронзовых фибулах (26), имеют сходство с образцами скандинавской резьбы по дереву и кости. Среди косторезов Гнездова, так же, как и среди ювелиров, видимо, были мастера, достаточно хорошо знакомые с традициями ремесла и прикладного искусства Скандинавии, что нашло свое отражение в появлении таких предметов, как костяные острия со скульптурными головками. Но в целом же основная масса изделий из кости, происходящих из гнездовских курганов и поселения, ничем не отличается от материалов многих других древнерусских памятников этого времени.

-
1. Давидан О. И. Гребни Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1962. Вып. 4. С. 100—101.
 2. Авдусин Д. А. Отчет о раскопках в Гнездове в 1957—1960 гг. // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1970. Вып. VII. Рис. 13. С. 271—274.
 3. Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987, № 2, С. 82.
 4. Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977. Табл. XI, 9. Табл. XXI, 3. С. 85.
 5. Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1; Табл. VI. Погр. 24.
 6. Ambrosiani K. Kämme // Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfund. Stockholm, 1984. S. 116.
 7. Эдинг Д. Н. Сарское городище. Ростов, 1928. Т. IV, 7; Мальм В. А. Орудия труда // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 34; Бранденбург Н. Е. Курганы юго-восточного Приладожья // МАР. СПб., 1895. № 18. Табл. V, 13; Давидан О. И. Староладожские изделия из кости и рога // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1966. Вып. 8. С. 111; Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. Рис. 14, 6—7.
 8. Arbmán H. Die Gräber // Birka II. Uppsala, 1941. Taf. 169, 1—5; Arne T. Das Bootgräberfeld von Tuna in Alsike. Stockholm, 1934. Taf. XV, 5.
 9. Давидан О. И. Староладожские изделия... С. 107—108.
 10. Дубов И. В. Указ. соч. Рис. 14, 5; Эдинг Д. Н. Указ соч. Табл. VII, 1; Давидан О. И. Староладожские изделия... С. 104.
 11. Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. М., 1968. С. 43.
 12. Каргер М. К. Указ. соч. Т. 1. Табл. XVII.
 13. Arbmán H. Op. cit. Taf. 155. 155, 3, 5.
 14. Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Гнездовский могильник близ Смоленска // МАР. СПб., 1902. № 28. Табл. VI, 16.
 15. Там же. С. 82.
 16. Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Lund, 1947. II. Abb. 174, 5; 195, 1; 214, 1, 3, 4; 219, 2; Duczko W. Birka V. The Filigree and Granulation Work of the Wiking Period. Stockholm, 1985. Fig. 150, 20.
 17. Fettich N. Die Altungarische Kunst. Berlin, 1942. Taf. 54, 5. S. 52.
 18. Курпичников А. Н. Древнерусское оружие. Т. II // САИ. М., 1966. Е1-36, С. 68.

19. Там же. С. 59.
20. Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М., 1978. С. 276. Ил. 201, 215 и др.
21. Давидан О. И. Староладожские изделия ... С. 112; *Arne T.* Op. cit. Taf. I, 11; IX, 4, a, b; *Arbman H.* Op. cit. Taf. 147, 3; 149; 150, 1, 7—11; *Stolpe H.* Lá Necropole de Vendel. Stockholm, 1913. Pl. XII, 19; XXVI, 12.
22. Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967. С. 156, рис. 42, 6; Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА. М., 1949. № 11. Рис. 16.
23. *Arne T.* Op. cit. Taf. XVII, 3; I, 10; S. 70—71; *Arbman H.* Op. cit. Taf. 154, 1, 2; *Shetelig H.* The Norske Style of Ornamentation // Acta Archaeologica. København, 1948. XIX; Fig. 15. P. 86; Nyft fra Universitetet Trondheim. 1974, nov. № 9.
24. Мединцева А. А. Начало письменности на Руси по археологическим данным // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. М., 1983. С. 87—91.
25. Давидан О. И. Гребни... Рис. 5, 3, 4.
26. *Arbman H.* Op. cit. Taf. 48, 2—4.

Н. И. Асташова

**Костяные изделия
средневекового Смоленска**

Среди находок древнерусских поселений значительную часть составляют предметы из кости. Для изготовления поделок использовались рога лося и оленя, длинные кости рогатого скота, клыки кабанов и кости птиц. Состав инструментов для обработки кости невелик: струг, пила, токарные резцы и сверла, нож, шило (1. С. 156). Ассортимент же костяных изделий разнообразен — от примитивных проколов до высокохудожественных накладок.

Небольшой набор универсальных инструментов, широкий ассортимент продукции, а также близость технологических приемов обработки кости и дерева заставляют задуматься о степени специализации древнерусских ремесленников, занимавшихся обработкой кости. Попытаться ответить на этот вопрос можно только на основе анализа конкретного материала. В данном случае использованы материалы из раскопок Смоленска, где изделия из кости составляют неотъемлемую часть вещевой коллекции (2).

* * *

Костяные предметы могут быть разделены на несколько категорий, среди которых наиболее многочисленными являются различные рукояти и гребни.

Рукояти. Составляют две группы — цельные и составные.

1. Цельные рукояти (14 экз.) обычно имеют круглое, реже подтреугольное сечение. Чаще всего они орнаментированы циркульным орнаментом, иногда в сочетании с линейным (рис. 1, 1—2). Обращает на себя внимание одна рукоять подтреугольной формы, украшенная «глухой» резьбой. Хотя верхний и нижний концы ее обломаны, сюжет изображения достаточно ясен: это сцена терзания хищной птицей утки (?). Видны спина, сложенные крылья и хвост хищника, его мощные когтистые лапы вцепились в тело жертвы (рис. 2). На крыльях и спине мастер в строгом геометрическом порядке изобразил перья, которые своей упорядоченностью и формой напоминают изображения пластинчатых dospехов в мелкой пластике и станковой живописи. Резьба сделана уверенной рукой, и хотя обе фигуры несколько суховаты, умелое использование поверхности и качественное исполнение свидетельствуют о высоком профессиональном мастерстве автора.

2. Составные рукояти представлены наборными шайбами дис-

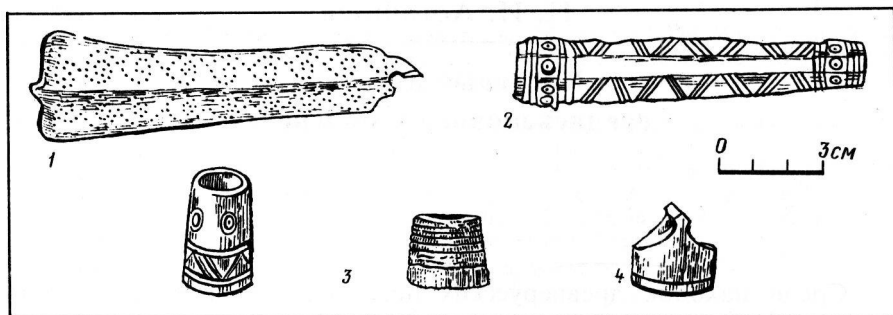

Рис. 1. Рукояти

1 — раскоп IX, ярус 15; 2 — раскоп IX, ярус 13; 3, 4 — раскоп VIII, ярус 13

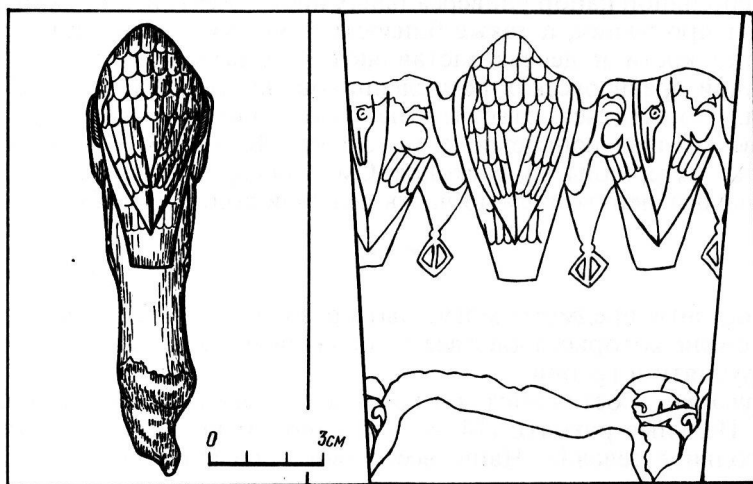

Рис. 2. Резная рукоять и реконструкция рисунка

Раскоп XI, ярус 12

ковидной формы (25 экз.) и наконечниками в виде усеченной пирамиды (15 экз.) (рис. 1, 3—4).

Гребни. В Смоленске найдены 74 костяных гребня, которые делятся на две большие группы — цельные и составные с накладками (рис. 3).

1. **Цельные гребни.** Они делятся на четыре типа (3).

Тип «Е» (2 экз.) — подпрямоугольной формы, достигают ширины 5 см, обычно орнаментированы циркулем. Их находки в Смоленске датируются первой третью XII в.

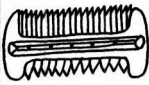
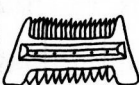
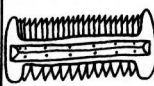
Тип			Кол- чество	XI век	XII век	XIII век	XIV век
Цельные	Е		2				
	Л		5				
	М		4				
	Н		13				
Составные	О		2				
	Ж		6				
	З		8				
	К		31				
	И		3				

Рис. 3. Хронология костяных гребней из Смоленска

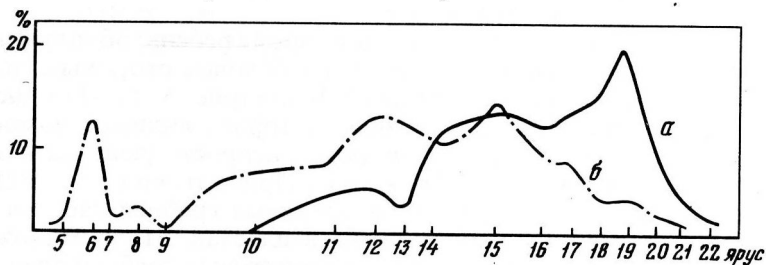

Рис. 4. Распределение гребней по ярусам
а — костяные гребни; б — самшитовые гребни

Гребни типа «Л» (5 экз.) характеризует прямоугольная форма и ширина 4 см. Украшались они параллельными линиями, расположенными в средней части гребня. Находки гребней этого типа происходят из слоя первой трети XII в.

Тип «М» (4 экз.) отличается подпрямоугольной формой и небольшими размерами, обычно около 3 см ширины. Как и гребни типа «Л», они орнаментировались параллельными линиями в средней части гребня. Бытуют гребни этого типа в начале второй трети XII в.

К типу «Н» (13 экз.) относятся гребни трапециевидной формы с резко вогнутыми боковыми сторонами. Обычно эти гребни не орнаментировались, но изредка на них встречается циркульный орнамент, образующий различные геометрические фигуры. Как правило, украшалась вся свободная поверхность гребня. В Смоленске они бытуют на протяжении XII—XIV вв., что совпадает с новгородской хронологией (4. С. 166).

2. Двусторонние составные гребни. Они подразделяются на пять типов: большая их часть принадлежит к типу прямоугольных с накладками овального сечения (тип «К»), ширина их колеблется от 9 до 11 см. Как правило, орнаментации на этих гребнях нет. В Смоленске, в отличие от Новгорода, где они появляются во второй четверти XII в., время бытования этого типа — XII — середина XIII в. Причем из 31 экземпляра в пластах XII в. найдены 28.

Составные гребни типа «З» имеют накладку треугольной формы и ширину 7—9 см. Находки 8 экз. этих гребней в Смоленске датируются второй половиной XII в.

Гребни типа «Ж» (6 экз.) отличаются от предыдущего главным образом шириной. Она колеблется в пределах 4—6 см. В Смоленске этот тип бытовал в 40—60-е годы XII в.

Гребни типа «И» (3 экз.) характеризуют боковые стороны треугольной формы и довольно большая ширина — около 10 см. В Новгороде наиболее ранние экземпляры этого типа датируются третьей четвертью XII в. В Смоленске они появляются раньше — в середине XII в. Верхняя дата бытования не выходит за рамки общепринятой датировки XIII в.

Два экземпляра гребней типа «О», найденные в Смоленске, отличаются закругленными боковыми сторонами и большими размерами — около 10 см ширины.

Особняком стоит двусоставная костяная гребень, обнаруженный в слое начала XII в. Он имеет фигурные боковые стороны с дырочками для подвешивания, его ширина 14 см (рис. 5, 4). На одной из сторон процарапан Т-образный знак, который, видимо, можно отнести к знакам собственности, широко распространенным в эпоху средневековья, особенно на территории Прибалтики (5. С. 282).

Хронологическое распределение костяных гребней дает следующую картину: 87% гребней найдены в пластах XII в. Наложение графиков распределения костяных и самшитовых гребней показывает, что в период, когда самшита поступало незначительное количе-

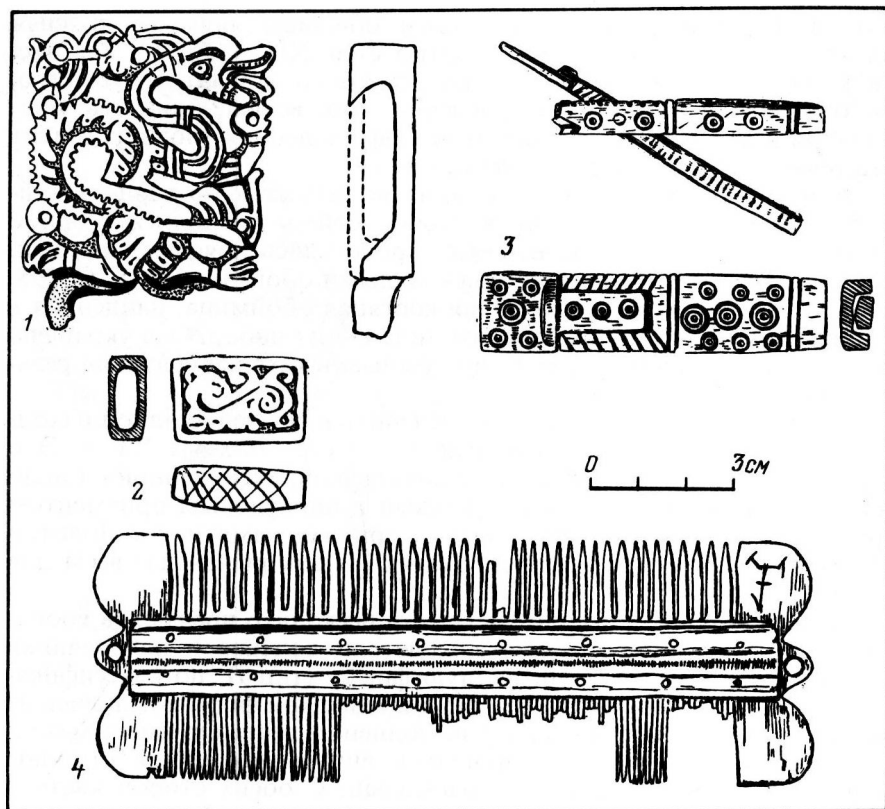

Рис. 5. Изделия из кости

1 — поясная обойма (раскоп III, пласт 22); 2 — обоймица (раскоп III, пласт 21); 3 — пряжка поясная (раскоп VIII, ярус 7); 4 — гребень (раскоп III, пласт 22)

ство, его недостаток покрывался костью (рис. 4). Аналогичная картина известна по новгородским материалам (6. С. 46, рис. 7).

Другие категории костяных изделий представлены небольшими сериями, поэтому описание их начнем с редких находок.

К ним относятся прежде всего две поясные обоймы, имеющие одинаковые размеры 4,5х1,5 см. От одной из них сохранилась лицевая сторона с петлей для подвешивания. Она украшена изображением дракона, выполненным в технике пропильной резьбы. Тело дракона изогнуто по диагонали, ноги развернуты во фронт, морда дана в профиль (рис. 5, 1). От второй обоймы сохранилась лишь задняя стенка с фестончатыми боковыми краями и петлей для подвешивания, а также часть передней с профильным изображением головы дракона, идентичным первой обойме. Стратиграфическая дата находок — вторая половина XII — начало

XIII в. Ближайшей аналогией этим обоймам является поясная блаха из Новгорода, которая датируется XII в. (7. С. 86, рис. 161). Хотя на ней изображен не дракон, а крылатое существо, но одинаковая техника изготовления этих вещей, близость композиции и декоративных элементов в оформлении туловища ставят эти обоймы в один типологический ряд.

Способ ношения подобных обоймиц известен по саяно-алтайским материалам XIII—XIV вв.: обе обоймы крепились с одной стороны пояса. К ним через петли продевались поясные ремешки, которые дополнительно крепились малыми обоймицами (8. С. 198, рис. 73, 31). Возможно, что малая костяная обоймица, найденная в тех же пластах, что и большие, входила в этот набор. Она украшена растительным орнаментом, выполненным в технике «глухой» резьбы (рис. 5, 2).

Долгое время не удавалось определить назначение одной находки, датируемой стратиграфически 30 — сер. 70-х гг. XV в. Это прямоугольной формы предмет с лопаточкой, укрепленной на шарнире. Он украшен прямыми нарезками и циркульным орнаментом (рис. 5, 3). Аналогии нашлись в материалах памятников Золотой Орды. Подобные предметы определяются как рычажные весы для взвешивания монет (9. С. 177—178).

В смоленской коллекции кости есть несколько предметов вооружения. К ним относятся кистень, детали колчана и наконечники стрел. Кистень имеет грушевидную форму (тип II, по классификации А. Н. Кирпичникова). Обычно кистени этой формы делались из металла, смоленский экземпляр выполнен из рога. Он имеет металлический штырь, который пропущен внутрь и с одной стороны кончается петлей, с другой — расклепан. С обеих сторон кистень украшен резным изображением птицы, обрамленной орнаментом в виде крина. Находка датируется серединой XII в. (рис. 6, 1). Кистень находился в длительном употреблении, о чем свидетельствует сильная потертость рисунка, особенно в нижней части. Однако, несмотря на это, ясно, что в данном случае мы имеем дело с широко распространенным в средневековые сюжеты. Изображения крина и птицы хорошо известны и в более раннее время на наконечниках ножен мечей (10. С. 113, рис. 7, 5, 13), а в XII в. наиболее ярко они представлены на знаменитой Вщижской арке. Но уникальность смоленской композиции заключается в том, что здесь птица обрамлена побегами крина, тогда как на других вещах с таким сюжетом изображения птицы и крина разделены.

Детали колчана представлены костяными пластинами-обкладками и петлями для подвешивания. Петли для подвешивания колчана и налучья, а также вертикальные пластины с орнаментом «волчий зуб» относятся к XII—XIV вв. (рис. 6, 3). Наряду с ними, в Смоленске известны пластины для колчана более позднего времени — XIV—XV вв. Одна из них — вертикальная, с изображением животного, видимо, антилопы, лежащей с подогнутыми ногами (рис. 6, 2). Голова антилопы с длинными ушами повернута назад.

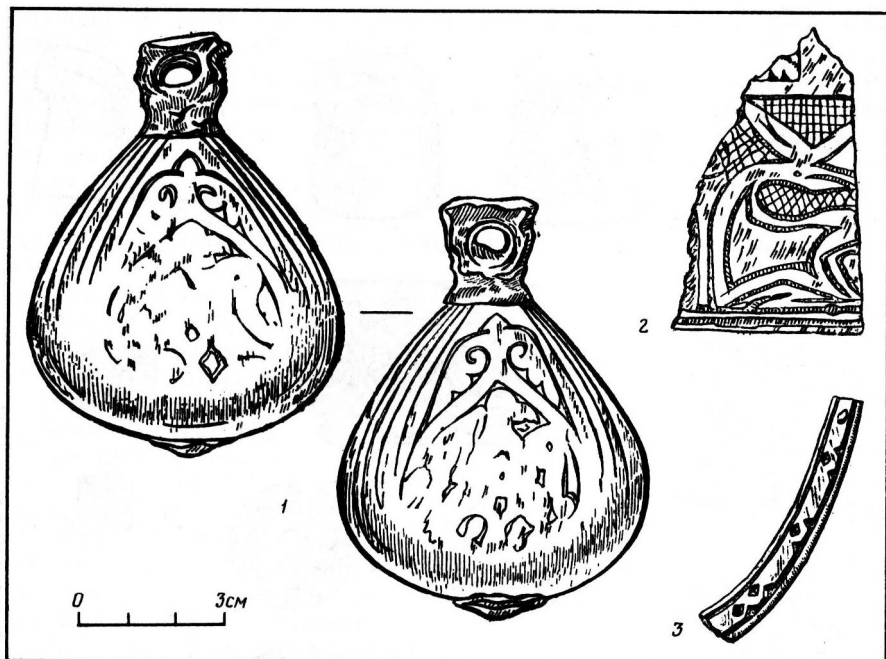

Рис. 6. Предметы вооружения

1 — кистень (раскоп IX, ярус 16); 2 — накладка на колчан (раскоп VIII, ярус 11); 3 — накладка на лук (раскоп IX, ярус 14)

Ближайшие аналогии происходят из материалов кочевников русских степей, где они датируются XIII—XIV вв. (Ил. С. 157, табл. XI, 40). Наша пластина относится к 90-м гг. XIV — началу XV в. (В таких древнерусских городах, как Мстиславль, Друцк, Новгородок подобные находки датируют — XII—XIII вв.)

Охотничье оружие представлено черешковыми стрелами с трехгранным и листовидным пером. Встречаются они главным образом в пластах XII — первой половины XIII в. Подобные стрелы в древнерусских памятниках известны довольно широко, хотя количество их невелико.

Среди бытовых предметов выделяется накладка, изготовленная, по-видимому, на заказ. Она представляет собой прямоугольную пластину (8,5х3,2 см), верхняя часть которой обломана. Накладка украшена резьбой, расположенной поясами (рис. 7, 6). Орнамент в нижней части пластины состоит из сочетания волны и элементов крина. В верхней изображены четырехлепестковые розетки, выше — опять волна. Следующий пояс, к сожалению, обломан, и судить о характере изображения на нем трудно. Если фрагментарность этой накладки не дает возможности определить ее назначение, то накладка, украшенная розетками в круге,

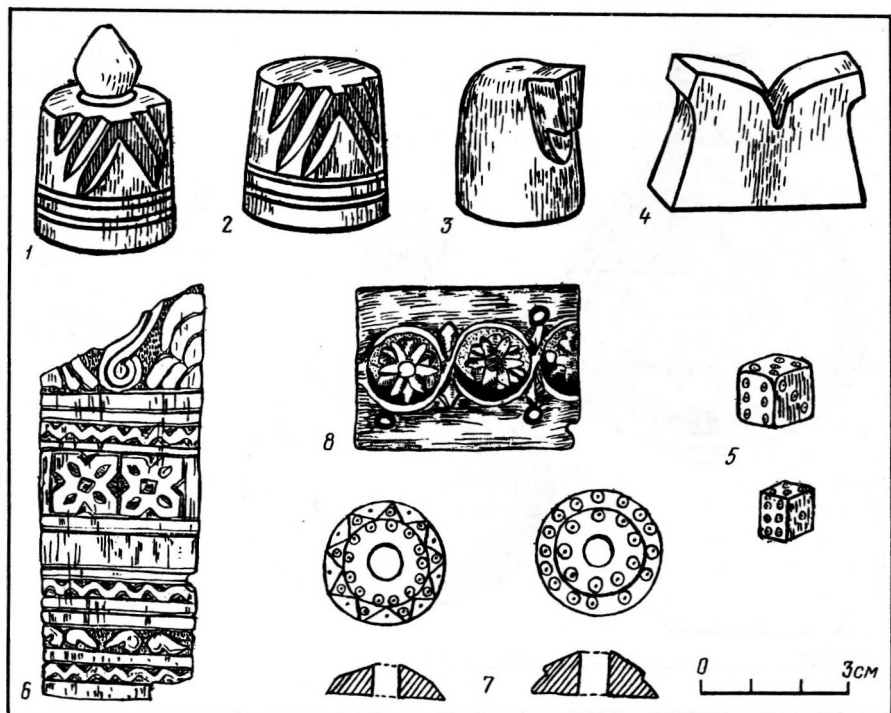

Рис. 7. Изделия из кости

1—4 — шахматы (раскоп XI, ярус 12); 5 — игральные кости (раскоп IX, ярус 17); 6 — накладка резная (раскоп V, ярус 17); 7 — пуговицы (раскоп III, пласт 23); 8 — накладка на ларчик (раскоп IX, ярус 15)

несомненно, происходит с византийского ларца. Датируется эта накладка XII в. (рис. 7, 8).

Среди единичных бытовых находок обращают на себя внимание две пуговицы, циркульный и звездчатый орнамент которых сделан инкрустацией из медной проволоки (рис. 7, 7). Дата этих предметов — вторая половина XII — начало XIII в. Подобные пуговицы известны в Киеве, Белой Веже, Райковецком городище (12. С. 115).

Из раскопок в Смоленске происходят пять костяных шахматных фигур, относящихся к двум наборам. Все фигуры найдены на территории одной усадьбы, но имеют разные стратиграфические даты. Наиболее ранняя из них, датирующаяся 80-ми гг. XII в., сделана на токарном станке и представляет собой конусообразный стержень с двумя выступами-чашами, расположенными друг над другом. В верхней части стержня имеются два кольцевых перехвата. Фигурка обломана, высота сохранившейся части — 3 см. По аналогии с подобными ее можно определить как фигуру короля. Точеные костяные шахматы появляются на Руси в конце

ХІІ в. (13. С. 119). Таким образом, описанная находка относится ко времени зарождения точеных шахмат.

Наряду с точеными существовали и резные шахматы. Четыре такие фигуры, относящиеся ко второму набору, найдены в слое второй половины ХІІІ в. Две из них не отличаются по форме от обычных для средневековья стилизованных шахматных фигур. Это ладья с прямоугольным основанием и двумя верхними выступами (длина — 3,8 см, ширина — 0,9 см, высота — 2,6 см) и конь, представляющий собой фигуру цилиндрической формы с выступом в верхней части (высота — 3 см, диаметр основания — 2,3 см, высота выступа — 1,4 см) (рис. 7, 4, 3).

Форма двух других фигур в деталях отличается от подобных им по значению находок, известных в археологических материалах. Обе фигуры представляют собой цилиндр с линейным орнаментом в нижней части. Верхняя часть цилиндров украшена глубокими косыми насечками, расположенными под углом друг к другу. Один из цилиндров имеет в верхней части кольцевидный выступ, на который посажена головка в форме луковки. Второй цилиндр головки не имеет. Их высота — 2,6 см, диаметр — 2,6 см, высота головки — 1,3 см (рис. 7, 1, 2). Определяются эти фигуры как король и ферзь. Ближайшими аналогами являются шахматы ХІІІ—ХІV вв. из Новгорода (13. С. 110, рис. 1), однако смоленские более приземисты и проще орнаментированы.

Из слоя ХІІ в. происходят находки, также связанные с играми, — точеные шашки и игральные кости (рис. 7, 5).

Кроме описанных предметов следует упомянуть о часто встречающихся проколах, заготовках рукоятей и различных отходах обработки кости (опиленные лосины рога, трубчатые кости крупного рогатого скота, заглаженные ребра). Эти вещи встречаются практически во всех слоях. В слое же рубежа ХV—ХVІ — середины ХVІ в. обнаружены следы косторезной мастерской: 120 опиленных трубчатых костей и заготовки шайб наборных рукоятей. Эти находки локализируются в районе хозяйственных срубов усадьбы. Причем одновременно с обработкой кости жители этой усадьбы занимались и ювелирным делом, о чем свидетельствует сруб — ювелирная мастерская (14).

Из рассмотренного выше материала видно, что качественные изделия из кости, прежде всего резные, относятся к ХІІ — середине ХІІІ в. Вещи второй половины ХІІІ—ХІV в. имеют совершенно другой характер: исчезают цельные рукояти, составные и цельные гребни со сложным орнаментом. На смену им приходят наборные рукояти и цельные гребни с простым орнаментом. Здесь уместно заметить, что резные находки ХІV—ХV вв. (накладки на колчан и весы для взвешивания монет) являются, видимо, привозными из степных и северокавказских районов.

Обработка кости могла существовать как в форме профессионального, так и домашнего ремесла. К профессионалам следует отнести в первую очередь резчиков и токарей. Причем хотелось бы

обратить внимание на то, что инструмент для обработки кости и дерева практически одинаков: пилы — ножовка и лучковые, токарные резцы и сверла — перовидные и спиралевидные. Если взять наиболее массовую продукцию из этих материалов — гребни, то можно заметить, что технология их изготовления одинакова. Более того, для одинаковой формы гребней из дерева и кости характерен одинаковый орнамент. В письменных источниках встречается упоминание о специалистах-гребенщиках, которые, вероятно, работали и с деревом, и с костью (15. С. 136), что подтверждается, во-первых, близостью типов гребней из этих материалов, а во-вторых, взаимозаменяемостью самшита и кости, о чем свидетельствуют графики их временного распределения.

Можно предположить, что косторезное ремесло выделилось достаточно поздно. Известные косторезные мастерские датируются не ранее XV в. В более раннее время, а в Смоленске и в первой половине XVI в., на усадьбах жители одновременно занимались косторезным и ювелирным ремеслами (12. С. 143). Интересно, что в письменных источниках не упоминаются специалисты-косторезы.

Обработка кости не была узкоспециализированным ремеслом. Вероятно, она носила характер вспомогательного ремесла, когда мастер владеет техникой обработки разных материалов, в том числе и кости. Из этого предположения следует, что основная часть костяных изделий относится к домашнему производству, незначительная часть, в основном гребни и наборные рукояти, — к рыночному производству, и совсем малая часть предметов (резные накладки и рукояти) выполнена на заказ.

-
1. Колчин Б. А. Ремесло // Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., 1969. Ч. 1.
 2. В данном случае использованы материалы раскопок по ул. Соболева УС — III, VIII, IX, XI. Три последних раскопа дали хорошо стратифицированный слой, на материале которого создана дендрохронологическая шкала Смоленска.
 3. Использована классификация Б. А. Колчина.
 4. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник «50 лет раскопок Новгорода». М., 1982.
 5. Рыбина Е. А. Западноевропейская система знаков собственности // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1981.
 6. Рыбина Е. А. Археологические очерки новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978.
 7. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М., 1985.
 8. Могильников В. А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII—XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
 9. Волков И. В. Атрибуция нескольких вещей из золотоордынского Азака. — Сб. Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991 г.
 10. Кулаков В. И. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX—XI вв. // СА. 1988. № 3.
 11. Малиновская Н. В. Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М., 1974.
 12. Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. Л., 1981.
 13. Линдер И. М. Шахматы на Руси. М., 1975.
 14. Отчет о работах в Смоленске и Гнездове Смоленской археологической экспедиции в 1972 г. // Архив ИА АН СССР. Р. 1. № 4927.
 15. Смоленская Крестоприводная книга 1598 г. // Источники по истории русского языка. М., 1976.

ПУБЛИКАЦИИ

А. В. Успенская

Березовецкий курганный могильник X—XII вв.

Березовецкий курганный могильник находится в Тверской области в лесу на высоком северо-западном берегу оз. Селигер в 0,5 км к югу от пристани Залучье. В эпоху раннего средневековья берега этого озера, как и других Верхневолжских озер, были широко освоены и густо заселены. Вблизи могильника расположены два городища — Березовецкое и Никола-Рожок X—XII вв. (1. С. 73—79; 2. С. 201—213), прослежены следы селищ того же времени близ деревень Новые Ельцы и Князово (рис. 1). Через район пролегал один из древнейших торговых путей, связывающих Скандинавию и Русь с восточными странами. Этот водный путь через Ладогу — Волхов — оз. Ильмень, по р. Пола и Селигеру шел на Верхнюю Волгу.

Он играл также значительную роль в развитии внутренних торговых сношений Новгорода с другими русскими княжествами — Тверским, Смоленским и Владимиро-Суздальским (3. С. 131).

У Селигера начинался короткий сухопутный волок, соединяющий этот район с системой рек, впадающих у Новгорода Великого в оз. Ильмень. Близ волоков обычно возникали значительные населенные пункты, жители которых обслуживали торговые караваны и сами в какой-то мере участвовали в торговых операциях.

Территория северного и северо-западного побережья Селигера входила в состав Новгородской земли и упоминается в берестяной грамоте 80-х гг. XI в., найденной в 1975 г. в Новгороде, которая содержит запись должников новгородского ростовщика: «...Серегери на Хьмоуне и на Дрозье 5 гривнъ бес коуне» (4. С. 124—127).

В древнерусских письменных источниках почти полностью отсутствуют сведения о социально-экономической истории и других сторонах жизни населения верховьев Волги — этого окраинного региона Руси. Важнейшим источником для изучения этнического состава населения этого региона, его материальных условий жизни и идеологии остается археологический материал. Среди археологических памятников верховьев Волги, оставленных местным

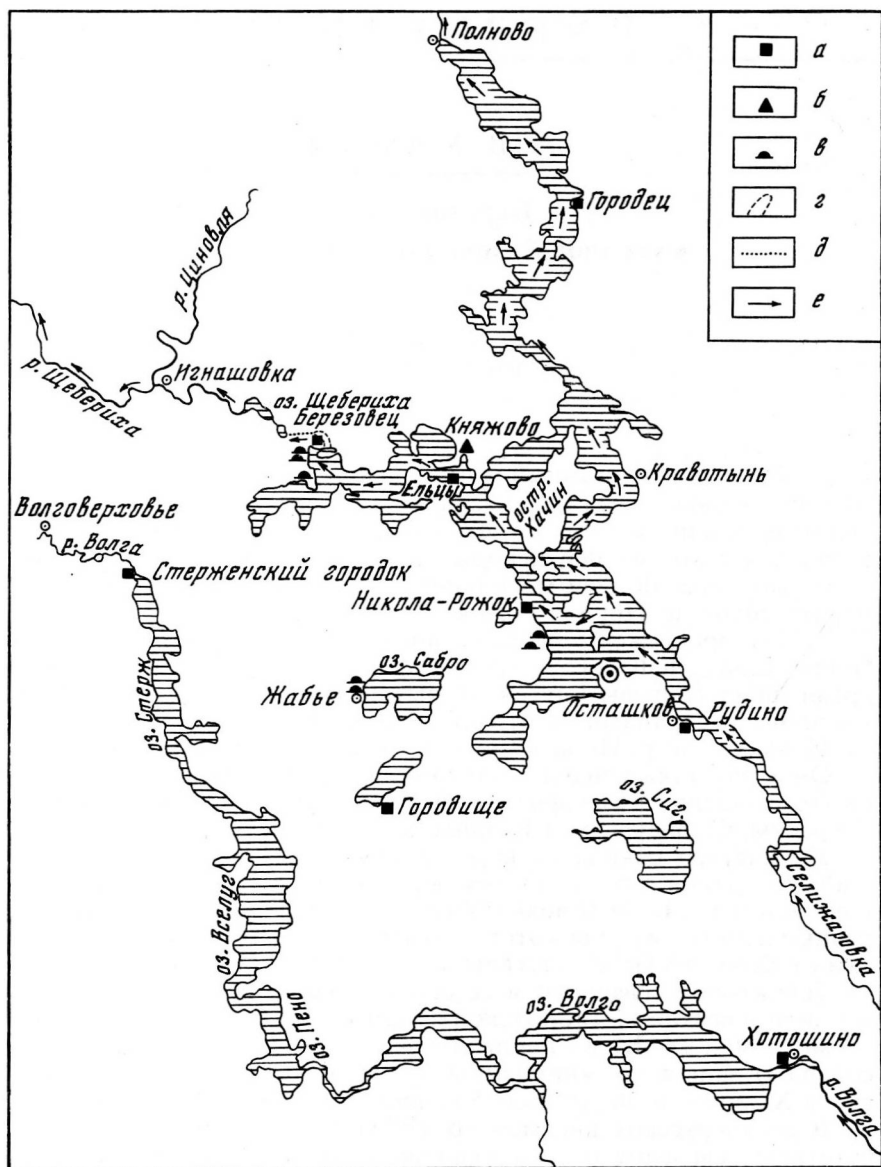

Рис. 1. Археологические памятники верхневолжских озер

а — городища; б — селища; в — курганы; г — высохший залив озера; д — следы древнего волокa; е — древний селигерский путь

населением, наиболее хорошо сохранившимся является Березовецкий некрополь. Он состоит более чем из 200 курганов и занимает площадь около 3,5 га, которая вытянута с юга на север по берегу Селигера. Этот памятник известен у населения под названием

«Литовские сопки». Ранее могильник не исследовался, если не считать небольших раскопок местного помещика М. Н. Мамонова, вскрывшего в 80-х гг. прошлого века пять насыпей. Материал раскопок не сохранился (5. С. 252).

Планомерное и широко поставленное изучение Березовецкого могильника началось в 1969 г. экспедицией Государственного Исторического музея под руководством автора. За 12 полевых сезонов было раскопано 139 курганов, содержащих 149 погребений.

В настоящей работе публикуется весь полученный материал данного памятника, дается подробная характеристика погребальных обрядов местного населения, проводится детальный анализ вещевых комплексов, сопровождавших захоронения.

При составлении топографического плана могильника установлено, что около 30 насыпей разрушены во время Великой Отечественной войны траншеями и партизанскими землянками, многие повреждены кладоискательскими ямами, а некоторые настолько сильно поросли крупными деревьями, что в ряде случаев оказалось невозможным их раскопать.

Все курганы имеют полусферическую форму. В южной половине некрополя они располагаются на известном расстоянии друг от друга, а в центральной и северной близко примыкают друг к другу, и нередко пола одного кургана соприкасается с соседними. Все насыпи состояли из песка, а находящиеся у берега озера — из песка с галькой. Размеры курганов различны: высота большинства насыпей колеблется от 0,7—0,8 м до 1,5—1,8 м. Некоторые курганы, содержащие несколько погребений, имеют высоту 2—2,2 м. Диаметры насыпей также неодинаковы, размеры их колеблются от 6 до 10—12 м. Более высокие насыпи находятся в южной части некрополя, курганы меньших размеров — в центральной и северной. В южной половине сохранился один из самых больших курганов высотой около 3 м, при диаметре более 16 м. Он сильно поврежден глубокой ямой на вершине, полы его поросли крупными дубами, в связи с чем он не был нами исследован.

В Березовецком могильнике раскопано на снос 139 курганов. В 121 из них найдены остатки захоронений; в трех курганах (52, 82, 93) под насыпью на материке обнаружены небольшие глиняные сосуды и отсутствовали какие-либо признаки захоронений. Возможно, это были детские погребения, костяки которых полностью истлели. В девяти насыпях (курганы 4, 18, 28, 31, 40, 45, 47, 117, 136) остатки человеческих костей отсутствовали и на материке под насыпью прослежена только зольно-угольная прослойка толщиной 0,1—0,15 м, иногда содержащая фрагменты глиняных сосудов. Шесть курганов (12, 53, 71, 76, 89, 139) оказались пустыми. Видимо, эти две последние группы насыпей можно отнести к числу кенотафов.

Большинство раскопанных курганов содержали по одному погребению и лишь в пяти насыпях (курганы 5, 8, 11, 20, 44) находилось по два — пять захоронений по обряду кремации. При этом обычно основное захоронение, более раннее, лежало на материке, а

более позднее — в насыпи. В шести курганах с ингумированными захоронениями обнаружено по два погребения. Среди них два парных — одновременные захоронения мужчины и женщины (курганы 51, 86), двух женщин (курган 50); и разновременные — вводные (курганы 48, 66, 127), частично нарушившие первичные насыпи.

По костным остаткам и погребальному инвентарю удалось выделить 55 мужских, 68 женских, 12 детских погребений, в остальных захоронениях половую и возрастную принадлежность определить невозможно*.

Для установления этнического состава населения, оставившего Березовецкий могильник, и выяснения религиозных представлений местных жителей особого внимания заслуживает детальное рассмотрение погребальной обрядности.

В настоящей работе анализируется материал из 147 погребений Березовецкого могильника: из них 50 были совершены по обряду кремации и 97 захоронены по обряду ингумации.

В данном могильнике, как и в других синхронных ему некрополях на территории Древней Руси, в Скандинавских странах и в Прибалтике, зафиксированы две разновидности кремации: трупосожжения, произведенные на месте сооружения кургана, и сожжение покойников в стороне от кургана с последующим захоронением праха в курганный насыпь. В большинстве случаев трупосожжения были произведены на месте сооружения насыпи (32 погребения). В таких курганах выявлены остатки кострищ на материке в виде зольно-угольного слоя округлой или овально-вытянутой формы, насыщенного человеческими кальцинированными костями. На некоторых кострищах сохранились куски угля и фрагменты обожженных плах. Размеры кострищ, от которых, видимо, зависела величина кургана, достигали 5—9 кв. м. В некоторых случаях удалось установить, что они были ориентированы с запада на восток, иногда с небольшим отклонением к северу. После затухания погребального костра, как это прослежено в курганах 3, 10, 19, 32, 34, 64, 70, кальцинированные кости были собраны в груды и оставлены в центре кострища. В других курганах кальцинированные кости собраны в глиняные урны, которые устанавливались на кострище под насыпью (курганы 11, 16, 17, 109). В ряде случаев обожженные кости лежали на кострище в нетронутom виде, т. е. в тех местах, куда они упали с погребального костра (курганы 9, 33, 35, 108, 114). Часто на кострищах встречались обломки глиняных сосудов, иногда от нескольких экземпляров. Обряд бития посуды, как известно, был широко распространен в Древней Руси; он прослежен и в погребениях по обряду ингумации.

Сходные способы захоронения остатков трупосожжений прослежены и в курганах с сожжениями на стороне: чаще всего каль-

* Костный материал из раскопок могильника определен в МГУ остеологом Е. Г. Андреевой.

цинированные кости, собранные в глиняные урны или берестяные туеса, ставились в верхней части насыпи. В некоторых курганах встречены три — четыре урны с остатками разных сожжений (курганы 5, 8, 20, 44). Отмечены также случаи, когда кости вместе с оплавленными и обожженными вещами погребального инвентаря лежали грудкой в средней части насыпи (курганы 2, 15). В курганах с сожжениями на стороне погребальный инвентарь обычно беднее, чем в курганах с сожжением на месте. По всей видимости, это явление объясняется тем, что сильно обгоревшие предметы погребального инвентаря не всегда возможно было полностью собрать и перенести в сосуды, где сохранялся прах покойного до его захоронения в курганный насыпь.

Лишь в двух курганах Березовецкого могильника с трупосожжениями на стороне погребальный инвентарь был многочислен. В мужском погребении (курган 2) находился поясной набор из серебряных бляшек и обоймиц, двух ножей, каменного оселка и бусины. В женском захоронении (курган 15) среди кальцинированных костей найдено большое число сердоликовых и стеклянных цветных бусин, фрагменты нескольких бронзовых цепочек разного плетения и нож.

Говоря о различиях в обряде кремации (на месте и на стороне), необходимо отметить, что по внешнему облику, а также по характеру погребального инвентаря они не различимы.

В них встречаются одинаковой формы лепные сосуды, однотипные по материалу и форме бусы, идентичные бронзовые украшения и железные поделки, которые не связаны с хронологическими, а также с этническими и возрастными различиями. Топографически курганы, содержащие сожжения на месте и на стороне, не обособлены, они расположены чересполосно и не составляют в могильнике каких-либо отдельных локальных групп (рис. 2). Среди тех и других встречаются также безынвентарные захоронения.

Заслуживает внимания тот факт, что в четырех курганах (5, 8, 20, 44) могильника находились сожжения на месте (на материке) одновременно с сожжениями на стороне, размещенными в верхней части курганный насыпи.

По всей видимости, такие курганы, отличающиеся большими размерами, надо считать семейными. Когда происходило захоронение праха умерших, сожженных на стороне, в кургане, сооруженном над одним из ранее умерших родичей, на вершине его заново устраивался костер и на не совсем догоревшие бревна ставились урны с кальцинированными костями и остатками обгоревших вещей. Урнами являлись лепные глиняные сосуды или берестяные туеса. Так, в кургане 44 обнаружено следующее: на недогоревших до конца деревянных горбылях стояли рядом на одном уровне две глиняные урны и два обожженных берестяных туеса (рис. 3). В последних находились останки детских костяков: в одном — девочки, в другом — мальчика-подростка; а в глиняных урнах — погребения взрослых — мужчины и женщины. Захоронения в берестяных туесах известны из раскопок смоленских курганов (6. С. 96).

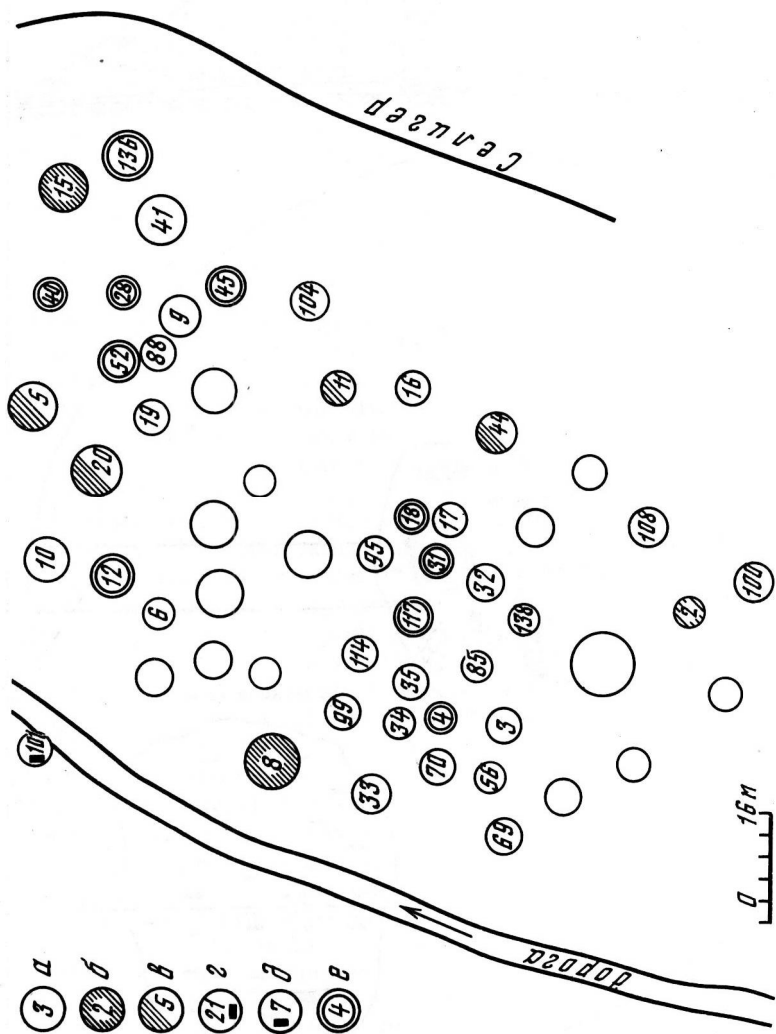

Рис. 2. Погребальные обряды Березовецкого могильника

а — трупосожжения на месте; б — трупосожжения на стороне; в — трупосожжения на месте и на стороне; г — трупосожжения на материке; д — трупосожжения в яме; е — кенотафы (?)

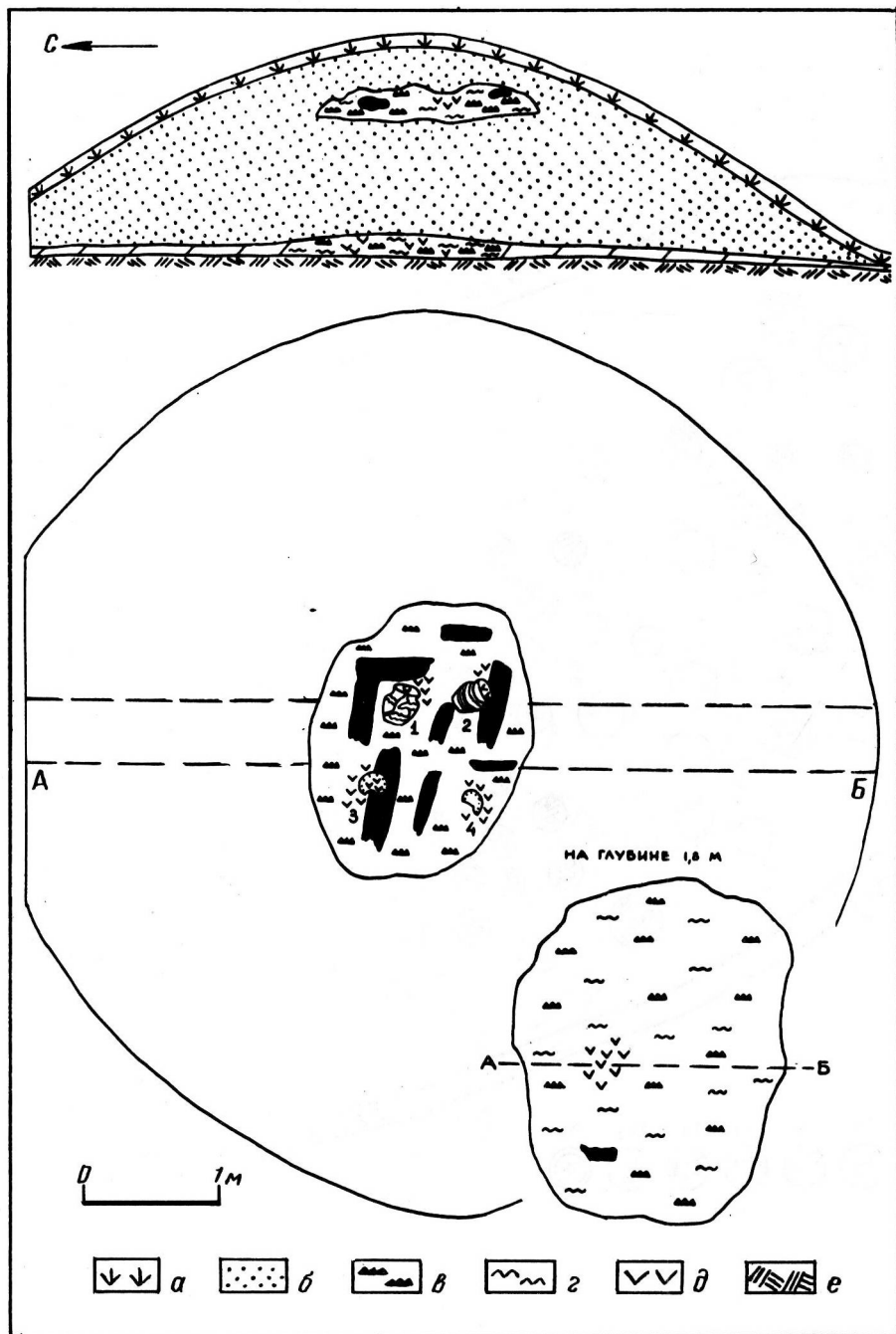

Рис. 3. План и профили кургана 44

1, 2 — погребения в горшках; 3, 4 — погребения в берестяных туесах; а — дерн; б — песок; в — угли; г — зола; д — керамика; е — материк

Исходя из вышеизложенного, можно согласиться с точкой зрения тех исследователей, которые объясняют применение этих двух видов кремации зависимостью от климатических и сезонных условий. Зимой сооружение земляной насыпи над погребением представляло большие трудности, поэтому сожженный прах покойного сохраняли в туесах или глиняных сосудах до весны, когда его переносили на кладбище и захоранивали в курганной насыпи. Так как большинство летальных случаев падает на весенне-осеннее время года, когда легко соорудить земляную насыпь над погребением, то количество трупосожжений на месте всегда превышает число захоронений на стороне (7. С. 12—13).

Следует отметить еще одну характерную особенность в погребальной обрядности населения, оставившего Березовецкий могильник. Более 30% всех курганов с сожжениями содержали кальцинированные кости жертвенных животных. Чаще всего погребения сопровождалось сожжением лошади. В кургане 3 при женском трупосожжении обнаружены кости двух конских особей: один конь кремирован вместе с умершей, целый остов второго находился рядом с кальцинированными останками человека. Скелет этого коня лежал на левом боку с подогнутыми конечностями и головой, обращенной на юг. Аналогичное захоронение целого несожженного коня известно в кургане 17 у д. Карлуха в Приладожье (8. С. 33—34).

Обожженные кости лошади встречены еще в двух женских трупосожжениях Березовецкого могильника (курганы 15, 20-IV). Обычно обожженные кости лошади лежат в одной куче вместе с человеческими, иногда же, как, например, в мужском сожжении кургана 32, они находились в стороне от человеческих останков, от которых были отгорожены тремя большими камнями. При женских трупосожжениях найдены обожженные кости коровы (курганы 20-III, 90), кости собаки (курганы 35, 46, 108), и птиц (курганы 90, 108).

В Березовецком некрополе, как и в ряде других могильников — Тимеревском, Вышневолоцком, Михайловском, — захоронения коней следует связать с традициями финно-угорской погребальной обрядности, длительное время еще бытовавшей в среде смешанного славяно-финского населения этого региона.

Однако с распространением обряда ингумации умерших среди населения бассейнов Верхней Волги, Мсты, Мологи и других северо-западных районов Руси обычай сопровождения погребений кремацией коня повсеместно исчезает (9. С. 96). Иногда при погребениях по обряду кремации на месте и на стороне обнаружены каменные вымостки или отдельные камни. Возможно, последние использовались в качестве магического средства, охраняющего родственников от вредного воздействия умерших (10. С. 106).

Датировка курганов с трупосожжениями может быть определена лишь на основе тщательного изучения погребального инвентаря. Надо сказать, что в отличие от других памятников этого времени с трупосожжениями, погребения Березовецкого могильника содержали сравнительно обширный и разнообразный вещевой материал

(рис. 4). Часто среди деформированных под воздействием огня украшений, особенно шейных, встречались сплавившиеся круглые шарики высокопробного серебра, которые, на наш взгляд, представляют собой расплавившиеся арабские монеты. В женских трупосожжениях среди кальцинированных костей и кусков угля часто встречались сердоликовые цилиндрической формы, стеклянные лимоновидные с продольными полосками и белоромбические бусы, которые датируют подавляющее большинство трупосожжений второй половиной X — началом XI в.

В XI в. трупосожжения постепенно сменяются обрядом трупоположений, однако пережитки обряда кремации еще долго сохраняются у местного населения.

Например, в кургане 48 с двумя одновременными мужскими захоронениями основное погребение расположено было на материке на горелом слое с небольшими кусками угля и золой.

Обряд ингумации представлен в Березовецком могильнике в 89 курганах (97 погребений, что составляет около 65% всех изученных захоронений). Из них 39 погребений произведены на материке, 54 — в неглубоких могильных ямах и 4 на незначительной подсыпке несколько выше (0,1—0,2 м) горизонта. Внешний вид этих курганов не отличался от насыпей с трупосожжениями.

В подавляющем большинстве курганов с трупоположениями находились одиночные захоронения и лишь в трех — обнаружены по два одновременных погребения; в них — вводные захоронения помещались в насыпи курганов с последующей подсыпкой, основное — на материке или в могильной яме (курганы 48, 66, 127). В двух курганах 51 и 86 зафиксированы парные захоронения: мужской и женский скелеты лежали рядом на материке.

Что касается могильных ям, то размеры их были различны. Глубина их (считая от материка) колебалась от 0,4 до 1,2 м, длина — от 1,9 до 2,4 м при ширине 1—1,5 м, чаще всего встречались ямы глубиной 0,4—0,6 м при длине около 2 м и ширине 1,2 м.

Как правило, в ямных захоронениях почти всегда отмечены остатки деревянных гробов в виде древесной трухи или отдельных сохранившихся досок и горбылей. Можно определенно сказать, что гвозди при изготовлении гробов не использовались, ни в одном погребении они не были обнаружены. Гробы прослежены в 35 погребениях в могильных ямах и четырех трупоположениях на материке.

Ориентировку погребенных удалось определить во всех курганах с трупоположениями. Подавляющее большинство костяков ориентировано головой на запад, лицом на восток, в 19 курганах черепа покойников лежали на боку, лицом на север или на юг.

Среди погребений с западной ориентировкой наблюдались редкие отклонения к юго-западу или северо-западу, что, видимо, зависело как от времени года, так и времени дня, когда производилось захоронение умершего. Эти погребения не составляли каких-либо локальных групп внутри могильника.

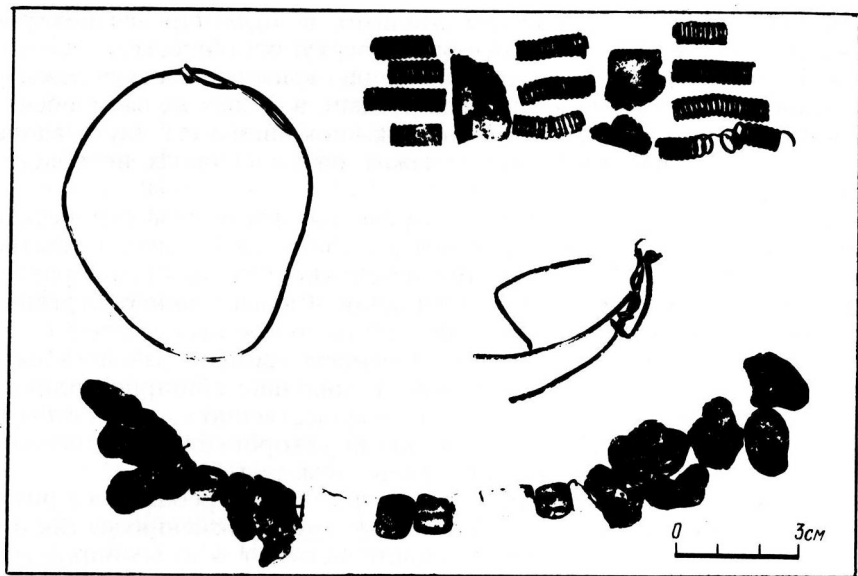

Рис. 4. Курган 19. Височные кольца, оплавившиеся бусы и фрагменты венчика

Особого внимания заслуживают два кургана, в которых погребенные имели отличную от общей массы захоронений ориентировку. Это курган 43, в котором обнаружено погребение девочки 8—10 лет с меридиональной ориентировкой головой на север, что, как известно, характерно для финно-угров лесной полосы Восточной Европы. В данном случае и набор украшений, обнаруженный на погребенной, свидетельствует о принадлежности ее к финно-угорской народности: на шее были две гривны малого диаметра — витая из двух массивных бронзовых проволок, раскованных в пластину в затылочной части и замком в виде петли и крючка, и вторая — из железного дрота, обвитого бронзовой проволокой, аналогичная находкам в финно-угорских могильниках X—XI вв.

Второе, необычное для данного могильника, погребение открыто в кургане 124, расположенном в северной части памятника. Это женское погребение с южной ориентировкой, оно находилось в прямоугольной камере-домовине в два венца, прикрытой сверху берестой. Углы этого сооружения из толстых бревен (диаметром 0,2 м) имели соединение в обло. Камера несколько заглублена в материк и сильно обожжена. Погребенная была одета в богатый наряд, на ней были серебряные украшения: браслетообразные височные кольца с завязанными концами (6 экз.), бусы с тончайшей зернью, зерненная лунница, перстень, широкий браслет. Среди крупных серебряных привесок — две ажурные, в стиле Иеллинге —

скандинавского происхождения. Видимо, в этом кургане похоронена женщина из феодализирующейся верхушки общества.

Обычно в курганах с погребениями на горизонте костяки лежали на спине с вытянутыми вдоль тела руками, в ямных же захоронениях в большинстве случаев — одна рука покойного вытянута вдоль тела, другая, согнутая в локте, лежит на поясничных позвонках, реже на груди.

При картировании обрядов погребения выяснилась интересная закономерность, которая дает возможность проследить развитие погребальных обрядов у местного населения и указывает направление, в котором разрастался могильник. Самые ранние курганы, содержащие погребения с кремациями, расположены в южной части памятника на мысу, отсюда он с течением времени разрастался в северном направлении. В центральной, довольно обширной площади некрополя находятся курганы преимущественно с труположениями на материке. Курганы с ямными захоронениями занимают северную треть территории могильника (см. рис. 2).

Остановимся на некоторых других деталях погребального ритуала, которые отмечены как в курганах с трупосожжениями, так и в курганах с труположениями и свидетельствуют о взаимопроникновении населения. Так, камни и каменные конструкции имели обрядовое значение и встречались в курганах как с кремациями, так и ингумациями. В трупосожжениях они встречены на кострищах (в 11 погребениях) около урн с кальцинированными костями, реже — в верхней части насыпи (в пяти курганах).

В курганах с труположениями из камней сооружались круговые оградки вокруг основания насыпи (в 38 курганах). Иногда кольцевая оградка состояла из двух рядов камней. Камни при этом использовались различных размеров: в некоторых курганах — большие валуны, достигающие 0,3—0,4 м в поперечнике. Иногда небольшие камни в количестве двух или трех клались рядом с погребенным или в насыпи кургана. Например, в кургане 80 три уплощенных камня лежали в ногах покойницы и на них стоял глиняный сосуд с мелкими углями.

В двух курганах (101, 128), содержавших мужские погребения в ямках, поверхности насыпей были вымощены камнями. Последние были округлые, сильно окатанные, средних размеров (0,20—0,25 м в поперечнике) и плотно пригнаны друг к другу.

Как отмечалось выше, обряд трупосожжения у местного населения Верхневолжья сохранился до начала XI в., и в течение какого-то времени оба погребальных обряда сосуществовали. В XI в. на Руси повсеместно распространяется обряд погребения несожженных трупов, однако некоторые пережитки обряда кремации еще долго сохраняются в курганах с ингумациями. Такими пережитками обряда трупосожжений являются обжиг гробов и бересты, которой иногда накрывали умерших, и присутствие в курганах с труположениями углей, золы и угольных прослоек. Чаше угольные прослойки встречались в курганах, содержащих захоронения на материке (в

19 курганах). Иногда под костяками обнаруживается сильно обожженная земля — следы предварительного обжига площадки, на которую укладывался умерший. Зольно-угольные прослойки встречались и в насыпях над погребенным. В них содержались отдельные кости животных и обломки глиняной посуды (курганы 43, 48, 62, 66, 73). Возможно, это остатки погребальных тризн.

В ямных захоронениях уголь и зольные прослойки встречены 11 раз. В курганах 36, 84, 111 на материке вокруг ям обнаружены мощные зольно-угольные слои с остатками не до конца сгоревших плах. Отдельные угли встречаются и на дне могильных ям, и в сопровождающих погребения глиняных сосудах. Обычай прожигать поверхность горизонта на месте сооружения кургана, обжигать гробы и бересту, накрывающую умершего, распространены в синхронных Березовецкому могильнику памятниках других регионов Древней Руси.

Датировка курганов Березовецкого памятника устанавливается по сопровождающим погребения вещевым комплексам, тщательное изучение которых определяет время функционирования могильника и дает известное представление об этническом и социальном составе местного населения. Преобладающее число курганов содержит многочисленный и разнообразный инвентарь. Особенно богаты находками женские захоронения.

Анализ погребального инвентаря проведен в работе по определенным категориям вещей (украшения, предметы вооружения, орудия труда и предметы бытового назначения, торговый инвентарь, предметы одежды), для определения времени существования которых привлечены типологически близкие вещи ряда памятников Восточной Европы.

Предметы украшения

Височные кольца составляют значительную группу женских украшений. Из 67 исследованных погребений женщин они обнаружены в целом и фрагментарном виде в 54 захоронениях. В курганах с труположениями учтены 155 экземпляров* колец различных форм: браслетообразные с завязанными концами (серебряные — 70 экз., бронзовые — 44 экз.), типичные для славянского племени кривичей, браслетообразные с незавязанными концами (20 экз.), перстнеобразные с эсвидным концом (13 экз.), ромбоштитковые (3 экз.), бусенные с одной или тремя напущенными бусами (4 экз.), узловатые (1 экз.).

Наиболее часто на черепках находилось по три — пять колец, но иногда их было значительно больше, как, например, в кургане 94,

* Височные кольца, найденные в трупосожжениях во фрагментарно-обоженном виде, не учтены.

где обнаружено 13 перстнеобразных эсовидных колец. В ряде захоронений удалось выявить способ крепления височных колец к женской прическе. В курганах 54, 61 и 134 браслетообразные кольца прикреплялись с помощью шпилек в виде небольших проволочных дужек с заостренными или спиралеобразными концами (рис. 5).

В кургане 58 браслетообразные кольца вплетены в волосы у висков по два с каждой стороны при помощи узкого (1,5 см) кожаного ремешка. Как крепились бусенные височные кольца, нам проследить не удалось из-за плохой сохранности черепов.

По мнению ряда исследователей, бусенные височные кольца, находящиеся в погребениях близ ушей, являлись скорее всего серьгами (11. С. 91).

В четырех женских захоронениях (курганы 36, 61, 73, 120) обнаружены на черепе, шее и плечах остатки шерстяных платков с нашитыми бляшками и бисером. Бляшки литые из оловянисто-свинцового сплава различной формы: круглые, восьмеркообразные, трапезиевидные с орнаментом. В верхней части их имеются отверстия для прикрепления к платку. Подобные бляшки и бисер, голубой и желтый, встречались и при расчистке остатков трупосожжений (курганы 56, 64, 85). Как отмечают многие исследователи, головной убор в виде расшитого бляшками и бисером платка характерен для финно-угорского женского костюма. Аналогичные детали головного убора отмечаются в погребениях Акатовского курганного могильника в Подмосковье, в Елизаровском близ Волоколамска (12. С. 221; 13. С. 215).

Налобные венчики — характерное украшение женского головного убора местного населения, найдены в 19 погребениях — в 10 трупосожжениях и в 9 трупоположениях. Как правило, находкам венчиков сопутствуют богатые по составу погребальные инвентари. Обычно они встречаются в погребениях по одному экземпляру в комплексе с другими украшениями из бронзы и серебра (височными кольцами, гривнами, перстнями, браслетами, привесками) и ожерельями из каменных, стеклянных и серебряных бус.

В Березовецком могильнике найдены венчики двух типов: пластинчатые и наборные ленточные, состоящие из нескольких рядов спиралек, нанизанных на лыко или тонкие кожаные шнуры и разделенных бляшками-обоймицами.

В кургане 54 на черепе 50—60-летней женщины хорошо сохранился венчик из серебряной пластины шириной 2,5 см и длиной 54 см. Концы его закруглены и имеют отверстия, в которых сохранились следы шелкового шнура, скреплявшего концы венчика (см. рис. 5). Основой для него служила полоса из твердой березовой коры, частично сохранившаяся на черепе. На висках погребенной под венчиком обнаружено по три серебряных браслетообразных завязанных височных кольца. Фрагменты еще одного серебряного пластинчатого очелья шириной 2,5 см найдены в кургане 113 также вместе с браслетообразными завязанными височными кольцами. Подобные венчики встречаются в ряде славянских курганов Древ-

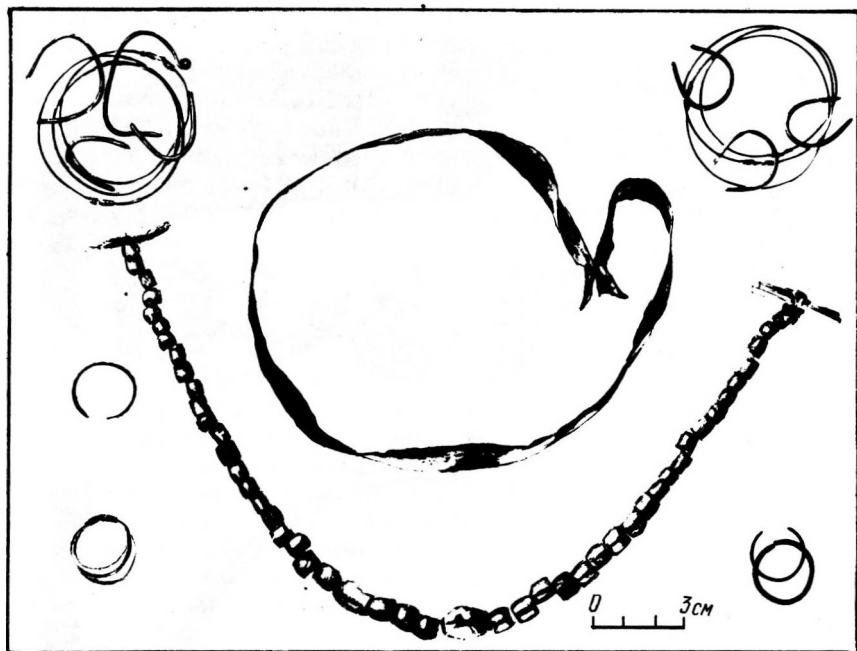

Рис. 5. Курган 54. Височные кольца со шпильками, венчик, бусы, перстни

ней Руси (14. С. 94). В 17 погребениях могильника обнаружены венчики другого типа — наборные из спиралек и бляшек-обоймиц. Интересно, что они имеют удивительно устойчивую форму с конца X до начала XII в. Как правило, они состоят из шести рядов спиралек (11—12 секций) из плоско-выпуклой бронзовой проволоки, разделенных 11—12 обоймицами прямоугольной формы. Последние всегда сделаны из бронзы, а лицевая сторона их покрыта тонкой серебряной фольгой. Поверхность фольги украшена орнаментом. Шесть венчиков из трупосожжений (курганы 3, 17, 19, 34, 35, 70) и три из трупоположений (курганы 73, 75, 83) на обоймицах имеют геометрический орнамент из двух вписанных друг в друга треугольников. На очельях из курганов 62, 80 и 86 — орнамент струйчатый из параллельных волнистых линий, расположенных вертикально (рис. 6). На хорошо сохранившемся венчике из кургана 132 орнамент на обоймицах состоял из ромбов, соединенных острыми углами. В парном захоронении женщины и мужчины (курган 86) подобный венчик был переплетен шелковой тесьмой шириной 1,2 см темно-коричневого цвета. Этот курган отличается как величиной насыпи, так и богатством инвентарем, который состоял из шести серебряных браслетообразных височных колец, гривны, ожерелья из сердоликовых и стеклянных глазчатых бус, трех дирхемов-привесок, ножа и глиняного сосуда. Это погребение, согласно инвентарю,

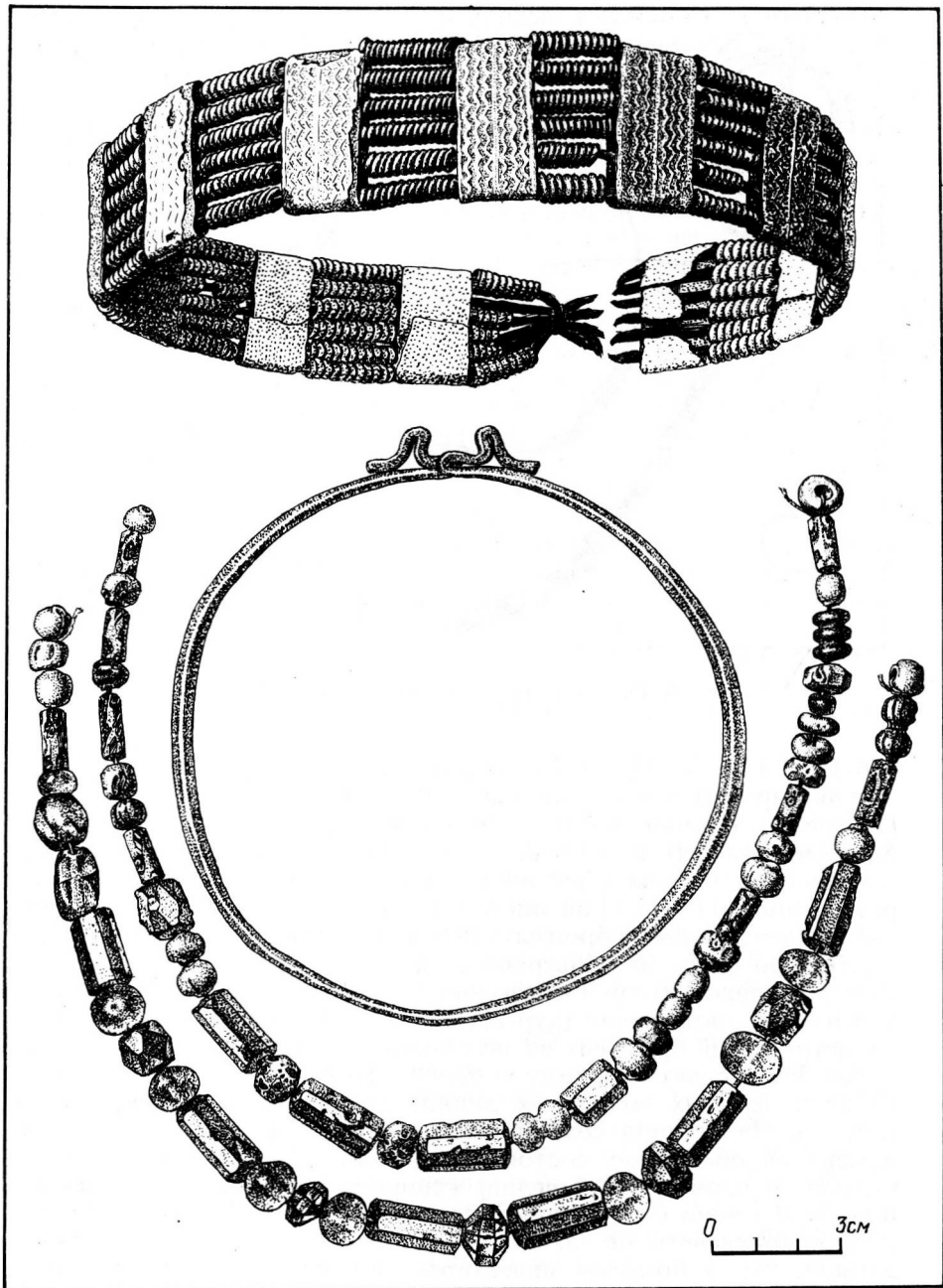

Рис. 6. Курган 62. Наборный венчик, гривна, бусы

может быть отнесено к первой четверти XI в. Наборные венчики из спиралек, как известно, являлись специфическим финно-угорским видом головного убора. Находки их в восточнославянских памятниках известны в тех районах, где славяне при своем расселении встретились с финно-угорским аборигенным населением (14. С. 96). Появление венчиков в древнерусских курганах обусловлено контактом славян с финноязычными племенами и связанным с ним процессом образования древнерусской народности.

Венчики, как известно, являлись головным убором девушек, замужние женщины, как правило, покрывали голову платком, украшенным часто мелкими металлическими бляшками и цветным бисером.

Шейные гривны найдены в 14 женских погребениях. Они обычно встречаются в богатых женских захоронениях в одном экземпляре. Однако бывают и исключения. Например, в кургане 43 на шейных позвонках скелета девочки вместе с ожерельем из восьми рядов бисера обнаружены две гривны (рис. 7).

Значительный интерес представляет железная гривна (курган 106) в виде пластины шириной 0,6 см с тремя округлыми расширениями диаметром 1,3 см. По форме она напоминает височное кольцо с тремя напускными бусами. Аналоги такой гривны нам неизвестны (рис. 8).

В шести погребениях находились железные гривны (курганы 22, 36, 43, 73, 86, 97), из них две сделаны из дрота, перекрученного в нескольких местах с раскованными в пластины концами. В кургане 22 на такой гривне (диаметром 16,5 см) было надето плоское железное кольцо, имевшее, видимо, магическое значение.

Другие железные гривны состояли тоже из дрота, обвитого в четырех местах бронзовой проволокой, концы их также были уплощены. В кургане 86 такая гривна найдена вместе с дирхемами X в., сердоликовыми цилиндрическими и многогранными бусами, по которым этот курган датируется первой четвертью XI в. Железные шейные гривны были распространены преимущественно в памятниках Фенноскандии.

Остальные восемь гривен из курганов данного могильника являлись бронзовыми, изготовленными различными техническими приемами. Бронзовая гривна из кургана 50-I — полая, состоит из пластины, согнутой в трубку, один конец которой движется на шарнире (отгибается в сторону при одевании). Замок сложный: на одном конце — полушарной формы розетка с углублением в нижней стороне, куда входит крючок другого конца гривны (рис. 9). Такие украшения редко встречаются в древнерусских курганах и датируются концом X—XI в. (15. С. 76). В кургане 84 бронзовая гривна представляла собой массивный дрот круглого сечения с раскованными в пластины концами, украшенными орнаментом в виде «волчьего зуба». Такие гривны бытовали на Руси на протяжении XI—XII вв.

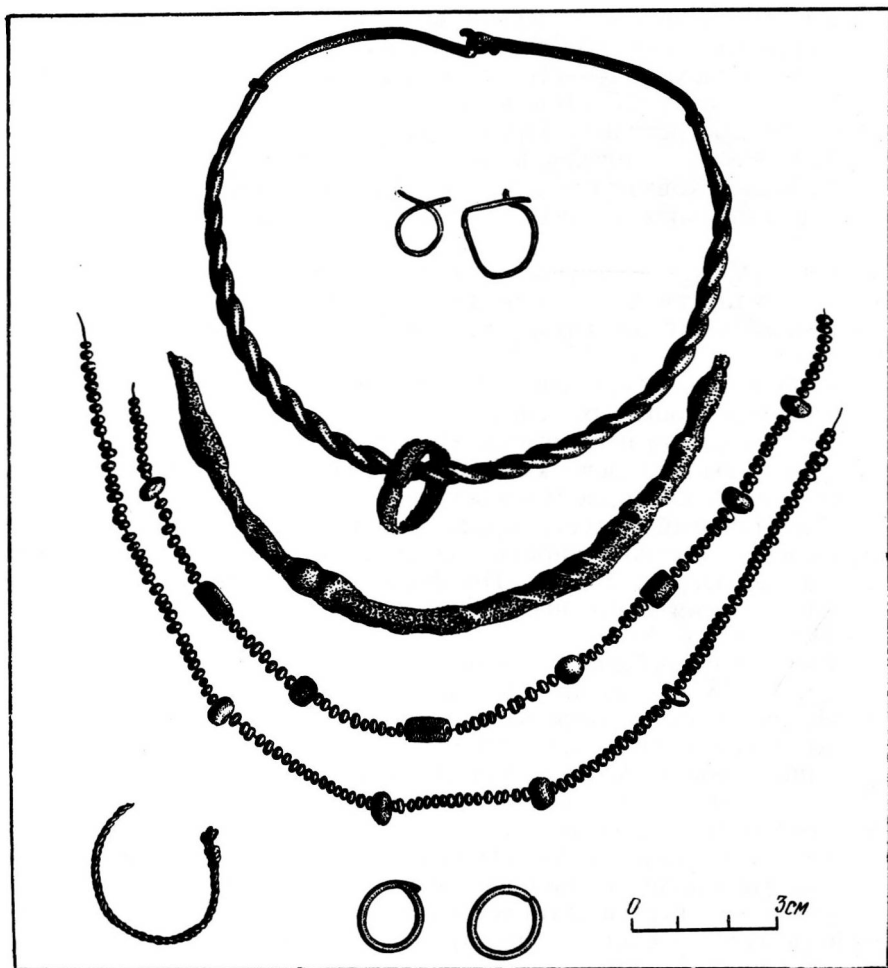

Рис. 7. Курган 43. Гривны, бусы, браслет, височные кольца

В нескольких захоронениях найдены витые гривны из двух или трех бронзовых проволок с различно оформленными концами. У некоторых они завершаются напаянными многогранными головками. Носились эти гривны таким образом, чтобы рельефно выступающие головки располагались спереди по обеим сторонам шеи. Подобные гривны известны из курганов XI в. Тверской, Смоленской, Псковской, Рязанской областей (15. С. 83).

Кроме вышеописанных шейных украшений в могильнике встречена одна гривна сложного плетения из шести тонких проволок (курган 55) и две круглопроволочные (курганы 62 и 83) с костылевидными концами (рис. 6). Аналогии им известны в древностях

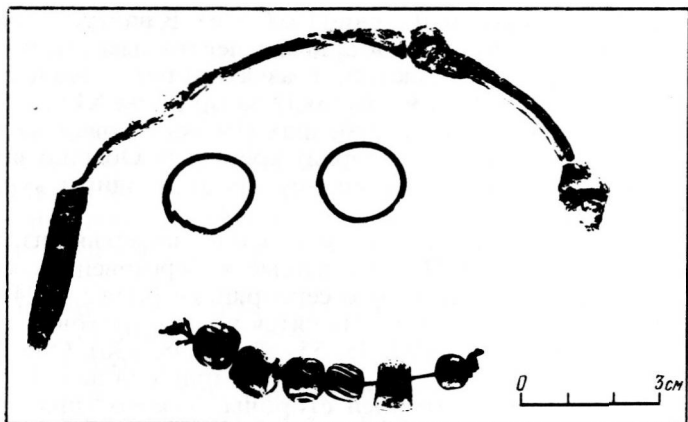

Рис. 8. Кургan 106. Гривна, височные кольца, бусы

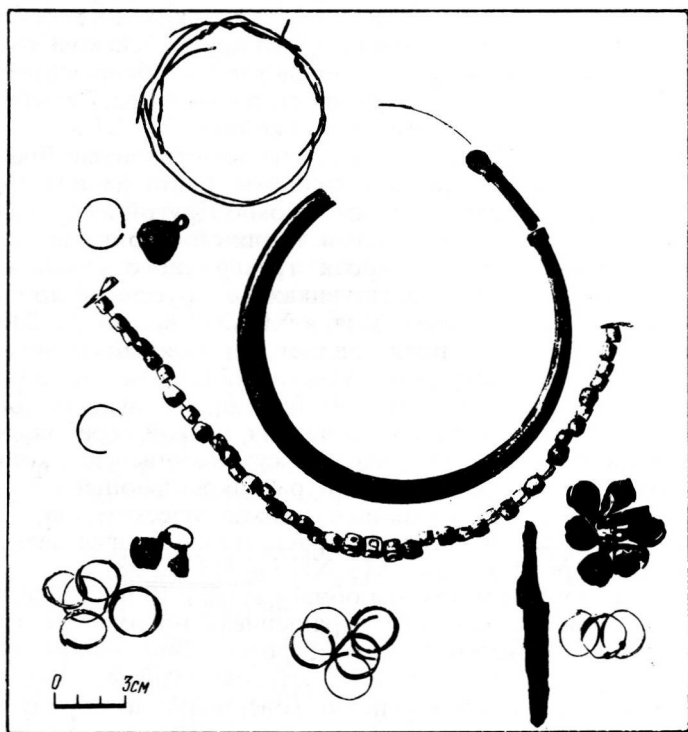

Рис. 9. Кургan 50-I. Височные кольца, гривна, бусы, бубенчики, перстни, нож

Х — начала XI в. Литвы и Латвии (16. С. 35). В нашем могильнике они найдены в комплексах с наборными ленточными венчиками, с сердоликовыми призматическими, глазчатыми и лимоновидными бусами, датировка которых не выходит за пределы XI в.

Браслеты найдены в 18 погребениях (19 экз.), совершенных как по обряду ингумации, так и по обряду кремации. Обычно захоронения содержали по одному экземпляру, лишь в одном кургане 55 было обнаружено два браслета.

Чаще всего их надевали на руку около запястья, изредка — около локтевого сустава. Все найденные в Березовецких курганах браслеты, за исключением одного серебряного (курган 124), сделаны из бронзы. Семь браслетов относятся к типу дровяных с обрубленными концами (курганы 27, 35, 55, 58, 62, 98, 130). Они согнуты из отрезка толстой проволоки, круглого или овального сечения, иногда уплощенной с внутренней стороны. Такого типа браслеты широко бытовали среди сельского населения Древней Руси в XI—XII вв. (17. С. 212, 214).

В семи погребениях (в пяти женских и двух детских) найдены витые браслеты из двух проволок с завязанными простым узлом концами. Браслеты малого диаметра из детских погребений (курганы 43, 97) свиты из двух тонких проволок. В женском трупосожжении (курган 70) такой браслет представлен обгоревшими фрагментами. По сопровождающему инвентарю (гривны, бусы) погребения с витыми браслетами датируются концом X—XI в.

В курганах 98, 134, 135 обнаружены пластинчатые браслеты с суживающимися закругленными концами. Один из них украшен так называемым «волчьим зубом». Другой из кургана 84 — со стилизованными изображениями звериной морды на концах — сделан из узкого согнутого дрота трехгранного сечения. Такие браслеты распространены в памятниках Белоруссии, Смоленской и Калужской областей, где датируются XI—XII вв. (17. С. 240—241).

Наибольший интерес представляет серебряный пластинчатый браслет из камерного погребения (курган 124) с южной ориентировкой, который и по инвентарю, и по обряду выделяется среди курганов могильника. Браслет сделан из тонкой серебряной пластины, расширенной в средней части и суживающейся к концам, на которых имеются отверстия для шнура, закрепляющего браслет на руке. Вся лицевая сторона украшена геометрическим узором, нанесенным резцом (рис. 10). Близкие браслеты из бронзы находят при раскопках Новгорода в слоях XI—XII вв. (18. С. 38).

Перстни из бронзы и серебра обнаружены в 19 погребениях. Они являлись в основном женским украшением, но их носили иногда мужчины и дети. В Березовцеком некрополе они обнаружены в 16 женских, в двух мужских и одном детском захоронениях. Все эти погребения, за исключением одного, совершены по обряду ингумации. В кургане 85 серебряный пластинчатый, широкосрединный перстень, сильно деформированный, найден среди остатков женского трупосожжения.

Обычно перстни носили на правой или левой руке, но встречаются они и одновременно на обеих руках. Число перстней в захоронениях различно, чаще всего по 1—2 экз., но в кургане 50 при одном костяке найдено 14 перстней (рис. 9): на фалангах левой руки — 5, на правой — 3 перстня; остальные 6 экземпляров были завернуты в бересту и положены у правой пятки умершей в качестве «погребальных даров». Обычай сопровождать погребения «дарами», состоящими чаще всего из перстней, был распространен у ряда финно-угорских племен на северо-западе и северо-востоке Руси (19. С. 254; 20. С. 116).

По мнению некоторых исследователей, перстни в памятниках Древней Руси появляются лишь со второй половины X в., главным образом в богатых захоронениях и, в частности, в парных, что, видимо, связано с христианизацией феодальной верхушки, когда перстень начинает выступать как необходимый компонент церковного обряда (19. С. 256). Это предположение подтверждается материалами нашего могильника. Действительно, в ранних 48 погребениях по обряду кремации перстень найден лишь в одном захоронении, однако в захоронениях начала XI в. они встречаются неоднократно.

В Березовецком могильнике перстни найдены в количестве 39 экземпляров, из них 18 отлиты из бронзы и относятся к типу пластинчатых с рельефными выпуклыми закраинами и с орнаментом в виде плетенки. На одном перстне (курган 58) орнамент состоял из выпуклой розетки, имитирующей зернь. Подобные перстни были широко распространены в XI—XII вв. на территории Северо-Западной и Северо-Восточной Руси.

Пластинчатые овальнощитковые перстни, преимущественно серебряные, найдены в семи курганах, причем шесть из них с завязанными, а один — с заходящими концами. Один из широкосрединных пластинчатых перстней (курган 50-I) относится к типу уса-тых. Такие перстни редко встречаются в славянских погребениях и являются характерными для финно-угорских племен (20. С. 258).

Кроме вышеуказанных типов в Березовецком могильнике найдены еще дрововые или круглопроволочные сомкнутые перстни (9 экз.), бронзовые и из оловянисто-свинцового сплава. В двух курганах 43 и 55 на каждой руке погребенного было найдено по одному перстню. В двух других женских погребениях (курганы 124, 130) обнаружены бронзовые ложновитые перстни. Как круглопроволочные, так и ложновитые кольца были распространены на всей территории Руси на протяжении XI—XII вв.

Подвески различных типов из серебра и бронзы входили в состав убора девяти женских погребений. Среди них лунницы, круглые монетовидные, литые, ажурные с изображением кусающих друг друга зверей (стиль Иеллинге) и монеты с припаянными ушками (рис. 10). Так, в кургане 64 среди остатков кремации сохранились характерные ушки, которые напаивались на серебряные монеты-дирхемы. Видимо, сами монеты расплавились на погребальном костре и от них сохранилось лишь несколько шариков серебра.

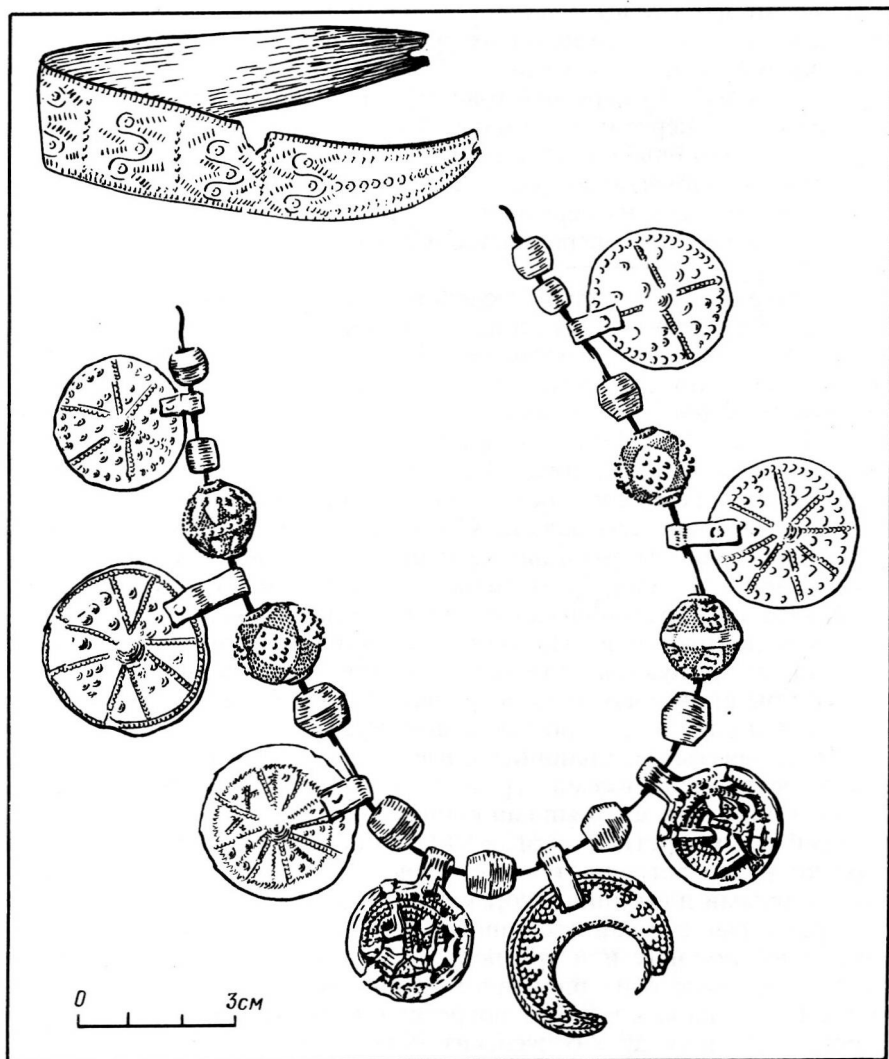

Рис. 10. Курган 124. Бусы, привески, браслет

Монеты и брактеаты в качестве привесок найдены в четырех курганах с труположениями (курганы 54, 60, 86, 121).

Привески-лунницы обнаружены в трех женских погребениях в количестве пяти экземпляров. Среди них одна широкая литая из бронзы с геометрическим орнаментом в виде выпуклых линий (курган 102) датируется по найденным бусам (сердоликовым призматическим и монетовидным, стеклянным лимоновидным и др.) началом XI в. В древнерусских памятниках они встречаются вместе с дирхемами X в. и денариями начала XI в. (21. С. 103).

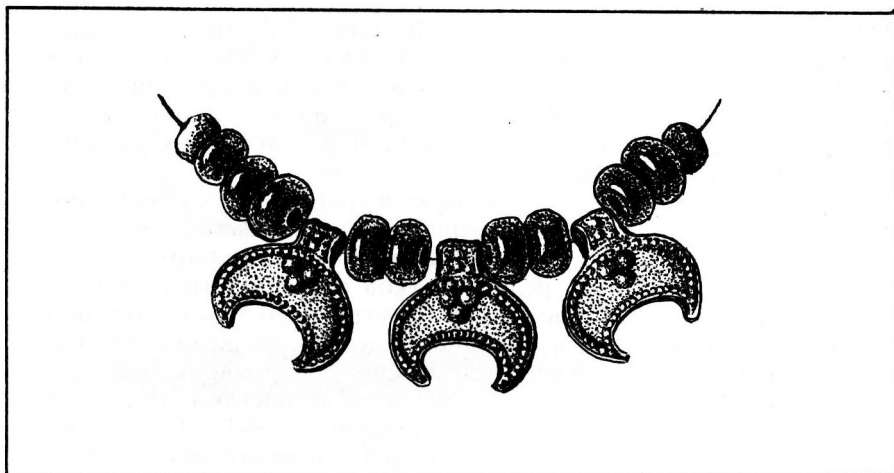

Рис. 11. Курган 10-II. Бусы,
лунницы

Рис. 12. Курган 65. Фибула

В такой же технике изготовлены три серебряные узкорogie небольшие лунницы, найденные среди бус во ввoдном погребении кургана 10 (рис. 11). Отлиты они в одной литейной форме, на лицевой стороне по периметру орнамент из ложной зерни и вверху под ушком треугольник тоже из ложной зерни. Такая же узкорогая лунница обнаружена в кургане 124. Сделана она из тонкого листового серебра, на лицевой стороне по периметру напаяна филигранная проволока. В ожерелье вместе с лунницей находились четыре серебряные полые бусины, украшенные тончайшей зернью, и семь привесок круглой формы. Особый интерес представляют две ажурные привески скандинавского происхождения с изображением двух кусающих друг друга стилизованных животных. Изготовлены они в технике литья из сплава серебра с оловом. Аналогии этим предметам известны во владимирских курганах, в Гнездовском кладе 1867 г., который относится к концу X — началу XI в. (22. С.

88). Пять других круглых привесок этого кургана вырезаны из тонкого листового серебра (рис. 10). Аналогичные украшения (5 экз.) из листового серебра встречены в женском погребении кургана 132. Они несколько большего диаметра, орнамент в виде креста с ромбическими концами, нанесенными чеканом путем тиснения с обратной стороны привески.

К числу привесок относятся также и грушевидные крестопрорезные бубенчики, найденные в количестве 18 экземпляров в пяти погребениях. Два бубенчика в сильно оплавленном виде обнаружены в кургане 85 среди остатков женского трупосожжения, остальные — в трупоположениях. Внутри некоторых сохранились металлические шарики, издающие звон при движении. Обычно в погребениях могильника они находятся у правого или левого плеча погребенных; бубенчики подвешивались к кольцу вместе с другими предметами. В одном погребении (курган 50-I) 9 бубенчиков, нанизанных на одно кольцо, находились у правого плеча погребенной (рис. 9). Грушевидные, крестопрорезные бубенчики, широко распространенные в памятниках Древней Руси, обычно встречаются с вещами, бытовавшими в XI в., а также с монетами конца X—XI в. (23. С. 134).

Следует упомянуть и бубенчик другой формы. Шарообразный, сильно оплавленный, он найден в остатках трупосожжения мужчины с конем в кургане 108. Такие бубенчики известны в конских погребениях Подболотьевского могильника (23. С. 137).

Фибулы — подковообразной формы, в отличие от других предметов украшения встречены только в мужских захоронениях и служили для застегивания верхней одежды. Всего в Березовецком могильнике найдено 9 фибул: 8 — бронзовых и одна — железная. Последняя находилась в трупосожжении кургана 20-I. Она спиралеконечная полукруглого сечения с длинной тонкой иглой. В трупосожжениях (курганы 32 и 108) найдены две фибулы: подковообразная с гранеными конусообразными головками на концах и подковообразная из перекрученного дрота со спиральными концами. Остальные три бронзовые фибулы происходят из мужских трупоположений (курганы 39, 87, 96) и принадлежат к типу подковообразных спиралеконечных. По составу погребального инвентаря они датируются концом X—XI в.

Наибольший интерес представляет фибула из мужского трупоположения кургана 65. Она небольшого диаметра, с конусовидными рельефно орнаментированными концами. Игла застегки имеет расширенное основание с изображением звериной морды (рис. 12). Фибула находилась с левой стороны костяка выше пояса, под ней сохранились фрагменты темной шерстяной ткани в два слоя, к которым она была приколота. Подобные фибулы на территории Руси неизвестны, они встречены только в памятниках Северной Европы.

Бусы являются самым распространенным видом женских украшений. Они найдены в 62-х захоронениях (в том числе в трех

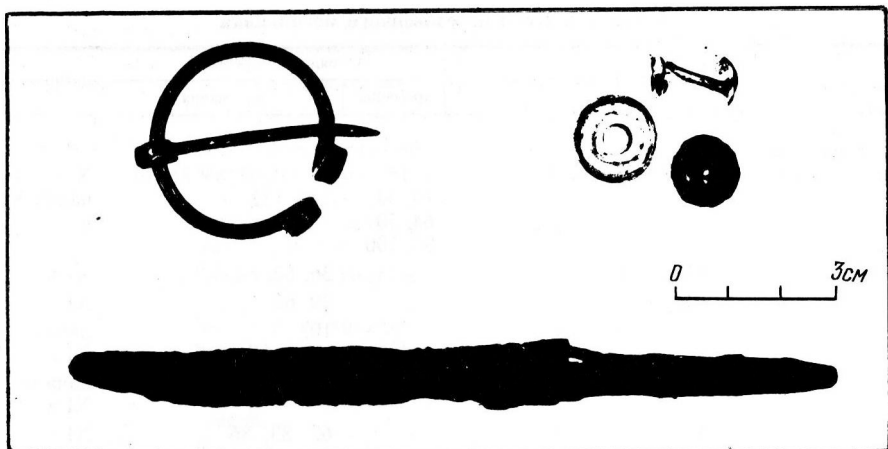

Рис. 13. Курган 39. Фибула, бусы, нож

погребениях девочек), что составляет около 80% всех женских погребений. Дважды бусы встречены в мужских захоронениях. В кургане 2 сдвоенная бусина синего стекла найдена в мужском трупосожжении на стороне. В кургане 39, под костяком покойного, близ пояса в кожаном кошельке лежали три бусины: сердоликовая, стеклянная и янтарная (рис. 13). Это подтверждает высказанное ранее предположение, что бусы в Древней Руси не только играли роль украшений, но имели и другие функции и могли употребляться в качестве средства денежного обращения (24. С. 179), служить пуговицами, разновесами при мелких взвешиваниях. Находки единичных бус в мужских захоронениях известны и в других памятниках Древней Руси (25. С. 150).

В некоторых женских погребениях Березовецкого могильника, совершенных по обряду ингумации, бусы составляли целые ожерелья, в которых количество их доходило до 50—55, а иногда и большего числа экземпляров (курганы 62, 86). В таких ожерельях находились бусы из глухого и прозрачного стекла, цветные и бесцветные с блестящей металлической прокладкой, из сердолика, хрусталя, реже из серебра и янтаря. Иногда женские погребения содержали всего 8—10 бус, но, как правило, они были серебряными с тонкой зернью или сердоликовыми.

Из табл. 1 явствует, что наиболее многочисленными находками в могильнике оказались золотостеклянные и серебростеклянные бусы, обнаруженные в 29 курганах по обряду ингумации, и в ряде погребений ожерелья состояли исключительно из одних таких бус (курганы 50-I, 54, 94, 98, 105, 113, 119, 127-II) (рис. 14). Как считают некоторые исследователи, они импортировались из стран Ближнего Востока. В XI—XII вв. были широко распространены на терри-

Таблица 1. Бусы Березовецкого могильника

Категория	Тип, форма, окраска	Обряд, № погребений		Датировка
		кремация	ингумация	
I. Каменные				
а) сердоликовые	Призматические	1, 15, 19, 34, 64, 70, 85, 100	36, 60, 62, 83, 86, 102, 120, 132	X — начало XI в.
	Многогранные		36, 62, 86, 120	XI в.
	Шаровидные		39, 62	XI в.
	Монетовидные		102	начало XI в.
	Цилиндрические		102	начало XI в.
б) хрустальные	Многогранные		62, 83, 86	XI в.
	Шаровидные		62, 86	XI в.
	Призматические		86	XI в.
в) гешировые	Кольцевидные	70	86	—
	Ребристые		27, 50-I, 75	XI в.
	Многогранные		50-I, 51-I, 75	XI в.
г) янтарные	Монетовидные		39	XI в.
д) аметистовые	Рыбовидные	70	54, 62, 86	XI в.
е) аквамариновые	Рыбовидные		54, 86	XI в.
II. Стекланные двухслойные с металлической прокладкой (золото- и серебростекланные)	Цилиндрические		10, 14, 21, 22, 27, 42, 43, 50-II, 51-I, 54, 55, 60, 73, 78, 84, 94, 98, 105, 113, 119, 120, 121, 123, 124, 127, 130, 132	XI — начало XII в.
	Бочковидные		21, 27, 42, 50-II, 54, 60, 78, 84, 94, 97, 98, 105, 113, 123, 124, 127, 132, 135	XI — начало XII в.
	Ребристые и многочастные		21, 22, 27, 50-II, 54, 60, 84, 105, 119, 120, 132	XI — начало XII в.
III. Стекланные из глухого и прозрачного стекла	Лимонки гладкие и полосатые (в том числе сдвоенные, строенные)	1, 9, 17, 19, 34, 56, 64, 70, 85, 88, 100	25, 36, 43, 51-I, 60, 62, 75, 80, 83, 86, 97, 102, 106, 109, 114, 119	X — XI вв.
	Белоромбические	9, 64, 88	12, 25, 36, 60, 61, 132	конец X — XI в.
	Черные глазчатые из глухого стекла	1, 3, 9, 19, 34, 64, 70, 100, 114	97, 130	конец X — XI в.

Таблица 1 (окончание)

Категория	Тип, форма, окраска	Обряд, № погребений		Датировка
		кремация	ингуляция	
	Многоцветные глазчатые из глухого стекла	70, 109	55, 58, 60, 70, 75, 78, 86, 94, 97, 102, 106, 107, 119	XI в.
	Оранжевые, глазчатые, многогранные		36, 62, 75, 86, 106, 119, 134	XI в.
	Такие же призматические		36, 42, 60, 62	XI в.
	Мраморные многогранные, из глухого стекла		36, 43, 58, 62, 86	XI в.
	Так называемые печеночные из глухого стекла		42, 43, 50-I, 50-II, 60, 61, 132	конец X — XI в.
	Черные полосатые и с разводами	100, 114	50-I, 60, 107	XI в.
	Голубые, ребристые из глухого стекла		62, 75, 86, 97, 106	XI — первая половина XII в.
	Кольцевые синие, зеленые из прозрачного стекла	64, 85	10-II, 36, 42, 62, 132	XI — XII вв.
	Синие малые, сдвоенные, строенные из прозрачного стекла	64, 85	25, 36, 42, 55, 61, 62, 83, 86, 97, 102	XI в.
	Бисер голубой, желтый, белый	1, 56, 64, 85	10, 21, 22, 27, 36, 42, 43, 50-I, 51-I, 55, 58, 72, 73, 75, 80, 83, 97, 107, 121, 130, 132, 134	XI — XII вв.
IV. Серебряные	Филигранно-зерненные		124, 134, 135	XI — первая половина XII вв.
	Гладкие		14, 119, 132	XI — XII вв.

тории Северо-Запада и Северо-Востока Руси (25. С. 166). Серебряные бусы найдены в четырех курганах могильника. Так, в кургане 14 в составе ожерелья находились бусы из двух спаянных полушарий с отверстиями, окантованными проволочным пояском. Наибольший интерес представляют бусы (5 экз.), найденные в кургане 124 вместе с серебряными лунницей и привесками. Они имеют шаровидную форму, украшены орнаментом из мелкой зерни в виде треугольников и ромбов (рис. 10). В двух других курганах (134, 135) серебряные бусы шаровидной и бочковидной формы с выступающими шипами украшены зернью и филигранью, у отверстий напаян ободок из тонкой перекрученной проволоки.

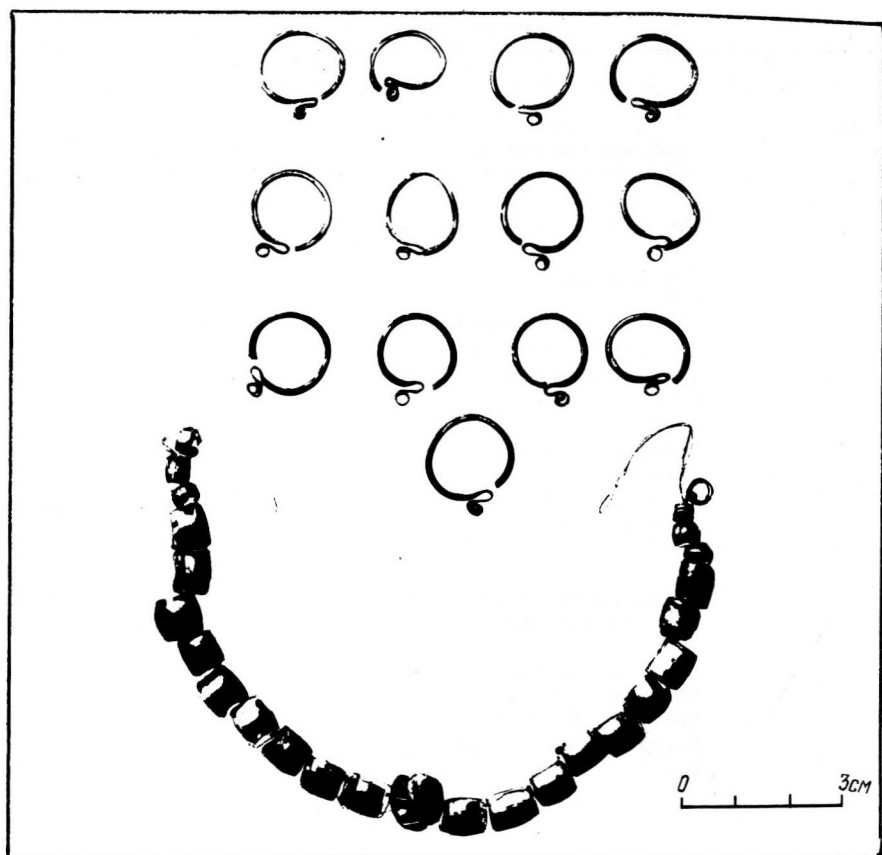

Рис. 14. Курган 94. Височные кольца, бусы

В древнерусских курганах украшения с зернью редки и, как правило, встречаются в памятниках, расположенных на древних торговых путях, в больших городах или в составе богатых кладов. Во всяком случае, найденные в Березовецком могильнике серебряные бусы являются импортом, возможно, из стран Востока.

Предметы вооружения

Они представлены в могильнике в пяти мужских захоронениях, совершенных по обряду ингумации.

Наконечники копий втульчатые обнаружены в двух курганах (77, 133) по одному экземпляру, характеризуются продолговато-удлиненной формой пера. Длина наконечников копий 27 и 30 см. Лежали

у колен погребенных, острием вниз. От древков частично сохранилась древесная труха. Подобного типа копыя повсеместно распространены на территории Руси в XI — начале XII в. (26. С. 12—13).

Боевой топор размером 13 × 8 см найден в кургане 103. Подобные боевые топоры «малых форм» бытовали в XI в. (рис. 15).

Стрелы ромбовидные найдены в количестве двух экземпляров в курганах 26 и 111, относятся к XI—XII вв. (27. С. 69).

Орудия труда и предметы бытового назначения

В Березовецком могильнике орудия труда, связанные с отдельными отраслями хозяйства и домашнего производства, немногочисленны. По-видимому, они представляли большую ценность и оставались в семье для дальнейшего употребления.

Сельскохозяйственные орудия обнаружены в трех погребениях: в двух женских — обломки серпов (курганы 61, 102) и фрагмент сошника при мужском костяке в глубокой могильной яме (курган 79).

Из *орудий ремесла* следует отметить лишь глиняную льячку, обнаруженную на кострище при женском трупосожжении (курган 90).

Из *универсальных орудий* самыми многочисленными находками являются ножи. Они употреблялись при различных производствах, а также в повседневном быту. Всего ножей в могильнике найдено 45 экземпляров, они одинаково часто встречаются как в мужских, так и в женских погребениях, в том числе и в захоронении девочки (курган 97). Подавляющее большинство ножей обнаружено в погребениях по обряду ингумации; в курганах, содержащих трупосожжения, найдено всего пять ножей (в четырех насыпях). В захоронениях мужчин ножи чаще всего лежали в области таза с левой стороны, их носили прикрепленными к поясу с помощью бронзового или железного кольца. В женских погребениях ножи прикреплены с помощью цепочек к одежде у левого плеча вместе с бубенчиками и другими привесками или их находили лежащими близ левой руки, в редких случаях с правой стороны костяка. На некоторых из них сохранились костяные рукояти, на других прослежены следы дерева. Большинство ножей узколезвийные с толстой спинкой, многие сильно сточены.

К категории предметов, связанных с женским трудом, следует отнести и *пряслица*, употреблявшиеся при прядении шерстяных и льняных нитей. Они найдены в пяти погребальных комплексах, в том числе в двух трупосожжениях. В кургане 63 обнаружено два экземпляра. Пять пряслиц — глиняные, лишь в кургане 121 пряслице битрапецидной формы сделано из шифера.

Грузило (глиняное) обнаружено в мужском погребении (курган 26).

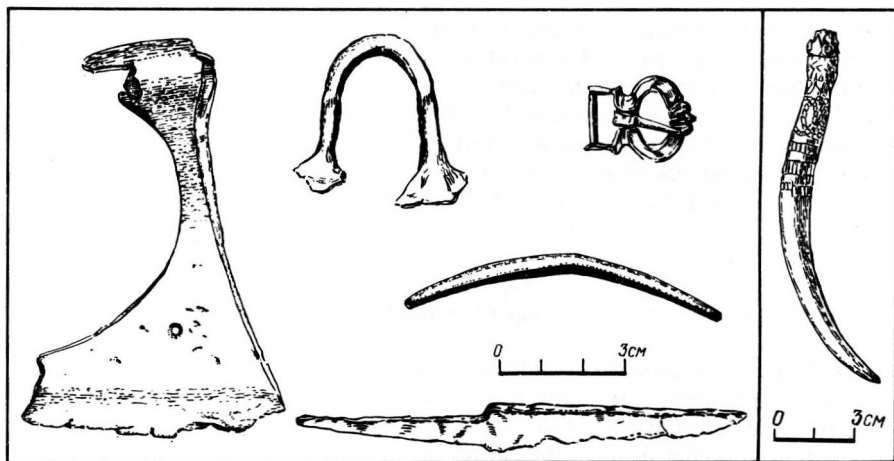

Рис. 15. Курган 103. Боевой топор, поясная пряжка, нож, ушко и дужка ведра

Рис. 16. Курган 108. Костяное острие в виде змеи

В двух захоронениях по обряду ингумации (курганы 87, 103) найдены детали *деревянных ведер*: железные обручи, дужки, петли. Сопровождали они мужские захоронения. В кургане 87 в ногах погребенного найдено 8 обручей, 26—28 см в диаметре. Дерево не сохранилось, но по обручам и дужке можно заключить, что ведро было расширено к днищу. В кургане 103 сохранились также фрагменты обручей и дужка, четырехгранная в сечении.

В богатом женском погребении (курган 62) найдены фрагменты резной *деревянной мисочки*, по которым, к сожалению, нельзя восстановить ее форму. Установлено, что при употреблении она была сломана и еще в древности реставрирована: две части венчика скреплены тонкой медной проволокой.

К предметам бытового назначения относятся также кресала и оселки.

Кресала найдены в четырех мужских погребениях по обряду ингумации (курганы 68, 101, 111, 115). Обычно их находят в области пояса погребенных. В кургане 68 кресало лежало в мешочке из льняной ткани вместе с куском кремня. Все кресала имеют калачевидную форму и датируются X — началом XI в.

Оселки (из белого известняка) — точильные брусочки — обнаружены в количестве пяти экземпляров в пяти мужских погребениях, из них три (курганы 2, 5-V, 108) совершены по обряду кремации, и два (курганы 65, 127) — по обряду ингумации. В верхней части просверлено отверстие для подвешивания. У оселка из кургана 108 боковые грани выпуклые, и в отверстие продето бронзовое кольцо, скрепленное с железной цепью. Оселки, найденные при ингумированных покойниках, представляют собой уплощенные

пластины, сильно сточенные. Носились они обычно прикрепленными к поясу вместе с кресалами и ножами.

Бритва железная найдена в женском погребении XI в. (курган 62) вместе с ножом, пуговицей, трапезиевидной подвеской и бубенчиком, прикрепленными к одежде у левого плеча погребенной.

Единственный *замок* обнаружен в захоронении мужчины (курган 81), у левого плеча. Он небольшого размера, цилиндрической формы, изготовлен из железа и инкрустирован продольными медными полосками.

Гребни костяные во фрагментарном состоянии найдены в трех трупосожжениях — в одном мужском и двух женских; все гребни односторонние, характерные для X — начала XI в.

Из других костяных изделий интерес представляет найденный в кургане 108 среди остатков мужского трупосожжения *стержень-острие*, изготовленный из рога животного, верхний конец которого обработан в виде скульптурного изображения головы змеи с открытой пастью с просверленным отверстием для подвешивания. Сходство со змеей подчеркивается орнаментом в виде змеиной чешуи (рис. 16). Подобные стержни известны из раскопок городов, а также из мужских погребений X — начала XI в. Однако назначение их остается пока неясным.

Торговый инвентарь

Весы для малых взвешиваний и *гирьки* — наиболее интересные находки — обнаружены в кургане 81. Они сопровождали погребение мужчины, в гробу в неглубокой могильной яме.

С левой стороны костяка у пояса находились складные весы, состоявшие из двух бронзовых чашек (диаметром 5 см), складного коромысла с железной иглой (рис. 17). Хрупкие круглые чашки вместе с коромыслом были тщательно упакованы в круглый деревянный футляр, выточенный по размеру весов на токарном станке. Сохранились и шелковые шнуры, с помощью которых чашки подвешивались к коромыслу.

С правой стороны, у пояса, в мешочке из грубой льняной ткани обнаружен комплект весовых гирек, каменный круглый шарик и небольшой железный нож, служивший, видимо, для разрезания монет. Гирьки частично корродированы, и после реставрации вес их оказался несколько меньше первоначального. Они железные с медной оболочкой, относятся к типу сферических с уплощенными полюсами. Все они разного веса, на плоских сторонах — глазки, обозначающие кратность весовой единицы. Число глазков зависит от величины и веса гирьки. Круглый шарик из камня весом 14 г, видимо, служил разновеском (табл. 2).

Самая маленькая гирька № 4 сильно корродирована, и ее кратность не определена.

Как известно, миниатюрные карманные весы для взвешивания монет и их обломков появляются на Руси во второй половине X в.,

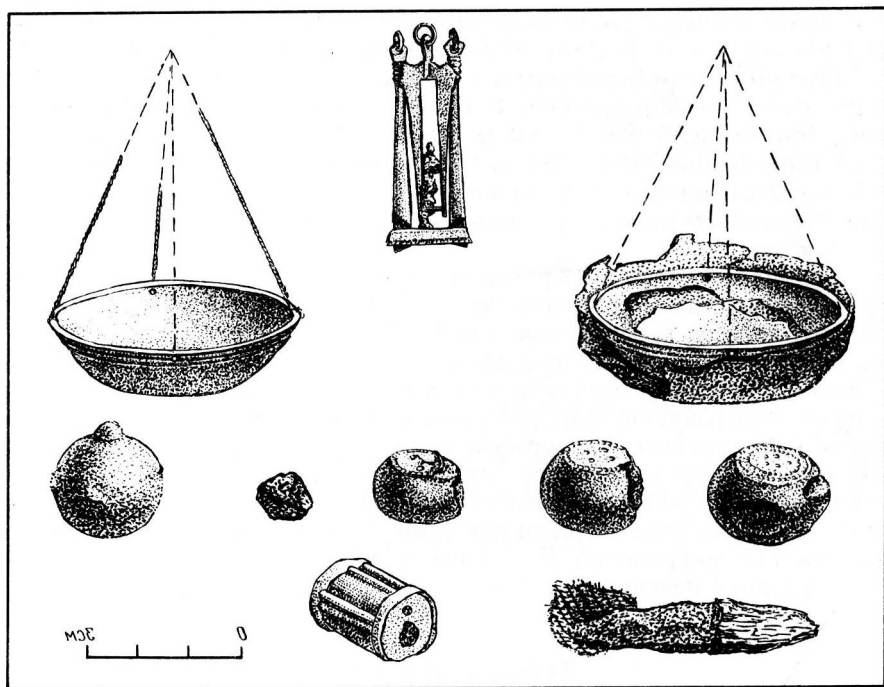

Рис. 17. Курган 81. Весы, гирьки, нож, замочек

когда начинается весовой прием денег. В монетных кладах этого периода кроме целых экземпляров содержится много обломков дирхемов различной величины и веса (28. С. 180—207).

Идентичный набор весов и гирек обнаружен при мужском погребении с богатым комплексом украшений в могильнике у села Устрек (курган 4) в юго-западном Приильменье. Авторы раскопок считают, что данное погребение принадлежало представителю феодальной знати (29. С. 63).

Находка полного набора инвентаря для взвешивания монет в кургане 81 Березовецкого могильника свидетельствует о том, что погребенный был связан с торговлей.

Таблица 2. Гирьки Березовецкого могильника

№ м./п.	Вес гирьки, г	Диаметр, см	Сохранность	Кратность	Вес единицы, г
1	36,2	2,6	средняя	5+4	4,02
2	25,2	2,3	средняя	4+4	4,02
3	22,5	2,1	хорошая	3+3	3,75
4	2,7	—	плохая	—	—

С торговлей связаны также монеты, найденные в количестве 12 экземпляров в 8 погребениях. Они сохранились в погребениях, совершенных по обряду трупоположений (табл. 3). В трупосожжениях (курганы 64, 79) найдены лишь ушки от монет-привесок и круглые шарики серебра от расплавившихся монет.

Среди найденных монет — три арабских дирхема и 9 западноевропейских денариев. Медный дирхем (фелс) из кургана 101 относится к числу редких находок на территории Древней Руси (рис. 18, 19). В женских погребениях монеты найдены пять раз в качестве привесок и два раза в виде «погребальных даров». В двух мужских захоронениях монеты находились в области грудных позвонков. Один раз — в погребении мальчика семи-восьми лет (курган 128).

Видимо, к предметам, связанным с торговлей, можно отнести костяной орнаментированный цилиндр с двумя расположенными друг против друга отверстиями в верхней части (курган 119). Он закрывался полушарной формы крышкой с отверстием в верхней части. У крышки с внутренней стороны выступает стержень тоже с отверстием, которое при закрывании цилиндра крышкой располагается против отверстий цилиндра. Этот предмет напоминает деревянные цилиндрики, найденные при раскопках в Новгороде, которые использовались для пломбирования ценностей (30.С.140—142). Среди других археологических материалов Древней Руси аналогий этому предмету найти не удалось (рис. 20).

Предметы одежды

К ним относятся: поясные наборы, пряжки (рис. 21), пуговицы, фрагменты тканей и головных уборов.

Поясные наборы. Во многих мужских погребениях найдены фрагменты ременных поясов. В двух захоронениях пояса украшены бляшками различной формы. В кургане 2 в остатках мужского трупосожжения находились три целые поясные бляшки и одна во фрагментарном виде с рельефным растительным орнаментом. Две из них пятиконечной формы с закругленными углами прикреплялись к ременному поясу при помощи шпенок с шайбочками. Третья — четырехугольной формы, имеет более сложный орнамент (рис. 22-а). Аналогии данным бляшкам известны в материалах Тимеревского могильника (31.С.67).

В кургане 26 на фрагментах кожаного пояса обнаружены пять накладных бронзовых бляшек и лировидная пряжка. Из них одна ромбической формы с геометрическим орнаментом. Остальные четыре бляшки — прямоугольные, с выступом в виде язычка на одной стороне и подобным же вырезом на противоположной, с рельефным растительным орнаментом (рис. 22-б). Точная аналогия этим бляшкам известна в погребении 63 Петровского могильника близ Ярославля (31.С.66). Поясные орнаментированные бляшки, распространенные в Древней Руси, в Скандинавии и Прибалтике, являлись восточным импортом.

Таблица 3. Монеты и брактеаты в Березовецком могильнике

№ кургана	Обряд	Пол погребенного	Место нахождения	Вид монеты	Место чеканки, правитель	Дата монеты	Дата погребения
54	в могильной яме	женское	привеска	денарий	Фризия, Экберт II	1068—1090	вторая половина XI в.
60	„	„	привески	6 брактеатов одного штемпеля	подражание дирхему Наср ибн Ахмада	914—943	первая четверть XI в.
67	„	мужское	на груди	денарий	г. Эдман, граф Герман	1020—1051	вторая половина XI в.
86	на материке	мужское и женское парное	привески	дирхем	г. Шаш, Исмаил ибн Ахмад	898	первая четверть XI в.
101	в могильной яме	мужское	на груди	дирхем	г. Андераба, Наср ибн Ахмад	922	X в.
119	„	женское	у правого локтя «Дар»	брактеат фелс	подражание дирхему Нух ибн Мансур	988	начало XI в. первая половина XI в.
121	на материке	„	две привески и один «Дар» в стороне от погребения	денарий	Фризия, Экберт II	1068—1090	конец XI в.
				3 денария	неизвестно, Оттон III	983—1002	XI — начало XII в.
128	в могильной яме	детское	на груди	3 денария; один целый, два — в обломках	Фризия, Экберт II Фризия, Экберт II г. Эвер, граф Герман	1068—1090 1068—1090 1059—1086	XI в. XI в. конец XI в.

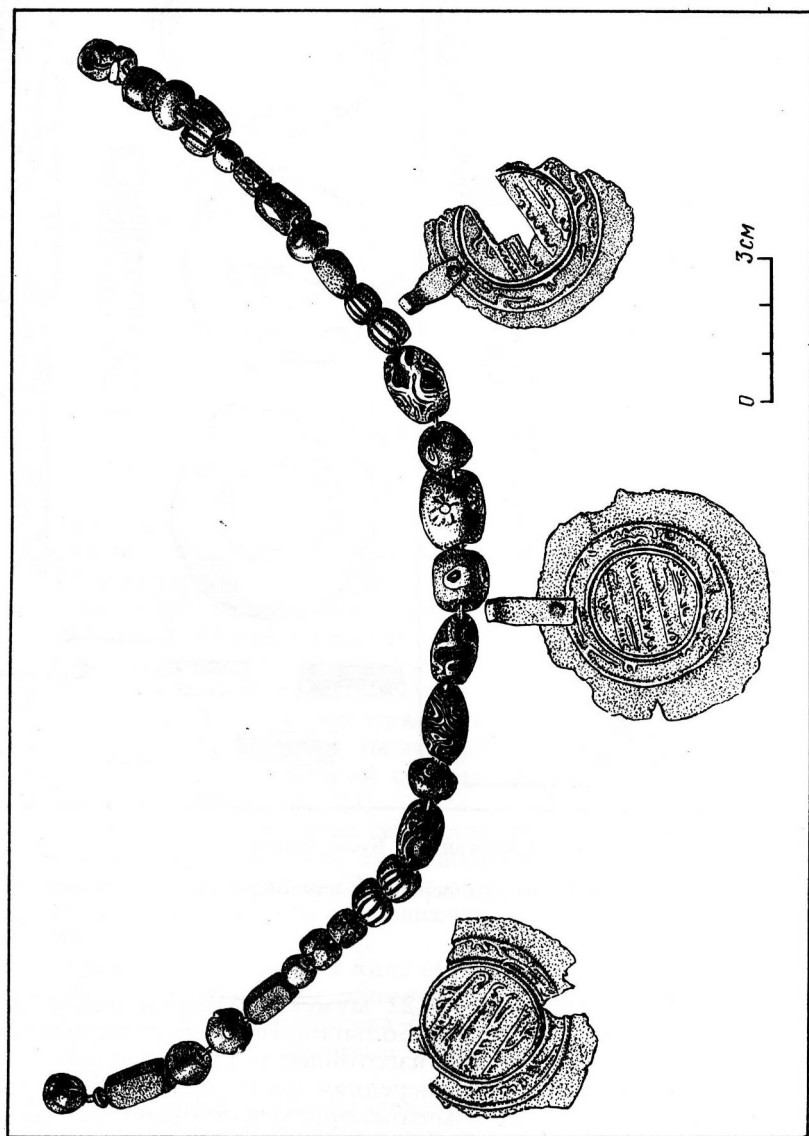

Рис. 18. Курган 60. Серебряные брактеаты, бусы

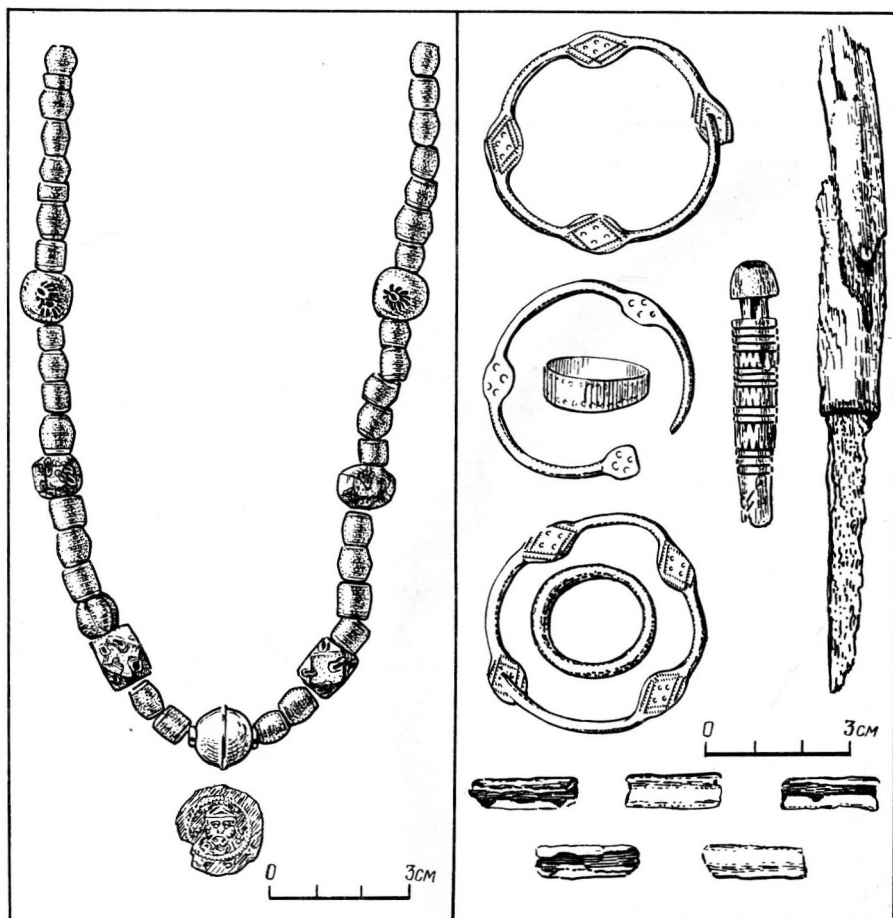

Рис. 19. Курган 119. Бусы, монета

Рис. 20. Курган 119. Височные кольца, перстни, костяной цилиндр, пронизки, нож

Поясные пряжки найдены в 22 мужских труположениях и находились всегда в области таза. Большинство пряжек лировидной формы с приемником и иглой; изготовлены они из сплава меди техникой литья. Как правило, передняя часть пряжки несколько утолщенная с выступающим язычком, орнаментирована насечками. Лировидные пряжки небольших размеров датируются концом X — началом XI в. Более крупные относятся к XI—XII вв. (31.С.70). Кроме лировидных пряжек, встречены пряжки прямоугольные (курганы 5-V, 125), которые в отличие от вышеуказанных сделаны из железа.

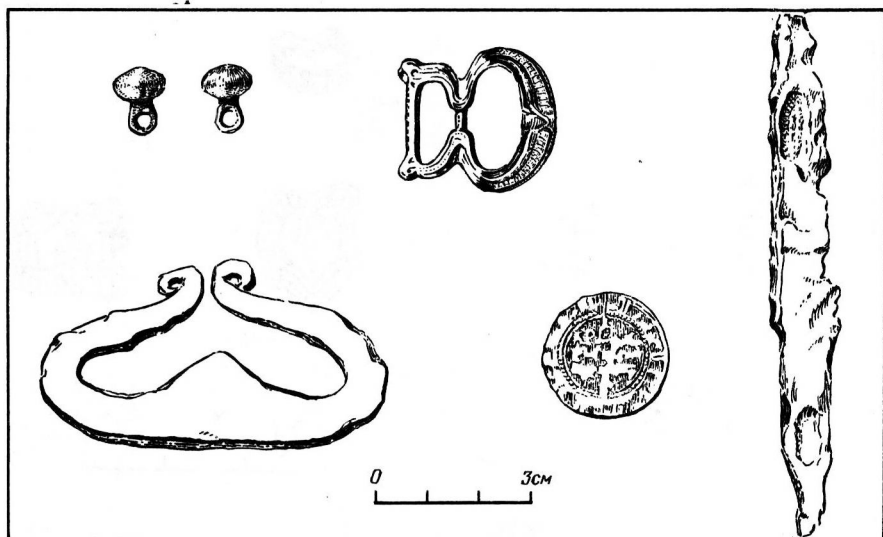

Рис. 21. Курган 101. Пуговицы, пряжка, кресало, дирхем-фелс, нож

Поясные кольца найдены в восьми мужских труположениях. Служили для подвешивания к поясу различных бытовых предметов: ножей, кошельков, оселков и др. Встречены кольца двух типов: круглые и уплощенные в поперечном сечении.

В кургане 65 при мужском костяке найдены два плоских кольца, орнаментированные насечками. К ним с правой стороны костяка прикреплен нож, с левой — оселок.

В кургане 127 у колен мужского скелета обнаружены два бронзовых кольца, имевшие назначение стягивать у колен высокую мягкую обувь, от которой сохранились продетые в кольца узкие кожаные ремешки (рис. 23).

Пуговицы в количестве семи экземпляров найдены в трех погребениях: в двух мужских труположениях (курганы 87, 101) и в одном женском (курган 62). Все они литые из бронзы грушевидной формы с орнаментом в виде насечки на лицевой стороне, датируются XI в.

Фрагменты одежды в виде обрывков тканей с нашитыми металлическими трубочками обнаружены в трех женских погребениях: фрагмент ворота из кургана 50-I, фрагменты рукавов из курганов 54, 119. Трубочки, отлитые из нестойкого сплава олова, плохо сохранились.

Небольшие фрагменты шерстяной ткани и тесьмы выявлены под бронзовыми украшениями в четырех женских (курганы 22, 50-I, 54, 62) и двух мужских (курганы 65, 103) погребениях.

Фрагмент головного убора из войлока коричневого цвета обнаружен на черепе мужского костяка в кургане 81 конца X — начала XI в.

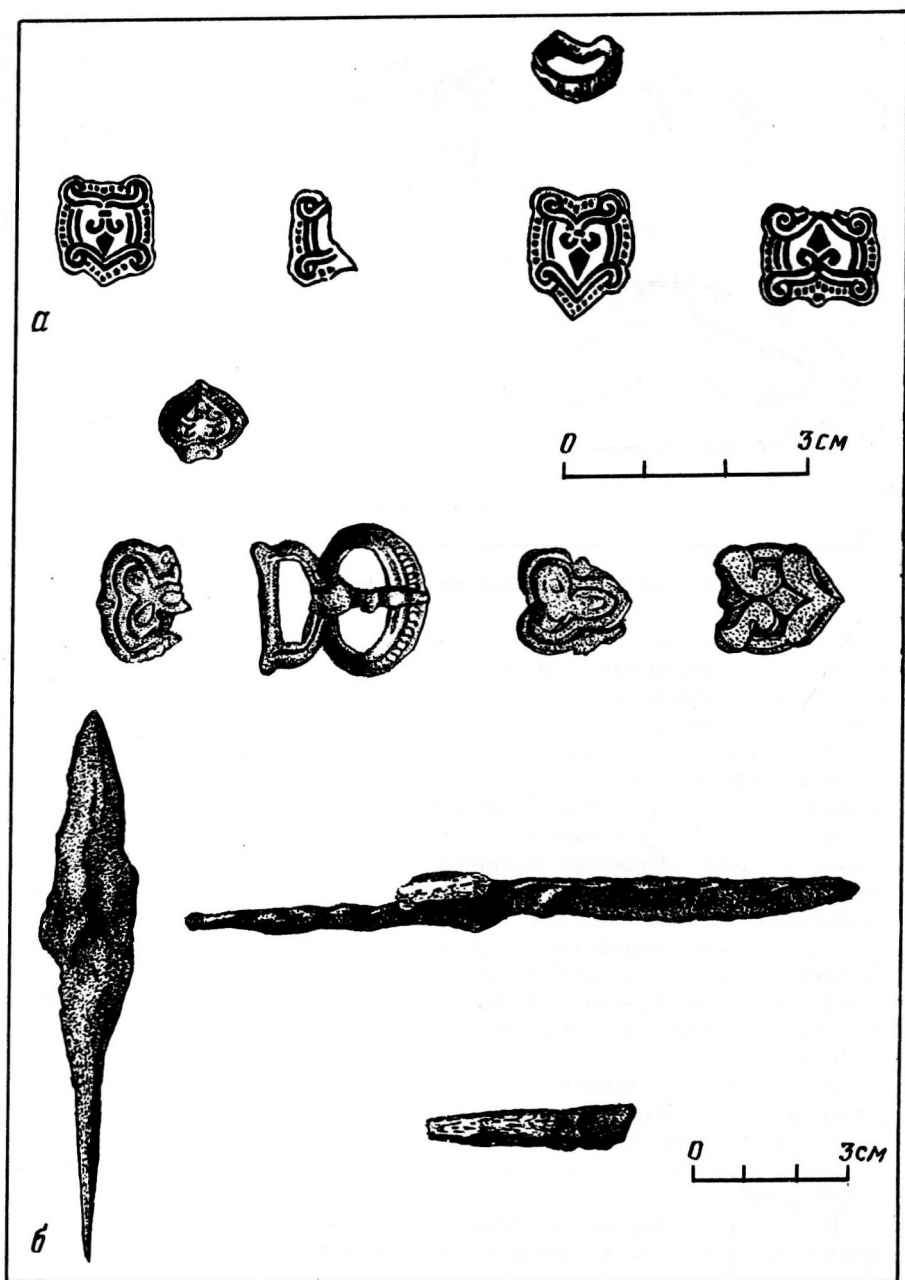

Рис. 22. Курганы 2(а) и 26(б). Поясные бляшки, пряжка, наконечник стрелы, ножи

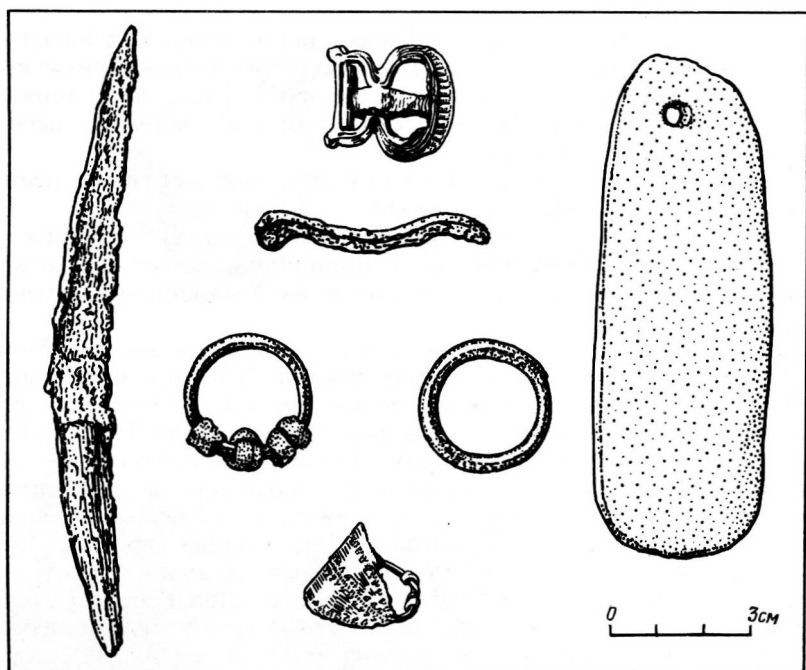

Рис. 23. Курган 127-I. Нож, пряжка, игла от фибулы, кольца, перстень, оселок

Керамика

Коллекция керамики из Березовецкого могильника состоит из 52 целых сосудов и множества фрагментов от различных горшков, найденных как при погребениях, так и в насыпях курганов, что свидетельствует о распространенном у населения обычае разбивать посуду при захоронениях. Назначение сосудов в погребальном ритуале было неодинаковым. При обряде трупосожжений в глиняные сосуды часто сыпали остатки кремации вместе с сожженным инвентарем, т. е. они использовались как урны (курганы 5, 8, 11, 16, 20, 44); иногда в урнах находились только угли от погребального костра. При трупоположениях сосуды заполнялись пищей. В некоторых курганах погребения сопровождалось двумя сосудами (курганы 14, 68, 75, 91, 135). В редких случаях при захоронениях найдена посуда со следами использования в быту (тонкостенная, хорошего обжига). В трупосожжениях иногда встречалась лепная посуда, специально сделанная для погребального обряда из непромешанного теста с примесью большого количества крупной дресвы, слабого обжига. В некоторых курганах, где обнаружены лишь зольно-угольные прослойки без остатков погребения, найдены фрагменты лепных горшков. В трех курганах

(52, 82, 93), где отсутствовали признаки погребения, под насыпью в центре на материке стояли целые небольшие тонкостенные круговые сосуды. Все эти детали свидетельствуют о том, что глиняная посуда в погребальном обряде местного населения имела, несомненно, ритуальное значение.

Вся найденная в некрополе посуда изготовлена из глины темно-серого или красновато-желтого цвета.

По технике выделки она подразделяется на три группы: 1) лепная; 2) лепная с дополнительной подправкой на медленно вращающемся гончарном круге; 3) круговая, изготовленная на ручном гончарном круге.

К первой группе относятся 15 целых сосудов и множество обломков. Лепились они на твердой основе ленточной техникой из темной глины с крупнозернистыми примесями дресвы, шамота, кварца. Иногда на днищах сохранились следы подсыпки песка. Посуда этой группы сопровождала главным образом погребения по обряду кремации и захоронения XI в. с инвентарем, характерным для финно-угорского населения — с наборными венчиками, железными гривнами, обвитыми бронзовой проволокой, и др. Таковы курганы 75, 80, 132. Посуда этой группы представлена тремя типами горшков.

Тип I. Небольшие удлинённой формы толстостенные сосуды (стенки толщиной 0,6—0,8 см) из темной глины с крупнозернистыми примесями и шероховатой поверхностью. Высота их 12—15 см, диаметр горла 10—12 см. Плечи слабо расширены в верхней трети, венчики невысокие, чуть отогнутые. Встречаются исключительно в погребениях по обряду кремации (рис. 24-а), где почти всегда служили урнами. Обжиг слабый, черепки легко крошатся. Орнамент отсутствует. Подобная керамика известна из многих памятников Древней Руси (32. С. 65, рис. 126, 1).

Тип II. Горшки из темной глины с грубой примесью дресвы, приземистые с толстыми шероховатыми стенками. Диаметр горла равен высоте сосудов или несколько больше. Обжиг слабый, черепки легко крошатся. Форма почти баночная, стенки чуть расширены в верхней части, орнаментированы. Сопровождали трупосождения и трупоположения. Подобные сосуды известны в погребениях Тимиревского могильника, в курганах Вологодской области (33. С. 122). Датируются X в. (рис. 24-б).

Тип III. Горшки сделаны из светловатой глины с примесью мелкой дресвы, стенки хорошо заглажены и относительно тонкие (0,3—0,4 см). Высота 18—19 см, диаметр горла 19—20 см. Сильно расширены в плечиках и резко сужены к днищу. Венчики прямые, довольно высокие, видны вмятины от формовки пальцами. Орнамент отсутствует (рис. 24-в).

Вторая группа керамики тоже формована от руки с последующей подправкой на медленно вращающейся подставке. Они значительно отличаются от описанной выше лепной керамики. На таких сосудах или обломках от них хорошо заметны мелкие параллельные бороздки, образовавшиеся от заглаживания пальцами сосуда при его медленном вращении. Иногда форма этой посуды несколько асим-

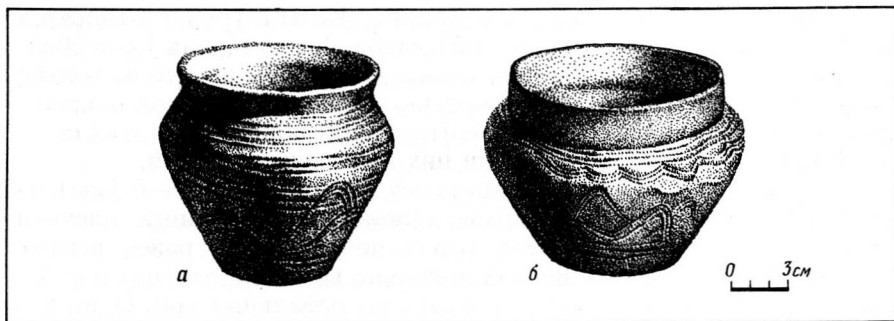

Рис. 25. Образцы лепной керамики
а — тип I; б — тип II

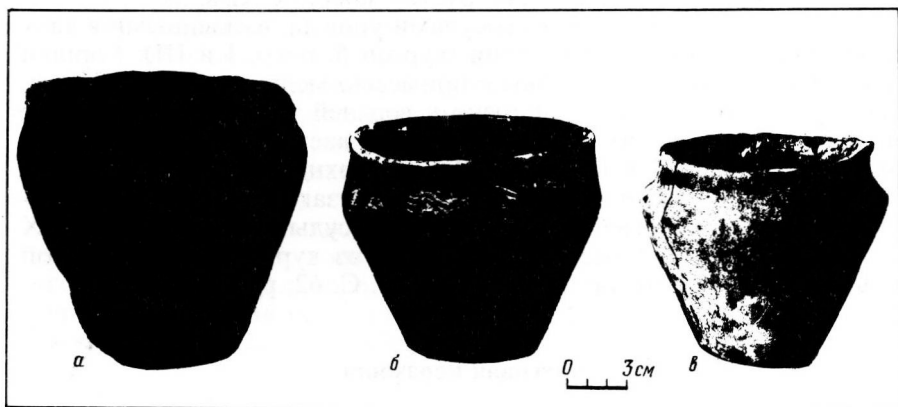

Рис. 24. Образцы лепной керамики
а — тип I; б — тип II; в — тип III

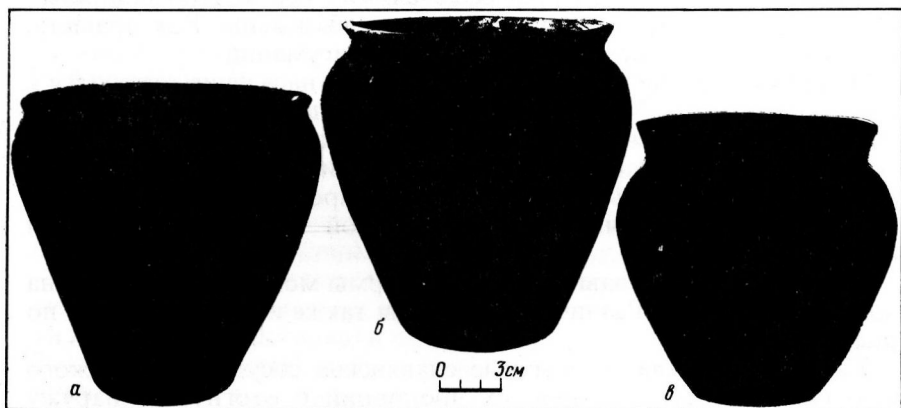

Рис. 26. Образцы круговой керамики
а — тип I; б — тип II; в — тип III

метрична и орнамент нанесен небрежно. К этой группе относятся восемь целых сосудов и много обломков. Характерная их особенность — хорошо промешанная глина, почти без примесей, тонкие стенки; как правило, вся поверхность от венчика до днища покрыта линейным или волнистым орнаментом. Профилировка у этих сосудов выражена более четко. Среди них выделены два типа.

Тип I. Невысокие тонкостенные сосуды (толщина 0,2—0,3 см), из темной глины. Стройной формы, сужающиеся к днищу, плечики расширены у горла. Диаметр горла почти всегда равен высоте сосуда (от 11 до 14,5 см). Венчик довольно высокий, отогнут наружу (рис. 25-а). Использовались в качестве погребальных урн. Один раз подобный сосуд найден при труположении, где он стоял в ногах погребенного (курган 87). Аналогичная посуда известна из многих памятников Древней Руси и датируется началом XI в.

Тип II. Представлен двумя сосудами-урнами, найденными в двух погребениях по обряду кремации (курган 5, погр. I и III). Горшки тонкостенные из темной глины с примесью мелкотолченой дресвы. Тулово сосудов сильно расширено в верхней трети и образует как бы закругленное ребро, к днищу плавно сужается. Характерен высокий прямой венчик (рис. 25-б). Вся поверхность тулова покрыта линейным, ближе к днищу — волнисто-зигзагообразным орнаментом. Обжиг неравномерный. Подобные сосуды известны из слоя X — начала XI в. Белоозера (34. С. 149), из курганов X — первой половины XI в. Новгородской земли (29. С. 62, рис. I, II).

Круговая керамика

Целых сосудов круговой посуды найдено 28 экземпляров. По своему тесту она отличается от лепной, характеризуется большей плотностью. Отощающей примесью служил песок. Профилировка четко выражена, сосуды хорошо и ровно обожжены. Как правило, они сопровождали погребения по обряду ингумации.

Появление круговой керамики у местного населения относится к концу X — началу XI в., первое время лепная и круговая посуда бытовала одновременно. Например, в кургане 5 в верхней части насыпи находились лепные урны с остатками сожжения на стороне, а на кострище под насыпью среди кальцинированных костей основного погребения мужчины стоял круговой горшок с линейным орнаментом.

Круговая посуда в зависимости от формы может быть разделена на несколько типов. Различаются сосуды также и по величине, и по орнаментации.

Тип I. Преобладают обычные славянские сосуды гнездовского типа. Они вытянутых стройных пропорций с отогнутым наружу венчиком. Сделаны из светлой или красноватой глины с примесью песка, тонкостенные, четко профилированные, хорошего обжига. Вся поверхность, начиная от плечиков и до днища, часто покрыта

поясками из волнистого и линейного орнамента. Среди этих сосудов есть экземпляры совсем без орнамента (курган 60, 50-1). Большинство горшков имеют средние размеры: высота 14—17 см, диаметр горла равен высоте или несколько меньше. Ряд сосудов отличается большими размерами. Так, горшок из кургана 20-V имеет высоту 29 см при диаметре горла 24 см, из кургана 14 — высота 20 см, диаметр горла 18 см (рис. 26-а). Самый большой сосуд сопровождал женское погребение в могильной яме (курган 105) — высота 30,5 см, диаметр горла 27 см, диаметр тулова 32 см.

Тип II. Сосуды менее стройны, чем тип I, сильно профилированные (рис. 26-б), к днищу сильно суживаются. Венчики отогнуты. На днищах встречаются клейма в виде креста или креста, вписанного в круг. Поверхность орнаментирована поясками линейного и волнистого рисунка (курганы 74, 135), а в кургане 78 — штампом из прямоугольников.

Тип III. Сосуды отличаются высоким прямым венчиком, широким горлом, расширенными плечиками и суживаются к днищу. Венчики срезаны горизонтально. Встречаются сосуды двух размеров: высота 16 см, диаметр горла 19 см (курган 68), другие — высота 8 см при диаметре горла 13 см. Орнаментация стенок частичная (рис. 26-в).

Лепная керамика господствует в погребениях X в. и продолжает применяться в XI в. только при захоронениях с элементами финно-угорского погребального ритуала. В течение некоторого времени лепная и круговая посуда бытуют одновременно, затем последняя окончательно вытесняет посуду, сделанную вручную.

* * *

Подводя итоги детального изучения погребальной обрядности и сопровождающих захоронения вещевых комплексов, можно судить о времени возникновения Березовецкого могильника и продолжительности его функционирования. Могильник существовал со второй половины X до конца XII в. и являлся кладбищем ряда соседних с ним поселений. Наиболее ранние погребения с обрядом кремации компактно расположены в южной мысовой части могильника, омываемой в древности с трех сторон озером (курганы 2, 9, 15, 17, 19, 20, 44, 100, 108 и др.). Датируются они X — началом XI в. по находкам призматических сердоликовых бус, стеклянных белоромбических и лимоновидных, железных фибул.

Среди них выделяются две группы: курганы с сожжением на месте сооружения насыпи и сожжения на стороне. Эти разновидности кремации существовали в рассматриваемое время одновременно. Такие детали погребального ритуала, как наличие в курганах кальцинированных конских костей, каменных конструкций на кострищах и в насыпях — присущи трупосожжениям и на месте, и на стороне.

Обряд ингумации умерших распространяется в данном районе с начала XI в., однако в течение некоторого времени оба обряда

сосуществовали. По всей вероятности, смена трупосожжений трупоположениями на материке и в могильных ямах связана с христианизацией населения, которая в окраинных регионах Древней Руси происходила несколько позднее, чем в центральных областях. Здесь в течение длительного времени шла постепенная христианизация населения.

Как свидетельствуют материалы Березовецкого могильника, в обряде погребения ингумированных покойников еще длительное время присутствуют пережитки древнего обряда кремации: обжигание места захоронения под курганом, зольно-угольные прослойки вокруг могильных ям, наличие углей в насыпях и обжигание гробов. Надо еще отметить и тот факт, что в это время значительно возрастает количество вещей, сопровождающих погребения. Самые богатые по содержанию инвентаря курганы относятся к началу и первой половине XI в. В них найдены серебряные монеты (дирхемы и денарии), наборы каменных и стеклянных цветных бус, предметы вооружения, весы и гири, импортные предметы (курганы 22, 36, 39, 54, 60, 61, 62, 65, 75, 81, 86, 87, 101, 111, 119, 121, 124, 134, 135).

К XII в. исчезают погребения на материке и в некрополе полностью господствует обряд захоронений в могильных ямах.

В Березовецком могильнике погребений позже XII в. не обнаружено. Очевидно, кладбище было перенесено к югу по берегу Селигера на расстояние 3 км от Березовецкого городища, где нами у дер. Желыбня в лесу обнаружена другая курганный группа, состоящая примерно из 50 насыпей. В ней исследовано восемь курганов, где погребения находились в глубоких могильных ямах без инвентаря.

Население, оставившее Березовецкий могильник в ранний период его существования, было разнотичным. Среди погребального инвентаря встречены отдельные категории металлических украшений (наборные головные венчики из спиралек и бляшек-обоймиц, железные гривны, обмотанные бронзовой проволокой, трапециевидные привески, усаые перстни, звериноголовые браслеты), свидетельствующие о финно-угорской принадлежности некоторых погребений X — начала XI в.

Элементы культуры финноязычного аборигенного населения прослеживаются также и в деталях погребального обряда — мериональной ориентировке некоторых погребенных, в наличии костей жертвенных животных (коней, коровы, собаки, птиц), каменных конструкций и в сопровождении захоронений «погребальными дарами».

Финно-угорские культурные традиции выявляются и в материалах ранних слоев поселений, расположенных по берегам Верхневолжских озер (Стерженский городок, городища Никола-Рожок и Березовецкое), содержащих целый ряд предметов (орудия труда, бытовые вещи, украшения), характерных для финноязычного населения, жившего на данных поселениях в более раннее время (35. С. 105—108).

Об этом же свидетельствуют и данные местной гидронимии и

топонимики финно-угорского происхождения: озера Сабро, Серема, Селигер, Стерж, Пено; населенные пункты Неприе, Сорога, Свапу-ще, Соблаго и др.

Большинство же исследованных погребений Березовецкого могильника являются славянскими. Освоение этого региона славянами, судя по ареалу сопок и длинных курганов, надо относить к последней трети I тысячелетия н. э. (36. С. 134). Основной поток населения шел, видимо, из Смоленской земли по Селигерскому пути.

90% погребений имеют уже прочно установившуюся западную ориентировку. Наиболее распространенными женскими украшениями являются браслетообразные височные кольца с завязанными концами, которые считаются этноопределяющим признаком кривичей. Но в могильнике встречены также и ромбошитковые височные кольца, характерные для новгородских словен. Это и понятно, территориально северные и северо-западные берега Селигера, как известно, входили в это время в состав новгородских владений.

Следует также отметить, что во многих погребениях (особенно женских) прослежено взаимовлияние финно-угорских и славянских культурных традиций. Например, во многих женских погребениях, наряду с западной славянской ориентировкой, обнаружены и головные венчики из спиралек и обоймиц, трапециевидные привески вместе с браслетообразными завязанными височными кольцами (курганы 19, 37, 75, 80, 83, 86 и др.). Это смешение различных этноопределяющих элементов в культуре населения особенно видно в погребениях XI в., после чего уже в XII в. этнические различия в погребальном обряде и материальной культуре постепенно исчезают. Правда, здесь надо иметь в виду и то, что в последнем периоде существования могильника к концу XII в. погребальные инвентари становятся значительно беднее.

Таким образом, в результате изучения обрядов погребения и могильных инвентарей, а также материалов исследованных городищ этого района мы приходим к заключению, что Березовецкий могильник в X—XII вв. являлся некрополем для жителей нескольких поселений, расположенных по берегам Селигера: Березовецкого, Никола-Рожок, Новые Ельцы, Княжево и др. Могильник находится вблизи Березовецкого городища, которое, возможно, уже в это время являлось волостным центром всей местной сельской округи.

На материалах могильника определенно прослеживается имущественное и социальное неравенство населения. Среди массы курганов с бедным набором инвентаря или совсем без него, принадлежащим рядовым общинникам, выделяются захоронения, содержащие дорогие серебряные украшения: ожерелья из многочисленных каменных, стеклянных и серебряных бус, монеты, предметы вооружения, весы и гирьки, что позволяет говорить о расслоении общества и выделении феодализирующей знати.

Большое количество привозных из стран Востока и Скандинавии

вещей (монеты, поясные наборы, сердоликовые бусы, фибулы и привески, серебряные бусы с зернью), обнаруженных в могильнике и на поселениях этого района, свидетельствует об участии местного населения в торговле, и о том, что Селигерский торговый путь был широко известен русским и иностранным купцам, начиная со второй половины X в.

1. *Тараканова С. А.* Археологические разведки в Новгородских пятинах // Труды ГИМ. 1940. Вып. XI.
2. *Успенская А. В.* Городища X—XIII вв. на юге Новгородской земли // Экспедиции ГИМ. М., 1969.
3. *Голубева Л. А.* Весь, скандинавы и славяне в X—XI вв. // Финно-угры и славяне. Л., 1979.
4. *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978.
5. *Спицын А. А.* Обзорение некоторых губерний России в археологическом отношении. Тверская губерния // ЗРАО. СПб., 1897. Т. IX, вып. 1—2.
6. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. М., 1970. № 163.
7. *Фехнер М. В.* Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье в X—XI вв. М., 1963.
8. *Равдоникас В. И.* Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье // ИГАИМК. М.; Л., 1934. Вып. 94.
9. *Голубева Л. А.* Конские погребения в курганах Северо-Восточной Руси в VIII—XI вв. // СА. 1981. № 4.
10. *Недошивина Н. Г., Фехнер М. В.* Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. № 2.
11. *Сабурова М. В.* Женский головной убор у славян // СА. 1974. № 2.
12. *Недошивина Н. Г.* Акатовский курганный могильник // Экспедиции ГИМ. М., 1969.
13. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. М., 1961. № 94.
14. *Левашиова В. П.* Венчики женского головного убора из курганов XI—XII вв. // Славяне и Русь. М., 1968.
15. *Фехнер М. В.* Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. М., 1967. Вып. 43.
16. *Сергеева З. М.* О прибалтийских шейных гривнах в древнерусских памятниках X—XIII вв. // КСИИМК. М., 1978, 155.
17. *Левашиова В. П.* Браслеты // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. М., 1967. Вып. 43.
18. *Седова М. В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода. М., 1981.
19. *Недошивина Н. Г.* Перстни // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. М., 1967. Вып. 43.
20. *Успенская А. В.* Курганы у д. Пекунова на Верхней Волге // История и культура Евразии по археологическим данным. Труды ГИМ. М., 1980. Вып. 51.
21. *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. М., 1967. Вып. 43.
22. *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954.
23. *Мальм В. А., Фехнер М. Б.* Подвески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. М., 1967. Вып. 43.
24. *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.
25. *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. М., 1959. Вып. 33.
26. *Киртичников А. Н.* Древнерусское оружие. Т. II // САИ. М., 1966. EI-36.
27. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие VIII—XIV вв. М., 1966.
28. *Янина С. А.* Неревский клад куфических монет X в. // МИА. М., 1956. № 55.
29. *Ершевский Б. Д., Конецкий В. Я.* Об одном из транзитных пунктов на древнем торговом пути // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985.

30. Янин В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник «50 лет раскопок Новгорода». М., 1982.
31. Мальм В. А. Поясные и сбруйные украшения // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.
32. Спицын А. А. Гнездовские курганы // ИАК. СПб., 1905. 15.
33. Тухтина Н. В. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X—XII вв. // Археологический сборник. Труды ГИМ. М., 1966. Вып. 40.
34. Голубева Л. А. Веси и славяне на Белом озере в X—XIII вв. М., 1973.
35. Успенская А. В. Городища X—XIII вв. на юге Новгородской земли // Экспедиции ГИМ. М., 1969.
36. Голубева Л. А. Веси, скандинавы и славяне в X—XI вв. // Финно-угры и славяне. Л., 1979.

Приложение

Березовецкий могильник. Краткое описание погребений. (Раскопки 1969—1979, 1981 гг.)

- Курган 1.** Женское сожжение на месте. На материке — кострище (2,2x1,9 м) мощностью 0,12—0,16 м с грудой кальцинированных костей и камнями. Найдены: фрагменты серебряного браслетообразного височного кольца и оплавившиеся стеклянные бусы.
- Курган 2.** Мужское сожжение на стороне. В насыпи на глубине 0,5 м — груды кальцинированных костей человека и коня, обломки лепных сосудов. Найдены: обожженные серебряные бляшки, два ножа, кольцо от пояса, стеклянная сдвоенная бусина, оселок. Под насыпью на обожженном слое — отдельные камни.
- Курган 3.** Женское сожжение на месте. В насыпи на глубине 0,4 м — кальцинированные кости человека, лошади и камни. Среди них деформированное проволоочное височное кольцо и фрагменты венчика из спиралек и обоймиц, глазчатая бусина, бисер, обломок сосуда. К северу от человеческих костей, в насыпи — полный скелет коня.
- Курган 4.** Кенотаф. На материке зольно-угольная прослойка.
- Курган 5.** Остатки четырех сожжений на стороне и одного на месте. В насыпи на глубине 0,3—0,4 м — четыре урны с кальцинированными костями: две — с остатками мужских сожжений, одна — с женским и одна — с детским захоронением. Погребальный инвентарь отсутствует. На материке в центре кургана — кострище (2,3x1,6 м) мощностью 0,18—0,20 м. Кальцинированные кости мужчины и коня собраны в груды. Среди них найдены фрагменты поясного набора, костяного одностороннего гребня, оселок и обломки лепного горшка.
- Курган 6.** Женское сожжение на месте. Найдены: бусы лимоновидные, белоромбические, синие и бисер. В насыпи — обломок лепной посуды.
- Курган 7.** Мужское погребение в могильной яме. Ориентировка западная. Найдены: лировидная бронзовая пряжка и круговой глиняный сосуд с линейным орнаментом в ногах погребенного.
- Курган 8.** Три сожжения на стороне. В насыпи на одном уровне три урны с кальцинированными костями и мелкими углями. Погребальный инвентарь отсутствует. На материке — небольшая угольная прослойка.
- Курган 9.** Женское сожжение на месте. На материке — кострище (2,5x2,2 м) мощностью 0,20—0,25 м с кальцинированными костями в центре. Найдены: фрагменты венчика, пластинчатого бронзового браслета, сплавившиеся стеклянные бусы — лимоновидные, белоромбические, глазчатые из глухого стекла.
- Курган 10.** Мужское сожжение на месте и вводное женское трупоположение в насыпи. На материке — кострище (2,5x2 м) мощностью около 0,2 м с грудой кальцинированных костей мужчины и лошади. В насыпи на глубине 0,6 м — женский костяк плохой сохранности. Ориентировка западная. Найдены: близ черепа — браслетообразные серебряные височные кольца; в области шеи — ожерелье из бус сдвоенных зеленых и синих прозрачного стекла, бисера и трех серебряных

лунниц с ложной зернью; у левого локтя — железный нож. В насыпи — обломки лепной и круговой посуды.

Курган 11. Два сожжения: на месте и на стороне.

I. На материке — кострище (1,2x2 м) мощностью 0,15 — 0,17 м с грудой кальцинированных костей человека и коня. Найдены обломки разбитого лепного сосуда.

II. В северо-западной части насыпи на глубине 0,4 м — глиняная урна с кальцинированными детскими костями и мелкими углями.

Курган 12. Пустой.

Курган 13. Погребение в могильной яме, неопределимое. Инвентарь отсутствует.

Курган 14. Женское погребение в могильной яме (глубиной 0,9 м). Основание кургана окружено кольцевой оградкой из камней. Ориентировка западная. Найдены: браслетообразное височное кольцо со свободными концами; на шейных позвонках — серебряные гладкие бусы и бисер; в ногах — два круговых глиняных сосуда с линейным и волнистым орнаментом.

Курган 15. Женское сожжение на стороне. В насыпи — груды человеческих костей и рядом с ней кучка сильно обгоревших костей лошади и несколько камней. Найдены: обожженные стеклянные и сердоликовые призматические бусы, обрывки цепочек разного плетения из бронзовой проволоки и нож. На материке — небольшое зольно-угольное пятно, без находок.

Курган 16. Женское сожжение на месте. На материке — кострище, кальцинированные кости в глиняной урне, установленной на невысокой подсыпке. Найдено: несколько обожженных стеклянных бус. В насыпи и на кострище — обломки двух лепных сосудов.

Курган 17. Женское сожжение на месте. На материке — кострище (2x1,6 м) мощностью 0,2 м с кальцинированными костями. Найдены: фрагменты наборного головного венчика, браслетообразные височные кольца, оплавившиеся бусы, одна полосатая лимонка, целый лепной сосуд.

Курган 18. На материке зольно-угольная прослойка.

Курган 19. Женское сожжение на месте. На материке — в центре кострища (1,8x1,6 м) мощностью 0,2 м с грудой кальцинированных человеческих костей. Найдены: фрагменты головного венчика, обожженные сердоликовые и разной формы стеклянные бусы, серебряное браслетообразное височное кольцо с завязанными концами.

Курган 20. Четыре трупосожжения на стороне и одно на месте. В верхнем слое насыпи четыре урны с кальцинированными костями, захороненные одновременно. Погребение I — мужское, сожжение на стороне; погребение II — остатки мужского сожжения; погребение III — кальцинированные кости женщины и коровы, фрагмент венчика; погребение IV — кальцинированные кости мужчины и коня; погребение V — кострище на материке с грудой кальцинированных костей мужчины и коня. Найдены: железная подковообразная спиралеконечная фибула, игла от второй фибулы, нож, круговой горшок.

Курган 21. Женское погребение на материке. Ориентировка западная. Найдены: в ногах — круговой горшок с линейным и волнистым орнаментом; на висках — три бронзовых браслетообразных височных кольца; на шейных позвонках — ожерелье из золотостеклянных, синих, ребристых бус и бисера.

Курган 22. Женское погребение на материке, головой на запад. Костяк на зольно-угольном слое. Найдены: близ черепа — два перстнеобразных височных кольца с напускной бронзовой бусиной; на шейных позвонках — железная гривна с надетым плоским железным кольцом и ожерелье из золотостеклянных и серебростеклянных рубчатых бус и бисера; у левого плеча — нож и подвешенные на цепочке три грушевидных бубенчика; на левой руке — бронзовый витой браслет и фрагмент пластинчатого орнаментированного перстня.

Курган 23. Погребение на материке. Ориентировка западная. Инвентарь отсутствует.

Курган 24. Разрушен траншеей военного времени. Неопределимый костяк, плохо сохранившийся.

Курган 25. Женское погребение на материке. Ориентировка западная. Найдены: бусы лимоновидные с полосами, ребристые из синего стекла и белоромбические.

Курган 26. Мужское погребение на материке на зольноугольном слое. Ориентировка западная. Найдены: у таза — поясной набор из бляшек с остатками кожаного ремня и лировидная пряжка, два ножа и наконечник стрелы. В насыпи —

обломки лепной керамики и глиняного грузила.

Курган 27. Женское погребение на материке на зольноугольной прослойке. Ориентировка западная. Найдены: на черепе — фрагменты браслетообразных серебряных колец; в области шеи — ожерелье из серебростеклянных цилиндрических и ребристых бус и бисера; на левой руке — круглопроволочный бронзовый браслет; близ лучевой кости — нож с остатками деревянной рукояти; в ногах — круговой с орнаментом горшок.

Курган 28. Погребение отсутствует. На материке зольноугольная прослойка незначительной толщины.

Курган 29. Погребение в могильной яме без вещей. Неопределимое. Ориентировка западная.

Курган 30. Мужское захоронение в могильной яме. Ориентировка западная. Погребальный инвентарь отсутствует. Основание кургана окружено каменным кольцом.

Курган 31. Погребение отсутствует. На материке зольно-угольная прослойка.

Курган 32. Мужское сожжение на месте. На материке — кострище (2,5x2,4 м) с двумя грудями кальцинированных костей, из них в большей — кости человека, в меньшей — кости лошади и камня. Найдены: две фибулы с гранеными головками и обломки лепной керамики.

Курган 33. Мужское сожжение на месте. На материке — кострище (2,4x2 м) мощностью 0,1—0,15 м с кальцинированными костями человека и лошади, разбросанными по всему кострищу. Найдены: железный предмет (нож?) и черепки лепного горшка.

Курган 34. Женское сожжение на месте. На материке — кострище с грудой кальцинированных костей и камнями. Найдены: бусы лимоновидные, глазчатые из глухого стекла, фрагменты головного венчика и бронзовых браслетообразных височных колец с завязанными концами, разбитый лепной горшок.

Курган 35. Сожжение девочки-подростка на месте. На материке — кострище (1,8x1,6 м), зольно-угольный слой (0,15 м) с разбросанными кальцинированными костями. Среди них — кости собаки. Найдены: обожженные фрагменты браслетообразных височных колец, бронзовый браслет из плоско-выгнутого дрота, фрагменты наборного венчика, черепки лепных горшков.

Курган 36. Женское погребение в могильной яме. Ориентировка западная. На материке вокруг могильной ямы — остатки кострища с обожженными камнями и черепками лепной посуды. Найдены: на висках — серебряные браслетообразные кольца; на шейных позвонках — железная гривна и ожерелье из стеклянных и сердоликовых бус; на голове — остатки шерстяного платка, расшитого желтым и голубым бисером и трапецевидными и круглыми бляшками; у правой руки — нож со следами деревянной рукояти.

Курган 37. Сожжение девочки-подростка на месте. На материке — кострище (2,2x2 м), мощностью 0,15 м с кальцинированными костями в центре и три камня. Найдены: фрагменты обожженных проволочных височных колец, обломки расплавленных бронзовых предметов и лепные черепки.

Курган 38. Мужское погребение на материке на зольноугольном слое. Ориентировка западная. Костяк плохой сохранности. Найдены обломки керамики.

Курган 39. Мужское погребение на материке. Ориентировка западная. Найдены: у пояса слева — длинный нож, бронзовая подковообразная фибула; под позвонком у пояса — фрагменты кожаного кошелька с тремя бусами (из сердолика, стекла и янтаря). Около погребенного и в насыпи обломки глиняных горшков.

Курган 40. Погребение отсутствует. На материке — зольноугольная прослойка (1,8x2,2 м) с обломками лепных горшков.

Курган 41. Мужское сожжение на месте. На материке — кострище с небольшой кучкой кальцинированных костей человека и коня. Найдены: обломки толсто-стенных лепных сосудов. В насыпи кургана — угольная прослойка с камнями и обломками лепной посуды.

Курган 42. Женское захоронение на материке. Ориентировка западная. Найдены: на черепе — браслетообразные серебряные кольца; на шейных позвонках — бусы золотостеклянные, белоромбические и бисер; на правой руке — два бронзовых перстня: круглопроволочный, пластинчатый.

Курган 43. Детское погребение (девочка 8—10 лет) на материке на зольно-угольном

слое. Ориентировка северная. Найдены: у висков — обломки бронзовых перстнеобразных колец; на шейных позвонках — две гривны: витая из двух бронзовых проволок с раскованными концами, с одетым уплощенным железным кольцом, и железная из дрота, обвитого бронзовой проволокой и ожерельем из восьми рядов бисера, янтарными и цветными стеклянными бусами; на правой руке — витой браслет и два бронзовых перстня круглопроволочных.

Курган 44. Четыре сожжения на стороне и одно на месте. В насыпи — кострище (2,2x1,8 м) мощностью 0,25—0,3 м с обожженными и не до конца сгоревшими плахами, расположенными четырехугольником, ориентировка западная. Внутри сооружения четыре урны, две из них глиняные, с остатками кремации женщины и мужчины, две другие — сильно обожженные берестяные теса, в которых находились детские захоронения (мальчика и девочки). На материке под курганом — кострище (2,4x2 м), зольно-угольный слой (0,15—0,20 м) с кальцинированными костями мужчины (погр. V). Найдены: в урне погр. III — кусок сплавившегося бронзового предмета. На кострище — лепные черепки.

Курган 45. Погребение отсутствует. На материке — небольшая зольно-угольная прослойка.

Курган 46. Разрушен туристскими ямами. На материке — остатки скелета, несколько обломков лепных сосудов и кости собаки.

Курган 47. На материке — зольно-угольная прослойка.

Курган 48. Два мужских погребения.

I. На материке, на зольно-угольном слое. Ориентировка западная. Найдены: круговой горшок с линейным и волнистым орнаментом в ногах и обломки толстостенных лепных горшков.

II. Вводное погребение в насыпи. Ориентировка западная. В ногах круговой горшок.

Курган 49. Мужское погребение на материке. Ориентировка западная. Найдены: на тазовых костях — бронзовая лировидная пряжка и прикрепленный к железному кольцу нож.

Курган 50. Два женских погребения: основное (I) и вводное (II)

I. Основное в северной половине кургана в могильной яме (0,15 м). Ориентировка западная, покрыто берестой, под черепом остатки дерева от гроба. Найдены: у висков — шесть серебряных браслетообразных височных колец; на шейных позвонках — ожерелье из золото- и серебростеклянных бус, бисера и трех грушевидных бубенчиков из бронзы и полая гривна, со сложным замком и большое количество пронизок — трубочек из сплава олова, нашитых, видимо, на ворот одежды; у правого плеча — связка из шести таких бубенчиков; на левой руке — пять перстней, три пластинчатых, с орнаментом; усадебный из серебра и круглопроволочный; на правой руке — три таких же пластинчатых перстня; у правой пятки — «погребальные дары» — шесть пластинчатых перстней, завернутых в бересту, нож.

II. Погребение на материке в юго-восточном секторе кургана. Ориентировка западная с небольшим отклонением к ЮЗ. Найдены: три браслетообразных завязанных серебряных височных кольца и два бронзовых перстнеобразных; на шее — гривна, витая из двух массивных бронзовых проволок с гранеными головками, стеклянные и из гешира бусы и бисер, фрагменты ткани; в ногах — круговой горшок без орнамента.

Курган 51. Парное захоронение (мужчины и женщины) на материке. Ориентировка западная. Найдены: при женском костяке на висках три бронзовых браслетообразных кольца; на шейных позвонках — витая гривна из двух бронзовых проволок с раскованными концами и ожерелье из бус: лимонки и синего стекла призматических со срезанными углами.

Курган 52. Погребение отсутствует. На материке под насыпью — круговой горшок.

Курган 53. Пустой.

Курган 54. Женское захоронение в могильной яме (глубиной 0,5 м) с остатками обожженного гроба. Ориентировка западная. Найдены: на черепе — серебряный пластинчатый венчик на берестяной основе; у висков — по три серебряных браслетообразных кольца и по три скобки-шпильки из серебряной проволоки для скрепления колец с прической; на шейных позвонках — ожерелье из 51 бусы — золотостеклянных, двух каменных и привесок из западноевропейского дена-

рия и брактеата; на левой руке — два серебряных пластинчатых перстня с завязанными концами; на запястьях — трубочки из сплава олова, нашитые, видимо, на рукава одежды.

Курган 55. Женское погребение на материке, остатки гроба. Ориентировка западная с некоторым отклонением к С. Найденны: у висков — бронзовые браслетообразные кольца; на шейных позвонках — гривна, витая из трех бронзовых проволок, ожерелье из золотостеклянных бус и сдвоенных из глухого стекла; на руках — по браслету из бронзового дрота круглого сечения; на пальцах — бронзовые круглопроволочные перстни; под правой рукой — нож на железной цепочке.

Курган 56. Женское сожжение на месте. На материке — кострище (2,4х2 м) с грудой кальцинированных костей, ориентированное 3-В. Найденны: обломки серебряных височных браслетообразных колец, нож и расплавившиеся бусы из стекла, бисер и черепки лепной посуды.

Курган 57. Мужское погребение в могильной яме. Ориентировка западная. Инвентарь отсутствует.

Курган 58. Женское погребение в могильной яме (глубиной 0,3 м). Ориентировка западная. На дне ямы следы гроба в виде древесного тлена. Найденны: на висках — по два браслетообразных серебряных кольца с фрагментами узкого ремешка, служащего для скрепления височных колец с прической; на шейных позвонках — глазчатые бусы и много желтого бисера; на правой руке — бронзовый браслет из дрота круглого сечения и пластинчатый бронзовый перстень со щитком в виде розетки.

Курган 59. Мужское погребение в могильной яме. Ориентировка западная. Найденны: справа у пояса — длинный нож. Обломки лепной посуды в насыпи.

Курган 60. Женское погребение в неглубокой яме. Ориентировка западная. Найденны: у висков — по два серебряных браслетообразных кольца; на шейных позвонках — ожерелье из глазчатых, белоромбических, лимоновидных с продольными полосками, золотостеклянных бус, шесть серебряных брактеатов, отгнутых с арабской монеты; на правой руке — витой бронзовый браслет с завязанными концами; у левой руки — нож; в ногах — круговой горшок.

Курган 61. Женское погребение в могильной яме (глубиной 0,35 м), ориентированное на СЗ. В яме с правой стороны костяка на уровне плеча — крупные камни. Найденны: на висках — по два серебряных браслетообразных кольца с завязанными концами вместе с серебряными дугообразной формы шпильками с продетыми кожаными ремешками; у правого уха — несколько трапециевидных привесок с отверстиями для прикрепления к головному убору; на шейных позвонках — ожерелье из крупного бисера, белоромбических, лимоновидных и сдвоенных синих стеклянных бус; у правого плеча — два бронзовых грушевидных бубенчика; близ правой руки — обломок серпа и нож.

Курган 62. Женское погребение на материке, на зольно-угольной прослойке. Следы гроба. Ориентировка западная. Найденны: на черепе — наборный головной венчик на подкладке из древесной коры с остатками лыка для нанизывания спиралек; на шейных позвонках — гривна из бронзового дрота с костыльковыми концами и ожерелье в два ряда вокруг шеи из 80 бус — сердоликовых разной формы, лимоновидных с полосками, глазчатых и ушки с гвоздиками от подвесок — брактеатов или монет; близ правой руки — прямоугольная привеска с тремя отверстиями, через которые железной цепочкой прикреплены бронзовая пугвица, нож с костяной рукояткой; с левой стороны костяка, близ тазовых костей — «погребальные дары» в виде фрагментов деревянной миски и бронзового дротового браслета, завернутые в шерстяную ткань и бересту.

Курган 63. Женское погребение на материке. Ориентировка западная. Найденны: два глиняных пряслица и обломки лепного горшка.

Курган 64. Женское сожжение на месте. На материке — кострище (2х1,6 м), ориентированное С—Ю, мощностью 0,2 — 0,25 м, с разбросанными кальцинированными костями; наибольшее скопление их и погребального инвентаря в северной части кострища. Найденны: обгоревшие головной наборный венчик, ожерелье из 70 бус — сердоликовых, призматических, стеклянных, белоромбических, лимонок и монета, от которой сохранились ушко с гвоздиком и расплавленный серебряный шарик, фрагмент грушевидного бубенчика, и

двух браслетов, широкосрединный бронзовый перстень, обрывки бронзовых цепочек разного плетения.

Курган 65. Мужское погребение на материке. Ориентировано головой на запад. Древесный тлен от гроба. Найдены: фрагменты кожаного пояса с лировидной пряжкой, справа к нему прикреплен нож на бронзовом кольце, слева — оселок; выше тазовых костей, слева — бронзовая подковообразная орнаментированная фибула с конусовидными головками, прикрепленная к двум слоям шерстяной ткани (фрагменты верхней одежды). Широкое основание иглы фибулы украшено звериной мордой.

Курган 66. Два мужских погребения.

I. На материке на зольно-угольном слое с камнями. Ориентировано головой на запад. Найдены: с левой стороны костяка — железный нож и обломки лепной посуды.

II. Вводное в насыпи, ориентировано головой на запад. У левого бедра — железный нож.

Курган 67. Мужское погребение на материке. Остатки гроба. Ориентировка западная. Найдены: в области груди западноевропейская монета и фрагменты кожаного кошелька.

Курган 68. Мужское погребение в могильной яме глубиной 0,8 м. Ориентировка западная. Каменная оградка из валунов вокруг насыпи. Найдены: лировидная пряжка, справа от нее в мешке из льняной ткани калачевидное кресало с приварившимся кремнем, нож и бронзовое кольцо. На краю ямы на материке два круговых горшка с линейным и волнистым орнаментом.

Курган 69. На материке — зольно-угольная прослойка. Среди углей незначительное количество кальцинированных костей, мелкие лепные черепки.

Курган 70. Женское сожжение на месте. На материке — кострище (2x1,5 м) мощностью 0,25—0,3 м с грудой кальцинированных костей в центре кострища. Найдены: бусы сердоликовые и стеклянные оплавившиеся, фрагменты головного наборного венчика и витого бронзового браслета, шарики расплавленного серебра, обломки лепной посуды.

Курган 71. Пустой.

Курган 72. Женское погребение в могильной яме глубиной 0,7 м. Ориентировка западная. Найдено: на висках — по два бронзовых браслетообразных кольца; на шейных позвонках — бисер и золотостеклянные бусы.

Курган 73. Женское погребение на материке, на зольно-угольном слое. Ориентировка западная. Найдено: на черепе — головной наборный венчик на древесной коре с остатками шерстяной ткани (видимо, от платка); на висках — браслетообразные височные кольца из серебра; на шейных позвонках — бисер и золотостеклянные бусы, фрагменты железной гривны, обмотанной бронзовой проволокой.

Курган 74. Мужское погребение в могильной яме. Ориентировка западная с небольшим отклонением к С. В ногах круговой горшок и железный костыль.

Курган 75. Женское погребение на материке. Ориентировка западная. Найдены: на черепе — наборный венчик; под черепом — браслетообразное бронзовое височное кольцо; на шейных позвонках — бисер и стеклянные бусы; в ногах — лепной горшок. Обломки таких же горшков в насыпи.

Курган 76. Пустой.

Курган 77. Мужское погребение на материке, на зольно-угольном слое. Ориентировка западная. Найдены: около левой ноги — наконечник копья, черепки лепной посуды и зуб лошади.

Курган 78. Женское захоронение в могильной яме, в обожженном гробу. Ориентировка западная. Найдены: на шейных позвонках — ожерелье из золотостеклянных, серебростеклянных и глазчатых бус; на правой руке два перстня — бронзовый пластинчатый и круглопроволочный из сплава олова; на черепе — серебряное браслетообразное кольцо; на материке у края ямы — два круговых горшка. Основание кургана с северо-востока и юга окружено кольцевой каменной оградой.

Курган 79. Мужское погребение в могильной яме (глубиной около 1 м). Ориентировка западная. Выше тазовых костей — обломок железного сошника. Вокруг основания кургана каменная оградка.

Курган 80. Женское погребение на материке, на зольно-угольном слое. Ориентировка

западная. Найдены: на черепае — наборный венчик; на висках — по два бронзовых браслетообразных кольца; на шейных позвонках — ожерелье из стеклянных бус, голубого и желтого бисера; в ногах — лепной горшок на камнях.

Курган 81. Мужское погребение в могильной яме (глубиной 0,80 м). Ориентировано головой на запад. Найдены: на черепае — фрагмент головного убора из войлока; слева у плеча — железный цилиндрический замок; с левой стороны костяка — у пояса, в деревянном футляре карманные весы для малых взвешиваний, находящиеся в кожаном мешке, с правой стороны — в сумке из льняной ткани четыре сферической формы гирьки и каменный круглый шарик — разновеска, нож.

Курган 82. Погребение отсутствует. На материке под насыпью — глиняный круговой горшочек.

Курган 83. Женское погребение на материке. Головой на запад. Найдены: гривна бронзовая из дрота с костыльковыми концами; фрагменты наборного венчика, серебряные браслетообразные кольца на висках, сердоликовые, призматические, хрустальные многогранные и стеклянные бусы. Круговой глиняный горшок.

Курган 84. Женское погребение в могильной яме (глубиной 0,40 м), следы гроба. Ориентировка западная. Найдены: у черепа — два серебряных браслетообразных височных кольца и три бронзовых меньшего диаметра; на шейных позвонках — золото- и серебростеклянные бусы, бронзовая дротовая гривна с концами, раскованными в пластины и орнаментированными, на левой руке — бронзовый пластинчатый звериноголовой браслет; обломки кругового горшка.

Курган 85. Женское сожжение на месте. На материке — остатки кострища с кальцинированными костями. Найдены: обожженные фрагменты проволочного височного кольца и серебряного перстня, сердоликовые и разноцветные стеклянные бусы, обломки костяного гребня с кружковым и точечным орнаментом.

Курган 86. Парное захоронение (мужчины и женщины) на материке. Ориентировка западная. Найдены: при женском костяке на голове — наборный венчик, обвитый шелковой тесьмой; на висках — серебряные браслетообразные височные кольца; на шейных позвонках — железная гривна в обломках и ожерелье из каменных и стеклянных бус и трех подвесок из двух саманидских дирхемов и брактеата X в.; близ левого плеча — нож; в ногах — круговой сосуд с линейным орнаментом. При мужском костяке — железный нож на тазовых костях.

Курган 87. Мужское погребение в могильной яме (глубиной 0,9 м). Ориентировка западная. Найдены: в области груди четыре бронзовые пуговицы, орнаментированные насечками; у плечевой кости — подковообразная спиралеконечная фибула; в ногах — круговой горшок и остатки деревянного ведра в виде железных обручей, ушек с заклепками и массивной железной дужки.

Курган 88. Женское сожжение на месте. На материке — кострище (2,2x1,8 м) мощностью 0,1—0,15 м с мелкими кальцинированными костями, сплавившимися стеклянными бусами, деформированными железными предметами и лепными черепками.

Курган 89. Пустой.

Курган 90. Парное сожжение на месте женщины с ребенком. На материке — кострище (2x1,2 м) мощностью 0,25—0,3 м с кальцинированными костями человека, коровы и птицы; обломки лепной посуды и льячки.

Курган 91. Женское погребение в могильной яме (глубиной около 1 м). Ориентировка западная. Найдены: на краю ямы — глиняное пряслице и черепки разбитого горшка; в ногах — два раздавленных круговых сосуда. В основании кургана — кольцевая оградка.

Курган 92. Женское захоронение на материке. Ориентировка западная. Найдены: у черепа — два браслетообразных височных кольца; в ногах — круговой горшок.

Курган 93. Погребение отсутствует. На материке под насыпью — круговой горшочек.

Курган 94. Женское захоронение в могильной яме (глубиной около 1 м). Ориентировка западная с некоторым отклонением к С. Основание кургана окружено оградкой из крупных камней. Найдены: у правого виска — с остатками волос семь серебряных эсоконечных колец малого диаметра, у левого шесть таких же колец; на шейных позвонках — 25 золотостеклянных и одна глазчатая бусина; на правой руке — пластинчатый бронзовый перстень.

Курган 95. Трупосожжение на месте. На материке — остатки кострища с мелкими кальцинированными костями и обломками лепной посуды.

- Курган 96.** Мужское погребение в могильной яме (глубиной около 1 м), окруженной на материке интенсивным углистым слоем с черепками лепной посуды. Ориентировка западная. Найдены: в области пояса — лировидная пряжка, нож и массивное бронзовое кольцо; слева выше пояса — подковообразная спиралеконечная бронзовая фибула. Основание кургана окружено камнями, южная часть насыпи выложена камнями почти до самой вершины.
- Курган 97.** Детское (девочка шести — семи лет) погребение на материке. Ориентировка западная. Найдены: на черепе — браслетообразные височные кольца из серебра; на шейных позвонках — железная гривна из дрота круглого сечения, частично обмотанная бронзовой проволокой, стеклянные бусы различных форм и бисер; близ левой руки — фрагмент витого браслета и железный нож с костяной рукоятью. Основание кургана обложено камнями.
- Курган 98.** Женское погребение на материке. Ориентировка западная с небольшим отклонением к югу. Найдены: на черепе — два бронзовых перстнеобразных височных кольца с заходящими концами; в области груди — рассыпаны золотостеклянные бусы; на левой руке — браслет из бронзового дрота.
- Курган 99.** На материке зольно-угольная прослойка с единичными кальцинированными костями.
- Курган 100.** Женское сожжение на месте. На материке — кострище округлой формы (диаметром 2,5 м) мощностью 0,2 м с грудой мелких кальцинированных костей и тремя камнями. Найдены: фрагменты наборного венчика, браслетообразных височных колец, бусы из цветного стекла и сердолика, железный нож. В насыпи — черепки лепной посуды.
- Курган 101.** Мужское захоронение в могильной яме глубиной 0,4 м. Ориентировка западная. Найдены: в области шеи — две бронзовые пуговицы; у пояса — лировидная пряжка, калачевидное кресало, медный дирхем — фелс 988 г., остатки кожного кошелька и нож. Почти вся поверхность кургана выложена камнями.
- Курган 102.** Женское захоронение в могильной яме (глубиной 0,4 м). Ориентировка западная. Найдены: на черепе — фрагменты наборного венчика; на шейных позвонках — ожерелье из стеклянных, сердоликовых бус и серебряной лунницы; в области пояса — фрагмент серпа. На материке близ могильной ямы — обломки лепных горшков.
- Курган 103.** Мужское погребение в могильной яме (глубиной 0,80 м) Ориентировка западная. Около костяка — два камня. Найдены: в области пояса — нож, лировидная пряжка, под ней фрагмент шерстяной ткани саржевого переплетения; у левого колена — боевой топор; в ногах — железные обручи и дужка деревянного ведра.
- Курган 104.** Мужское сожжение на месте. Кострище (2,2x1,6 м) мощностью 0,16 м с кальцинированными костями и предметами инвентаря (ножи, обожженные бронзовые пластинки и черепки лепной посуды).
- Курган 105.** Женское погребение в могильной яме. Ориентировка западная. Найдены: браслетообразное височное кольцо, золотостеклянные бусы и большой круговой сосуд с орнаментом по всей поверхности.
- Курган 106.** Женское погребение головой на запад в могильной яме (глубиной 0,90 м) остатки гроба в виде древесной трухи. Найдены: на черепе справа — браслетообразное височное кольцо, слева — два перстнеобразных из сплава олова; на шейных позвонках — железная гривна с шарообразными расширениями, глазчатые и лимоновидные с полосками бусы. Основание насыпи обложено камнями с северной и южной сторон.
- Курган 107.** Женское погребение в могильной яме (глубиной 0,4 м). Ориентировка западная. Найдены: на черепе слева — перстнеобразное височное кольцо; на шейных позвонках — несколько бус глухого стекла и бисер; у левой руки — нож.
- Курган 108.** Мужское сожжение на месте. В насыпи на глубине 0,4 м — кострище (1,9x1,6 м) мощностью 0,25—0,3 м с кальцинированными костями. Найдены: бронзовая, подковообразная, спиралеконечная фибула, фрагменты чашек весов, оплавившиеся кусочки серебра, оселок с продетой в него пепочкой, костяной стержень с зооморфным изображением змеи на конце. Стержень в верхней части орнаментирован насечками, имитирующими змеиную чешую. Найдены оплавившийся бубенчик большого размера от конской сбруи и лепной горшок плохого обжига. На кострище кроме человеческих костей были кости коня, собаки и птицы.

- Курган 109.** Мужское сожжение на месте. На материке — кострище (2,2x1,8 м), ориентированное 3-В. Урна с кальцинированными костями в центре кострища, среди костей — несколько стеклянных бус лимоновидной формы.
- Курган 110.** Мужское захоронение в могильной яме (глубиной более 1 м). Ориентировка западная. При костяке найдены: поясная лировидная пряжка, нож, два звена железной цепочки.
- Курган 111.** Мужское погребение в могильной яме (глубиной 0,9 м). Ориентировка западная с небольшим отклонением к С. Найдены: у пояса — бронзовая лировидная пряжка с железной иглой, калачевидное кресало, наконечник стрелы и железное кольцо; на правой руке — два пластинчатых серебряных перстня: один — широкосрединный с завязанными концами, другой — с разомкнутыми концами и третий бронзовый круглопроволочный разомкнутый. Насыпь кургана окружена оградкой из нескольких рядов крупных камней.
- Курган 112.** Мужское погребение в могильной яме (глубиной более 1 м). Ориентировка западная. Найдены: лировидная бронзовая пряжка и нож. В насыпи — черепки круговой посуды.
- Курган 113.** Женское погребение в могильной яме (глубиной 0,8 м). Ориентировка западная. Найдены: с левой стороны черепа — бронзовое однобусенное кольцо, с правой — серебряное браслетообразное; на шейных позвонках — ожерелье из 14 золотостеклянных крупных бус; на левой руке — витой браслет из двух бронзовых проволок; близ костяка и в насыпи — обломки круговой посуды с линейным и волнистым орнаментом. У основания насыпи — отдельные камни.
- Курган 114.** Женское сожжение на месте. На материке — кострище (1,8x1,4 м) мощностью 0,15—0,16 м с кальцинированными костями. Найдены: фрагменты наборного венчика, оплавившиеся стеклянные бусы разных форм, мелкие фрагменты костяного гребня, сплавившиеся бронзовые предметы.
- Курган 115.** Мужское погребение на материке. Найдены: бронзовая лировидная пряжка от пояса, калачевидное кресало, нож.
- Курган 116.** Мужское погребение на материке. Найден нож.
- Курган 117.** Погребение отсутствует. На материке зольно-угольная прослойка.
- Курган 118.** Мужское погребение в могильной яме (глубиной 0,8 м), в гробу. Ориентировка западная. Найдены: бронзовая лировидная пряжка и узколезвийный нож. У основания кургана остатки каменной оградки.
- Курган 119.** Женское погребение в могильной яме (глубиной около 1 м). Остатки гроба. Ориентировка западная. Найдены: у висков три серебряных ромбоштитковых височных кольца с орнаментом на щитках; на шейных позвонках — ожерелье из 43-х золото- и сербробстеклянных, цветных бус разных форм и одной серебряной круглой с ребром в средней части; на левой руке — серебряный пластинчатый орнаментированный перстень; около запястий рук — трубочки-пронизки из сплава олова плохой сохранности; у правого локтя — западноевропейская монета (1068—1090 гг.); близ левой ключицы — нож с костяной рукояткой. В насыпи — обломки круговой керамики. Интерес представляет костяной полый орнаментированный цилиндрок с крышкой и отверстиями в стенках. В основании кургана — несколько камней.
- Курган 120.** Женское погребение в могильной яме (глубиной 0,8 м). Ориентировано головой на запад с отклонением к югу. На материке вокруг ямы — зольно-угольная прослойка. Найдены: у висков — по три серебряных браслетообразных кольца с завязанными концами; на шейных позвонках — сердоликовые, золото- и сербробстеклянные ребристые бусы; у левого плеча — нож и фрагмент цепочки из железных звеньев; у черепа на ключицах и плечевых костях — маленькие металлические бляшки, видимо, от платка, покрывавшего голову и плечи.
- Курган 121.** Женское погребение на материке. Ориентировка западная. Найдены: у висков — фрагменты бронзовых браслетообразных колец; под правым виском — западноевропейская монета (1068—1090 гг.); на шейных позвонках — ожерелье из золотостеклянных и глухого стекла бус, бисера и монеты-привески (западноевропейская 983—1002 гг.); слева от костяка — на расстоянии 0,8 м еще одна западноевропейская монета этого же времени, завернутая в бересту и положенная, как «погребальный дар»; у правой руки — шиферное пряслице.
- Курган 122.** Мужское погребение в могильной яме (глубиной 0,6 м). Ориентировка западная. Найдены: бронзовая лировидная пряжка от пояса и железный нож.

Курган 123. Детское (девочка шести — восьми лет) погребение в могильной яме (глубиной 0,8 м). Ориентировано головой на запад. Найдены: 10 маленьких золотостеклянных бус и черепки круговых горшков на материке вблизи ямы. В основании кургана кольцевая каменная оградка.

Курган 124. Женское камерное захоронение. Камера прямоугольная меридиональной ориентировки состояла из двух венцов бревен (диаметром 0,2 м), сильно обожженных. В камере погребение плохой сохранности, ориентировка южная. Найдены: у висков — по три серебряных браслетообразных височных кольца с завязанными концами; на шейных позвонках — ожерелье из золотостеклянных и четырех серебряных шарообразных с тонкой зернью бус, серебряной лунницы с зернью и семи круглых подвесок; у левого плеча — бронзовая цепочка, узколезвийный нож с кольцом; у правой руки — серебряный пластинчатый браслет, орнаментирован по всей поверхности; на левой руке — ложновитой перстень, фрагменты шерстяной ткани и декоративной тесьмы. Основание кургана окружено камнями.

Курган 125. Мужское погребение в могильной яме. Ориентировано головой на запад. Найдены: поясная пряжка прямоугольной формы из железа и узколезвийный нож.

Курган 126. Мужское погребение в могильной яме (глубиной около 1 м). Ориентировано головой на запад. От гроба сохранился древесный тлен. Найдены: у тазовых костей — нож и бронзовое кольцо. В насыпи — обломки круговой посуды.

Курган 127. Два захоронения.

I. Мужское в могильной яме (глубиной 0,9 м), в гробу (фрагменты обожженных досок). Ориентировка западная. Найдены: лировидная поясная пряжка, сильно сточенный оселок, пластинчатый широкосрединный бронзовый перстень, завязанный, два бронзовых кольца с продетыми тонкими кожаными ремешками у колен.

II. Вводное — женское в насыпи, ориентировано головой на запад. Найдены: на шейных позвонках — 56 золотостеклянных бус. Основание кургана обложено камнями.

Курган 128. Детское (мальчик семи — восьми лет) погребение в могильной яме (глубиной 1,1 м). Ориентировка западная. Найдены: в области груди — три серебряные западноевропейские монеты (одна целая, две в обломках). Основание кургана окружено камнями в несколько рядов.

Курган 129. Детское захоронение (девочки) в могильной яме глубиной 0,8 м. Ориентировка западная. Найдены: мелкие золотостеклянные бусы на шее. Основание насыпи обложено камнями.

Курган 130. Женское погребение в могильной яме глубиной более 1 м. Ориентировка западная. Найдены: серебряное браслетообразное височное кольцо со спиральным концом; на шейных позвонках — ожерелье из золото- и серебростеклянных бус и одной крупной глазчатой из глухого стекла; на левой руке — круглопроволочный бронзовый перстень. Основание кургана окружено камнями.

Курган 131. Мужское погребение в могильной яме. Ориентировано головой на запад. Погребальный инвентарь отсутствует. Основание кургана обложено камнями.

Курган 132. Женское погребение в могильной яме (глубиной 0,8 м). Ориентировано головой на запад. Следы деревянного гроба. Найдены: на черепе — наборный венчик; на висках — по одному серебряному браслетообразному кольцу с завязанными концами; на шейных позвонках — ожерелье из сердоликовых, золотостеклянных, беломрамбических бус, пяти серебряных круглых орнаментированных подвесок; у правой руки — железная цепочка и нож.

Курган 133. Мужское погребение в могильной яме (глубиной 0,80 м). Ориентировка западная. Найдено: у правой ноги — втульчатое копье.

Курган 134. Женское захоронение в могильной яме (глубиной 1 м). Ориентировка западная. Найдены: у левого виска — серебряное проволочное кольцо, сильно деформированное и трехбусинное узловатое, шпилька-дужка из тонкой серебряной проволоки; на шейных позвонках — ожерелье из трех глазчатых бусин глухого стекла, пяти серебряных с тонкой зернью и нескольких мелких из

прозрачного стекла; на правой руке — бронзовый пластинчатый орнаментированный браслет.

Курган 135. Женское погребение в могильной яме (глубиной 0,5 м). Ориентировка западная. Найдены: у висков — серебряные браслетообразные кольца со свободными концами; на шейных позвонках — несколько золотостеклянных бус и серебряных с зернью; на правой руке — бронзовый пластинчатый браслет; на левой руке — перстень; в ногах — два круговых горшка с волнистым и линейным орнаментом; над захоронением — фрагменты деревянной доски от гроба. Основание кургана окружено камнями.

Курган 136. Погребение отсутствует. На материке — зольно-угольный слой площадью 2,6х2 м. Обломки лепной посуды.

Курган 137. Погребение в могильной яме (глубиной 1 м). Обломки круговой посуды.

Курган 138. Трупосожжение на месте. На материке — кострище с единичными кальцинированными костями.

Курган 139. Пустой.

Курганный могильник XI—XII вв. Кобожа II

Курганная группа Кобожа II расположена близ д. Кобожа Чагодощенского района Вологодской области, на второй надпойменной террасе левого берега р. Кобожи, на 1 км выше по течению от курганной группы Кобожа I*.

Могильник состоит из 34-х насыпей, образующих две группы: северную — ближе к дороге и южную — к реке; между ними находятся три наиболее высоких кургана (рис. 1).

Почти все насыпи были повреждены кладоискательскими ямами.

Вологодской экспедицией Государственного Исторического и Череповецкого краеведческого музеев в 1981—1984 гг. исследовано 14 курганов в разных частях могильника, причем раскапывались и насыпи, поврежденные кладоискателями, в двух из них костяки оказались в нарушенном состоянии и в одном погребении отсутствовали, возможно, не сохранились. Дальнейшие раскопки некрополя вряд ли целесообразны, так как оставшиеся курганы имеют слишком большие повреждения. Данные по всем раскопанным курганам приведены в таблице.

Большая часть курганных насыпей имеет круглую, полусферическую форму, высота их колеблется от 0,5 до 1,4 м при диаметре от 6 до 12 м. Однако в северной и южной частях могильника имеются две насыпи удлиненной формы, вытянутые в направлении запад—восток, причем одна из них является как бы перемычкой между двумя круглыми насыпями (курган 12), а другая (курган 14) примыкает одной стороной к круглому кургану.

Погребальный обряд исследованного могильника довольно разнообразен (рис. 1 и табл.).

Остатки трупосожжения прослежены лишь в кургане 11, который был одним из самых высоких и располагался в центре могильника. И хотя грабительская яма частично уничтожила погребение, можно с уверенностью утверждать, что обряд кремации был совер-

* Курганная группа Кобожа I полностью исследована Вологодской экспедицией ГИМ под руководством автора (Тухтина Н. В. Курганная группа Кобожа I (бассейн реки Мологи) // Проблемы археологии Евразии. Труды ГИМ. М., 1990. Вып. 74. С. 121).

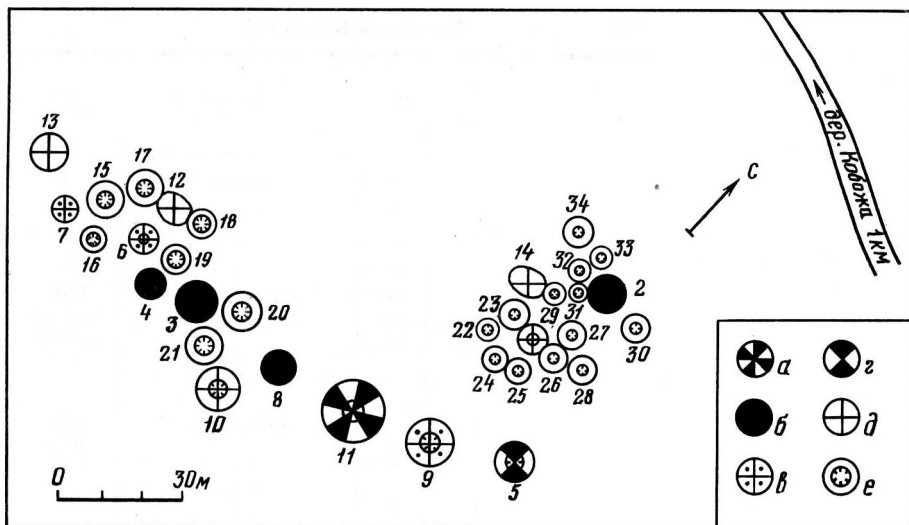

Рис. 1. План курганной группы Кобожа II

а — кремация на месте; б — ингумация на материке; в — погребения нет; г — ярусные погребения; д — ингумация в яме; е — курган с кладонискательской ямой

шен на месте сооружения насыпи, на материке. Вместе с человеком были сожжены конь и коза*. На остатках кострища найдены фрагменты лепной керамики и удила.

Курганы с обрядом ингумации по характеру расположения погребений делятся на три группы: ярусные, на уровне горизонта и в подкурганных ямах.

Ярусное расположение погребений обнаружено в одном из исследованных курганов (курган 5). Здесь три захоронения (детское и два мужских) лежали на двух уровнях. Возможно, погребений первоначально было больше, но в насыпи имелась крупная кладонискательская яма, которая могла их нарушить. Одно погребение располагалось в насыпи кургана, ближе к вершине, и два одновременных — на материке, в центральной и южной частях насыпи. Все три костяка были ориентированы головами на юго-восток и юго-юго-восток. Было ли верхнее погребение впускным или для него производилась досыпка кургана, определить не удалось, так как оно находилось в слое дерна и под выбросом из кладонискательской ямы. В мужском погребении на материке обнаружены нож, два лепных сосуда, рабочий топор и рядом с ним — четыре фигурки уточек из воска; в двух других — топор и лепные сосуды.

Поиски аналогий подобному обряду ярусных захоронений приводят нас в Юго-Восточное Приладожье (1. С. 11—17; 4. Табл. 2,2).

* Определение костей произвела В. П. Данильченко.

Таблица. Курганный могильник Кобожа II

№ кургана	Высота кургана, м	Диаметр кургана, м	Количество погребений	Пол	Обряд	Ориентировка
1	1	6,7	1	м.	ингумация	3
2*	0,8	7,5	?	?	„	?
3	0,75	8	1	м.	„	3
4	0,5	6	1	ж.	„	3
5	1	12	3	м. дет. м.	ингумация, 2 яруса	ЮВ ЮЮВ ЮЮВ
6*	0,75	6				
7**	0,75	7,7				
8	0,75	7	2	?	ингумация	ЮВ ЮВ
				м.		
9*	1	10				
10	0,5	7	1	ж.	„	3
11	1,4	12	1	м.	кремация на месте	—
12	0,75	14 × 7	1	м.	ингумация	С
13	0,5	7	1	м.	„	ЮЗ
14	0,5	8 × 6	1	м.	„	3

№ кургана	На материки	Глубина ямы, м	Положение рук	Инвентарь
1	—	0,25	на груди	нож, печенька, сосуд
2*	×	—	?	нож, обломки керамики
3	×	—	к тазу	пряжка, кольцо, нож, сосуд
4	×	—	?	одна бусина, сосуд
5	—	—	п. 1 — вдоль п. 2 — ? п. 3 — ?	п. 1 — топор, сосуд п. 2 — сосуд п. 3 — топор, уточки, нож, сосуда
6*				
7**				
8	×	—	п. 1 — ? п. 2 — вдоль	п. 1 — нарушено п. 2 — нож, сосуд
9*				
10	—	0,25	?	бисер, нож, сосуд
11	×	—	?	удила, керамика
12	—	0,4	вдоль	топор, сосуд, нож
13	—	0,2	на груди	нож
14	—	0,5	к тазу	нож

* Погребения разрушены.

** Погребение отсутствовало.

Один подобный курган обнаружен в некрополе Кобожа I (курган 41); интересно отметить, что костяки здесь также имели юго-восточную ориентировку.

Ко второй группе относятся насыпи с погребениями на горизонте: одно женское, два мужских и в одном разрушенном пол погребенного неизвестен. Парное захоронение обнаружено лишь в одной насыпи (курган 8), в остальных находилось по одному скелету. Два костяка из этой группы лежали головами на запад, а парное захоронение — на юго-восток, как и в насыпи с ярусными погребениями.

В курганах этой группы обнаружены: поясная пряжка лировидной формы, поясное кольцо, бусина, ножи и лепные сосуды.

Третья группа. Все захоронения в подкурганных ямах были одиночными. Всего нами исследовано пять таких курганов с ямами глубиной от 0,2 до 0,5 м. Размеры ям в песке не всегда определимы, так как контуры их плохо прослеживаются. В ямах обнаружено одно женское и четыре мужских захоронения. Все костяки лежали головами на запад, инвентарь при них был более бедный: нож, бисер и лепные сосуды.

К этой же группе насыпей относятся два кургана удлиненной формы, о которых было сказано выше. В них зафиксировано по одному мужскому костяку, ориентированному на север (курган 12) и запад (курган 14). По характеру инвентаря они не отличаются от остальных захоронений данной группы (топор, ножи и лепной сосуд). Нет данных, подтверждающих что обряд погребения в удлиненных насыпях связан с какой-либо особой этнической группой населения.

Таким образом, из тринадцати исследованных труположений шесть имели западную и юго-западную ориентировку, пять — юго-восточную и юго-юго-восточную, одно — северную и в одном разрушенном кургане ориентировку костяка определить не удалось.

Погребения с западной ориентировкой обнаружены как в южной, так и в северной частях могильника, с северной — в южной части, а с юго-восточной — в центре некрополя. Все костяки лежали на спине, вытянуто. Из-за плохой сохранности костей положение рук удалось установить лишь для семи захоронений (см. табл.).

Анализ погребального обряда позволяет считать, что наиболее древними являются три его центральные насыпи. В каком направлении шло дальнейшее расширение некрополя, сказать трудно, так как многие насыпи пострадали от грабительских раскопок, и полную картину погребального обряда восстановить не всегда удастся. Картографирование обряда показало, что курганы как с обрядом погребения на материке, так и в подкурганных ямах встречаются и в северной, и в южной частях могильника.

Погребальный инвентарь курганного могильника Кобожа II не отличается большим разнообразием. Это объясняется тем, что здесь обнаружено всего два женских захоронения, а именно они, как правило, дают большую часть инвентаря, а также обилием разрушенных курганов.

В двух женских захоронениях (курганы 4 и 10, на материке и в яме) обнаружены бисер, нож и лепные сосуды. Бисер известен в курганных древностях с X по XII в., т. е. на протяжении 200—250 лет, и находки его не дают оснований ни для более узких датировок, ни для этнических выводов.

Инвентарь мужских погребений более разнообразен. Здесь обнаружено три массивных рабочих топора. Два из них найдены в кургане (5) с ярусными захоронениями и один — в удлинённой насыпи (12). Интересно отметить, что в двух случаях топоры лежали под левой плечевой костью погребённого, т. е. вначале клали топор, а уже на него помещали покойного. В одном захоронении топор находился у правого бедра. Два топора относятся к типу V и один — к типу VI, по классификации А. Н. Кирпичникова (2. Рис. 6, С. 30 и 38) (рис. 2). Топоры типа V были широко распространены на севере Руси в X—XII вв. в финно-угорских памятниках, Финляндии, прибалтийских и прикамских древностях. Топоры типа VI в XI—XII вв. зафиксированы в основном в Северной и Средней Руси.

Как уже упоминалось, в кургане с обрядом кремации найдены конские удила. Кирпичников относит их к типу II и датирует периодом с X по XIII вв. (3. Рис. 4. С. 12, 15, 16) (Рис. 2). Всего известно 14 находок подобных удил.

Бронзовая поясная пряжка лировидной формы с обломанным железным язычком и поясное кольцо встречены в одном погребении (курган 3). Подобные пряжки имели широкое распространение в XI в., в XII столетии они, как правило, не встречаются.

Ножи (зачастую, фрагменты) зафиксированы в девяти погребениях (в том числе в одном женском), из них в четырех случаях они находились у пояса, в двух — у локтевой кости левой, а в одном — правой руки, в двух — положение ножа осталось неизвестным. В кургане 1 рядом с ножом имелись фрагменты железной цепочки, на которой, очевидно, нож и висел.

В погребении № 3 кургана 5 (на материке) рядом с топором обнаружены четыре фигурки уток из воска (рис. 3). Две фигурки сохранились полностью, у двух туловище было частично утрачено. Размеры их: высота от 2 до 2,8 см, длина от 3,2 до 3,8 см, ширина от 2,4 до 2,5 см. Подобная находка — явление уникальное. По внешнему облику фигурки напоминают плывущих уток. Похожие изделия, выполненные из кости, а также бронзовые полые уточки известны из приладожских курганов (4. Табл. 24, № 4. С. 110). Правда, от приладожских данные экземпляры отличаются более мощными шеями, уплощенным туловищем и слабовыраженным клювом.

Возникало предположение, что они могли служить восковыми моделями для отливки бронзовых украшений. Однако, скорее всего, эти фигурки имели чисто культовое назначение.

Коллекция керамики исследуемого могильника содержит одиннадцать целых и восстановленных сосудов; в нарушенном погребении кургана 2 и в трупосожжении обнаружены лишь фрагменты керамики. Причем, керамика из захоронения с обрядом кремации не отличается от лепных сосудов, найденных при костяках.

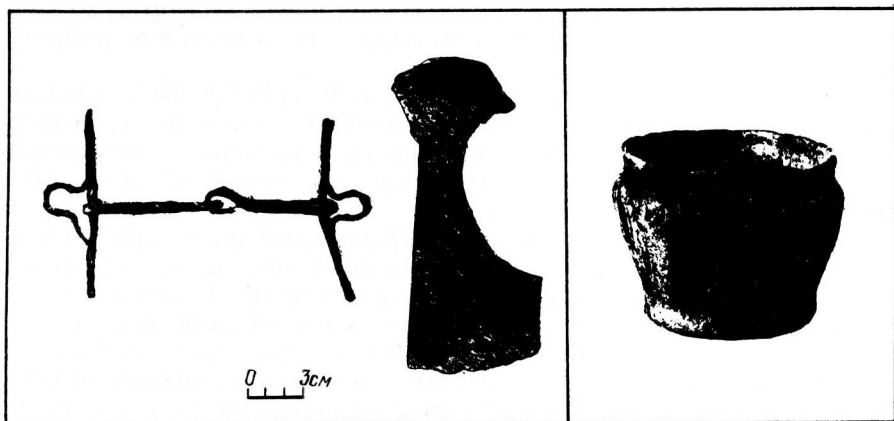

Рис. 2. Удила — курган 11; топор — курган 12

Рис. 4. Лепной сосуд — курган 8

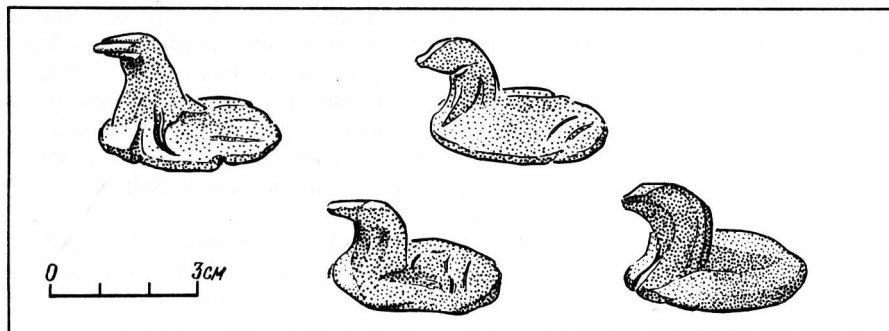

Рис. 3. Уточки из воска — курган 5, погребение 3

Горшки обнаружены в десяти погребениях, в основном по одному экземпляру, лишь в одном захоронении (погребение № 3 кургана 5) их было два. Все сосуды ставились у ног, устьем вверх, в заполнении следов обрядовой пищи не замечено.

Посуда вся лепная, тесто грубое, с примесью песка и раковин, обжиг слабый, толщина стенок от 0,4 до 1 см. Размеры их чаще всего небольшие, высота от 9 до 14 см, диаметр дна 8—9 см, горла — от 12 до 16 см.

Форма сосудов разнообразная, среди них встречаются как приземистые баночные, у которых диаметр днища и горла почти одинаков, плечики выступают слабо и наибольшее расширение приходится на середину высоты тулова (пять сосудов), так и горшки более вытянутых пропорций с расширением тулова в верхней четверти высоты и узким дном (шесть сосудов). Причем в погребениях

одного кургана (курган 5) обнаружены разные по форме сосуды; следовательно, эти различия не вызваны этническими или хронологическими факторами.

На четырех сосудах имеется орнамент из круглых ямок, нанесенных палочкой и сгруппированных по три — четыре, вдавлений пальцем (рис. 4) и насечек в виде креста, остальные — неорнаментированные. Близкие по формам сосуды с подобной орнаментацией известны в памятниках Белозерья.

Как мы уже отмечали выше, погребальный инвентарь могильника Кобожа II довольно беден. Поэтому определить время его существования затруднительно. Однако находки топоров, удила и лепной керамики дают некоторое основание отнести могильник к началу XI—XII вв. По всей видимости, могильник Кобожа II можно датировать тем же временем, что и расположенное рядом с ним кладбище Кобожа I, в котором наблюдается похожий обряд погребения, сходная керамика.

Этот рядовой сельский некрополь, как и курганная группа Кобожа I, оставлен славяно-финским населением. И хотя незначительное количество сохранившихся женских погребений с невыразительным инвентарем существенно затрудняет возможность судить об этносе, тем не менее традиции веси четко прослеживаются как в обряде (шесть погребений с меридиональной и юго-восточной ориентировкой, трупосожжение с конем), так и в инвентаре. Находки восковых уток, лепной керамики, орудий труда в погребениях указывают на финно-угорские традиции в материальной и духовной культуре населения, оставившего курганы.

Таким образом, могильник Кобожа II принадлежит веси, которая в этот период подверглась значительному воздействию древнерусской культуры.

-
1. Кочуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973.
 2. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Т. II // САИ. М.; Л., 1966. Е1-36.
 3. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. // САИ. Л., 1973. Е1-36.
 4. Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. М., 1979. Е1-59.

Гончарный комплекс первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5

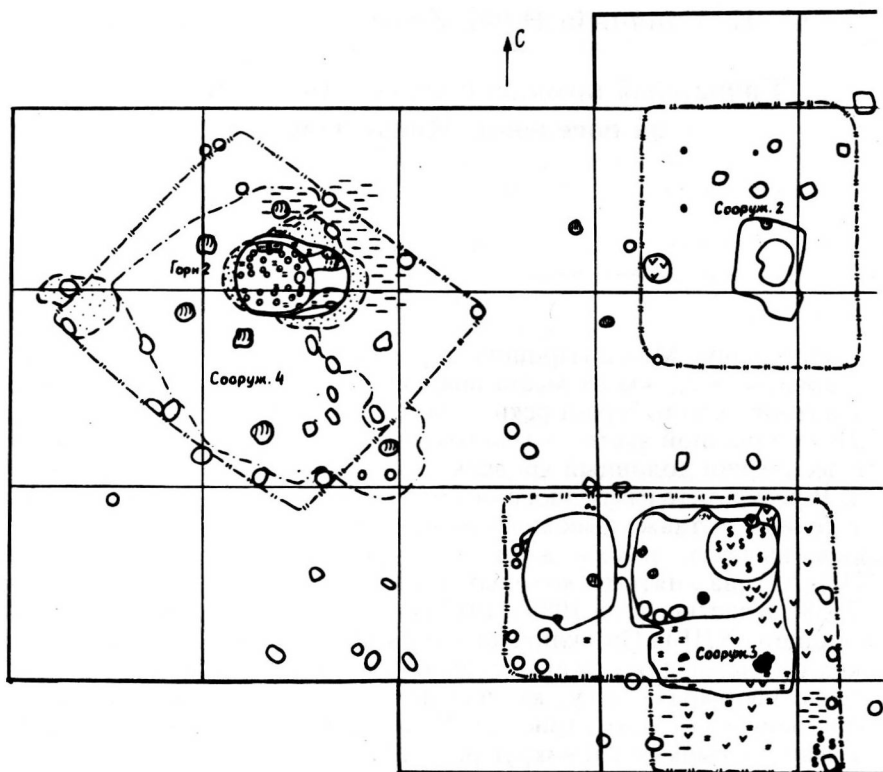
Поселение Монастырщина 5 расположено на левом берегу р. Непрядвы, в 2,3 км от места впадения ее в р. Дон. Протяженность памятника вдоль берега реки — более 400 м; рельеф его неоднородный: в западной части — участок коренного берега, в восточной — более низкий долинный уровень.

В результате ежегодного осмотра поверхности распаханной части селища, а также высокочастотной микромагнитной съемки* удалось выявить шесть жилых и производственных комплексов XII—XIV вв., пять из которых изучены раскопками (1. С. 47; 2. С. 57, 58), в частности, в 1986—1987 гг. — гончарный комплекс первой половины XIII в. Он включает в себя пять сооружений: три мастерских с печами для обжига керамики, помещение, где могла происходить формовка и сушка посуды, и хозяйственную постройку с небольшим погребом (рис. 1). Учитывая данные микромагнитной съемки, не выявившей вокруг раскопанных сооружений антропогенных аномалий, с определенной долей уверенности можно заключить, что гончарный комплекс, площадью немногим более 400 кв. м., исследован полностью.

От жилой части селища он отделяется небольшим оврагом и располагается на участке коренного берега, имеющего незначительный покат к реке.

Остатки *сооружения 1* (рис. 1) зафиксированы в северной части раскопа и представляют собой квадратную яму с почти вертикальными стенками (размеры $3,1 \times 2,9$ м, глубина до 0,37 м). Ориентировка постройки — север — юг с небольшим отклонением на восток. В северо-западном углу возвышается развал глинобитной печи, примыкающий к северной и западной стенкам ямы. Развал печи вместе с заплывом, образовавшимся от рухнувших стен и свода, имеет прямоугольную форму ($1,9 \times 1,25$ м). Сохранившийся под имел размеры $1,6 \times 1,2$ м и наклон в сторону устья. Зафиксировано три слоя его подмазки, толщиной 3—4 см каждый. В

* За три года работ (1985—1987) была обследована площадь более 20 тыс. кв. м. В работах принимали участие студенты геологического факультета МГУ под руководством Ю. В. Юнаковской и группа сотрудников Центрально-Казахстанской экспедиции под руководством С. Е. Иткис и М. Я. Каца.

приустьевой части под имел чашевидное углубление — место закладки топлива. Стенки обжигательной камеры неоднократно подмазывались и были прокалены в средней части на глубину 10—12 см, а в северной — 6—8 см.

Стенки и свод печи были смонтированы на деревянном каркасе, следы вертикальных столбов которого прослежены с внешней стороны (западная стенка). Глинобитный свод печи формировался на деревянном опечке, крепившемся к столбам. Подпечная забутовка состояла из камней и керамики. В предустьевой части печи много крупных черепков, образующих как бы вымостку. В предпечье и восточной части помещения встречены округло-продолговатые «батоны» серо-синей гончарной глины, а также обломок необожженного горшка в скоплении сырцово-красной глины; вдоль южной стенки — развалы трех сосудов, один из которых корчага. Вход в помещение располагался в западной стенке, ближе к юго-западному углу, где сохранилась вырезанная в материке ступенька шириной 0,78 м.

В постройке обнаружены: фрагмент жернова, обломок стеклянного браслета, точильный брусок, костяная рукоять ножа, железный нож (рис. 7, 15, 6).

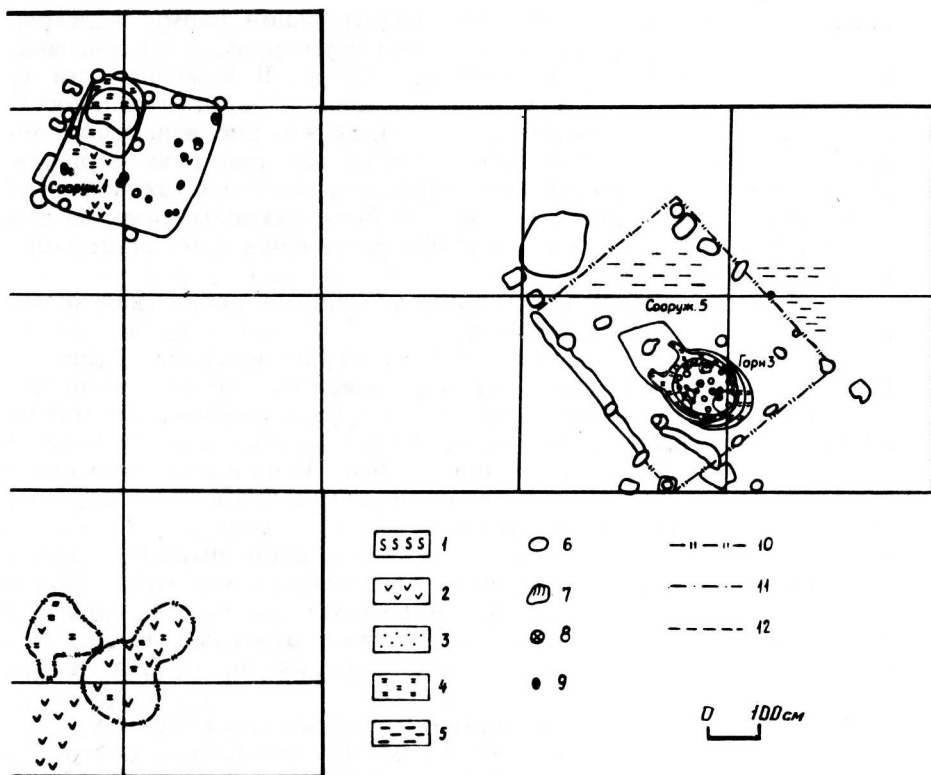

Рис. 1. План гончарного комплекса поселения Монастырщина 5

1 — зола; 2 — уголь; 3 — песок; 4 — прокаленная глина; 5 — бурый суглинок; 6 — яма; 7 — камень; 8 — прокаленный камень; 9 — «батон» серо-синей гончарной глины; 10 — примерная граница сооружения; 11 — граница выхода природного камня и щебня; 12 — граница песчаной забутовки

Сама постройка площадью 9 кв. м имела, по-видимому, столбовую конструкцию; по ее периметру выявлено восемь ямок от столбов. Рядом с западной стенкой две парные столбовые ямки, судя по форме и расположению, вероятно, следы от скамьи.

Сооружение 1, скорее всего, представляет собой гончарную мастерскую, на что указывает наличие значительной по размерам печи, а также «батоны» гончарной глины и обломок необожженного горшка.

Сооружение 2 расположено в 1,5 м к юго-западу от постройки 1 (рис. 1). Его контур и границы выявились по темно-серому гумусированному пятну с включением мелких угольков, керамики, обмазки. Куски обмазки встречались в основном по контуру пятна. Сооружение прямоугольной формы, ориентировано по линии север — юг и имеет размеры 5,6 × 4,2 м. В пределах постройки выявлено

шесть столбовых ямок и яма подпрямоугольной формы, перекрытая сверху углистым слоем из сгоревших плах. Размеры ямы $1,6 \times 1,3$ м, глубина от поверхности 1,1 м. В нижней части ее заполнения встречены фрагменты керамики, рыбы и птичьи кости. В верхней — крупные куски известняка, служившие, вероятно, опорами деревянного перекрытия, а также развалы двух горшков, глиняные пряслица, обломки стеклянных браслетов. Судя по форме, размерам и заполнению, яма может быть реконструирована как погреб. В северной части сооружения расчищены развалы нескольких горшков и корчаги.

Сооружение 2 можно, по-видимому, рассматривать как хозяйственную постройку с погребом.

Сооружение 3 располагалось в 3 м к югу от постройки 2 (рис. 1). Его заполнение выделяется гумусированностью грунта, насыщенностью мелкими угольками, золой, обмазкой, щебнем, керамикой. Размеры сооружения с запада на восток 6,8 м, с севера на юг в западной части 3,9 м, в восточной — 5,9 м. На площади сооружения выявлено 18 столбовых ям и две подпольных. Одна из подпольных ям имела неправильную прямоугольную форму — $1,8 \times 2,4$ м, глубину 0,4 м. С западной и южной сторон имеются выемы округлой формы со значительным содержанием угольков. Другая яма — прямоугольная, со скругленными углами, 3×4 м, глубиной 0,4 м. В северной ее части обнаружен округлый выем, а в северо-восточном углу выявлено зольное пятно — $1,4 \times 1,25$ м, мощностью 6 см.

В южной части сооружения расчищена прослойка бурого суглинка $0,9 \times 0,3$ м, мощностью до 0,1 м. По периметру постройки выявлено 11 ям от столбов конструкции. Учитывая незначительную глубину столбовых ям (до 15 см), можно предположить, что сооружение 3 имело каркасную (столбовую) конструкцию с обвязкой верхних и нижних частей стоек несколькими венцами*.

На площади постройки 3 обнаружены два развала сосудов, фрагменты жернова, глиняные пряслица, керамический шлак, «батоны» серо-синей гончарной глины, куски охры, обломки стеклянных браслетов, кости животных, большое количество керамики.

Сооружение 3 можно интерпретировать как наземную постройку с подпольными ямами, скорее всего, производственного назначения. Хотя не исключено, что в ряде случаев она могла использоваться и как временное жилое помещение, на что указывают находки кухонных отходов, фрагменты керамики со следами нагара, а также некоторые бытовые находки.

К востоку от описанного сооружения выявлено два углистых с вкраплениями прокаленной глины и керамики пятна неправильно-

* Авторы выражают благодарность зав. кафедрой Московского архитектурного института, доценту А. В. Шишкову за помощь в изучении конструктивных особенностей сооружений.

овальной формы, размерами $2,8 \times 1,8$ м и $1,3 \times 1$ м, мощностью 7 см, являющихся, по-видимому, выбросом из печей.

Сооружение 4. К северо-западу от сооружения 3 располагались остатки постройки 4, прямоугольной в плане, размером $6,1 \times 5,5$ м, ориентированной СЗ—ЮВ (рис. 1). Контуры сооружения 4 прослеживаются по интенсивности пестроцветного заполнения вокруг глинобитного горна, особенно с востока и севера. С юго-западной стороны от горна выявлены природные выходы камня со щебнем, возможно, искусственно подправленные, образующие возвышение шириной до 2 м. По краям возвышения находилось семь неглубоких столбовых ям. Возможно, что описанная конструкция является остатками помоста внутри постройки. По периметру сооружения выявлено 11 неглубоких столбовых ям. По-видимому, конструкция стен данной постройки схожа с конструкцией стен сооружения 3.

В северной части сооружения 4 находился двухъярусный глинобитный гончарный горн № 2 с выносным топочным каналом, ориентированным на восток (рис. 2). Горн в плане округлой формы, внешний диаметр 1,6 м, внутренний (обжигательной камеры) — около 1,2 м. Верхняя часть горна сохранилась на уровне глинобитного пода обжигательной камеры, имеющего толщину 10—20 см. В горизонтальной перегородке 12 продухов диаметром 8—10 см, два из которых замазаны. Один большой продух расположен у начала топочного канала. На поверхности продухов сохранился слой глиняной обмазки толщиной до 1,5 см. Некоторые каналы-продухи были проложены под углом в толще перегородки для более равномерного распределения тепла в обжигательной камере и лучшего прогревания пода.

Нижняя, топочная часть горна немного заглублена в материк, для чего в слое природного щебня была выкопана яма глубиной 0,25 м. Топочная камера высотой 0,4 м имела сводчатое перекрытие, уплощенный верх которого являлся подом обжигательной камеры. В середине нижней камеры размещался опорный, сильно ошлакованный столб-«козел» толщиной и высотой 0,4 м. Топочная камера горна соединялась с топочным каналом длиной около 0,7 м, шириной по внешнему контуру около 1 м, по внутреннему — 0,55 м. Толщина его стенок 20—25 см. В самой широкой части стенок топочного канала имелись выступы-контрфорсы с замазанными крупными камнями. В северной стенке канала почти под камнем контрфорса был продух (диаметр 8 см), обращенный под углом к истоку топочного канала. Аналогичный канал шел сверху, со свода топки. Вероятно, это отверстия для нагнетания воздуха.

Топочный канал заполнен углем, золой и золистой коркой толщиной до 18 см. Среди угля попадались прутья, в предутьевой части — обрывки березовой коры. В основании топочного канала, имевшего наклон вовнутрь печи, была земляная подушка из бурого суглинка, лежавшая на каменистом дне ямы горна. Вокруг горна отмечена подсыпка песка толщиной до 0,2 м, сделанная для уменьшения теплоотдачи печи.

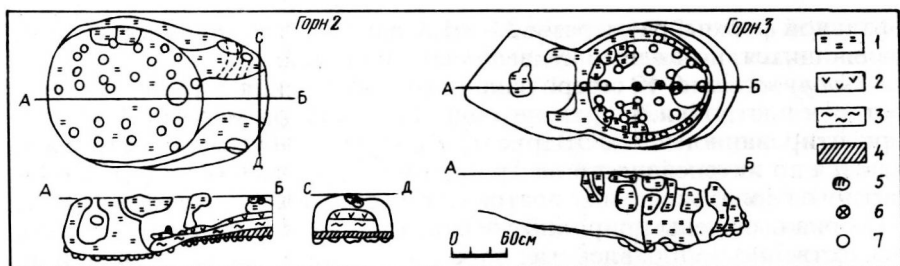

Рис. 2. Планы гончарных горнов 2, 3

1 — прокаленная глина; 2 — уголь; 3 — золотистый слой; 4 — бурый суглинок; 5 — камень; 6 — замазанный продух; 7 — продух

Свод обжигательной камеры, скорее всего, был глинобитным, на деревянном каркасе. На это указывают девять овальных ямок от выгоревших жердей каркаса (диаметр 6—8 см). Наличие большого количества обмазки в продухах и в отделениях нижней камеры также свидетельствует о глинобитной конструкции верхней части обжигательной камеры.

Описанный горн имеет достаточно распространенную конструкцию, но можно отметить и некоторые своеобразные черты: небольшая заглубленность в материк (0,25 м), наличие мощного канала — топки и отверстий в нем для нагнетания воздуха, отсутствие предгорновой ямы. Несомненно, постройка 4 является гончарной мастерской.

Сооружение 5 — аналогично по назначению и конструкции постройке 4, расположено в восточной части раскопа (рис. 1). Его контуры выявились по пестроцветному суглинистому пятну размером 4,4 × 3,6 м. По периметру пятна располагаются столбовые ямки, а вдоль юго-западной стенки мастерской в материке выявлена канавка, являющаяся ложем горизонтально лежавшего бревна. Это еще раз указывает на каркасную (столбовую) конструкцию стен с обвязкой в виде нескольких нижних венцов.

В юго-восточной части сооружения 5 располагается двухъярусный глинобитный гончарный горн № 3 (рис. 2). Горн, как и вся постройка, ориентирован по оси северо-запад — юго-восток, с выходом устьевой части топки на северо-запад. Горн овальный в плане, внешний размер 1,6 × 1,3 м, внутренний (обжигательной камеры) 1 × 1,2 м. Под глинобитный, с наклоном к задней части горна. В нем 20 продухов диаметром 6—8 см, три из которых замазаны. В толще пода размещались горизонтальные и вертикальные каналы, которые делили его условно на два горизонта. Нижний, толщиной 15—18 см, был покрыт вымосткой, состоящей из крупных фрагментов сосудов, и глинобитным пластом толщиной 18 см. Верхний горизонт пода в задней части печи тоньше, только 6—7 см, вероятно, для лучшего прогрева. Наклонные и горизонтальные каналы

нижнего горизонта соединялись с вертикальными коленами верхнего горизонта. Толщина пода достигала 40 см и лежала на опорном, сильно ошлакованном столбе толщиной до 60 см.

Топочная камера высотой до 0,4 м имела сводчатое перекрытие, уплощенный верх которого являлся подом обжигательной камеры. Нижняя ее часть заглублена в грунт на 0,4 м. Котлован, с наклоном к задней части горна, имеет продолжение в виде предгорновой ямы неправильной прямоугольной формы, вытянутой вдоль оси печи.

Топочный канал, судя по сохранившимся стенкам, имел длину 0,4 м, высоту 0,3 м, ширину 0,6 м. Его перекрытие, вероятно, было арочным. В канале и в передней части топочной камеры сохранилась толстая корка золы, остатки недогоревших дров. В толще передней стенки горна выявлено поддувало шириной 6—7 см, соединяющееся с началом топочного канала и направленное наклонно внутрь печи.

Стенки и свод горна были сооружены из глины, на жердевом каркасе. С задней стороны печи выявлено 11 ямок от жердей толщиной 5 см.

Своеобразие данного горна заключается в усложненной системе продухов, расположенных в толще горизонтальной перегородки — череня, в наличии поддувала в передней стенке печи, в овальной форме его пода.

Находки гончарных горнов на поселениях сельского типа — явление не частое. Это объясняется тем, что далеко не многие селища раскапываются широкими площадями. Еще реже исследуются окраинные участки поселений, где, как правило, располагаются пожароопасные производства. Помимо описанных, в бассейне Верхнего Дона известны находки еще трех двухъярусных глинобитных горнов. Это горн № 1, обнаруженный на поселении Монастырщина 5, в 300 м к востоку от описанного гончарного комплекса. Горн — двухъярусный на опорном столбе, с выносной топкой и предгорновой ямой (З. С. 80—81). Дата — середина — вторая половина XIII в.

Конструктивно похожий горн раскопан В. И. Матвеевой на поселении Яблонино в Краснинском районе Липецкой обл. (4). Это хорошей сохранности глинобитная, круглая в плане (диаметром 1 м) печь с выносной топкой длиной 0,6 м. По периметру пода обжигательной камеры расположены 8 продухов диаметром 7—9 см. Горн без опорного столба, горизонтальная перегородка — черень поддерживалась небольшим выступом, идущим от задней стенки топочной камеры. Топочный рукав шириной 0,5 м и толщиной стенок 0,1 м, имел, вероятно, сводчатое перекрытие. Горн находился в юго-западном углу сооружения подпрямоугольной формы размером 6 × 4,6 м, углубленного в материк на 0,8 м. Производственный комплекс располагался на окраине поселения, в 30 м от жилых домов.

Другой гончарный двухъярусный глинобитный горн с опорным

столбом и выступающей топкой известен на поселении у с. Каменное Грязнинского района Липецкой обл. Горн — ямного типа, с предгорновой ямой. Его дата — вторая половина XIII в. (5. С. 99—103).

Двухъярусный глинобитный на деревянном каркасе гончарный горн ямного типа был раскопан на городище Супруты в Тульской обл. Его дата — X в. (6. С. 130—133).

Гончарный комплекс, включающий двухъярусные гончарные горны ямного типа, исследован также на Райковецком городище (7. С. 116—117).

Если гончарных горнов, конструктивно схожих с печами, обнаруженными на поселении Монастырщина 5, известно достаточно много, и это, как правило, одиночно стоящие горны, то на сельском поселении подобный комплекс сооружений по обжигу гончарной продукции — явление достаточно редкое. Если учесть, что подобные мастерские функционировали регулярно и одновременно (стратиграфические наблюдения и планиграфия находок дают основание для такого заключения), то они могли производить значительное количество продукции не только для жителей данного поселка, но и округи.

Ассортимент выпускаемой гончарной продукции невелик. Главным образом это горшки различных размеров, миски, корчаги, крышки, пряслица. Посуда сформована на ручном гончарном круге в технике спирально-жгутового налепа. Применялись два вида гончарных глин: серо-синие бележущиеся и красножгущиеся. В качестве примеси добавлялся песок.

Большинство посуды изготовлено из серо-синих глин. Хорошо обожженные изделия — белого цвета. Недостаточно обожженные сосуды могли иметь различные оттенки: серый, сине-черный, черный. После повторного обжига, произведенного при температуре 900°, недообожженные черепки приобретали белый цвет*. Иногда к серо-синей глине добавлялось немного красножгущейся, в результате чего посуда после обжига принимала желто-розовый цвет.

На площади комплекса собрана значительная керамическая коллекция, состоящая из 44487 фрагментов, но только в восьми случаях удалось реконструировать целые формы. Ввиду малочисленности они использовались лишь для сопоставления результатов, полученных при статистической обработке верхних частей сосудов, проведенной по методике, которая предложена В. Ф. Генингом (8. С. 114—136), с внесением коррективов, связанных с особенностями форм горловин сосудов рассматриваемого памятника. Так, в параметры измерений внесены два новых: P'_2 — диаметр горловины в самой узкой части и P'_6 — высота горловины до самой узкой части. Из соотношений высотно-горловинного указателя $\frac{P_6}{P_2}$, где P_6 — высота горловины, и указателя профилировки шейки $\frac{P_1 - P_2}{2} : P'_6$, где P_1 — диаметр венчика, видно, что по пропорциям

* Определение проведено научным сотрудником ГИМ И. В. Климовой.

верхней части 97,5% сосудов образуют довольно компактную группу (при обработке учтено 270 фрагментов верхних частей сосудов). Эта группа представлена в большинстве случаев горшками, которые в основном низкогорлые, со средне- и сильнопрофилированными горловинами; 2,5% верхних частей сосудов имеют иные пропорции и являются слабопрофилированными.

Проведены расчеты указателя выпуклости плечика по формуле $\frac{P_3 - P_2}{2} : P_7$, где P_2 — диаметр горловины у основания, P_3 — наибольший диаметр тулова, P_7 — высота плечика.

Полученные данные (учтено 195 фрагментов) расположены в пределах от 0,25 до 0,7, что соответствует, по Генингу, сосудам со слабо- и средневыпуклыми плечиками. Целые горшки низко- и среднегорлые, широкогорлые, среднепрофилированные, со средневыпуклыми плечиками, широкодонные.

При составлении типологии за основу деления взята форма венчика, для чего было отобрано 1760 верхних частей сосудов*. По данному показателю удалось выделить пять типов горшков (рис. 3).

Тип 1 (346 фрагментов — 19,7%). Характеризуется отогнутым наружу, без утолщения венчиком с округлым, срезанным или приостренным краем.

Тип 2 (1027 фрагментов — 58,3%). Имеет отогнутый наружу венчик с загнутым внутрь краем, образующим с внутренней стороны желобок для крышки.

Тип 3 (106 фрагментов — 6%). Имеет отогнутый наружу венчик с загнутым краем в виде «козырька» или образует утолщения различной формы.

Тип 4. (84 фрагмента — 4,8%). Имеет отогнутый наружу венчик с припухлым краем. У некоторых фрагментов он уплощен и скошен наружу, образуя округлый или приостренный край, а на внутренней поверхности горла образуется небольшая бороздка.

Тип 5. (153 фрагмента — 8,7%). Венчик отогнут наружу, край завернут внутрь, образуя уплощенные и округлые утолщения, с внутренней стороны — небольшая бороздка.

Среди материалов гончарного комплекса поселения Монастырщина 5 наиболее распространенными являются горшки типа 2, датирующиеся концом XII — первой половиной XIII в., и встречающиеся на всей территории Руси (9. С. 79, табл. 1, рис. 9, *Б, В, И, О*; 10. С. 29, рис. 5, 1, 3, 7; 11. С. 53, рис. 1; 12. С. 65, 66, рис. 5, 5—7, рис. 6, 3, 9, 12; 13. С. 22, рис. 9, 8—15; 14). Горшки типа 1 имеют более широкие хронологические рамки — XI—XVI вв. и также являются общерусскими. Горшки типов 3—5 бытуют как на памятниках домонгольского времени, так и последующих периодов (15. С. 69, рис. 23; 16. Рис. 22, 24, 34; 17. С. 91, рис. 3, 7, 16; 12. С. 65, 66, рис. 5, 16, 17, рис. 6, 1, 10, 14, 16; 13. С. 23, 24, рис. 10, 11).

Преобладают горшки средних размеров с диаметром по венчику 18—22 см, есть небольшие сосуды, имеющие диаметр 12—15 см,

* Данные приведены по материалам раскопок 1987 г.

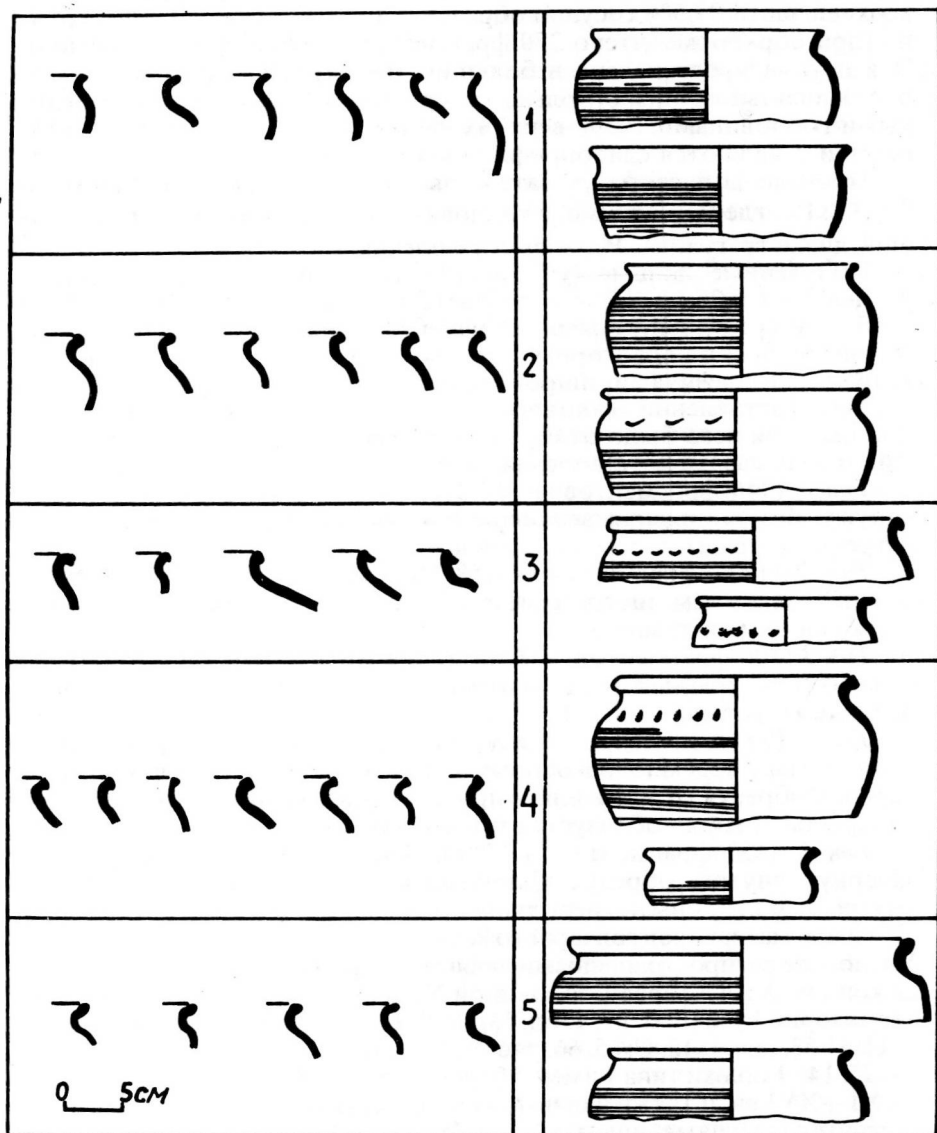

Рис. 3. Типы горшков

единичны большемерные горшки с диаметром 33—35 см. Подавляющее большинство горшков орнаментировано. Декор обычно занимает верхнюю треть сосуда, спускаясь иногда ниже максимального расширения тулова. Хотя орнаментированных фрагментов всего 29,9% от общего количества найденной керамики, обломки верхних частей сосудов практически всегда украшены.

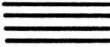
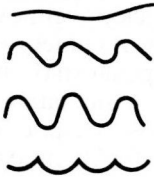
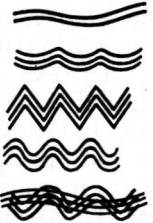
Линейный			Кол. 12382 92,9%	
сплошной	зонный	рифленце		
				
Волнистый			590 4,4%	
однорядный	многорядный			прерывистый
				
Линейно - волнистый смешанный			54 0,4%	
      				
Расчесы				
 			184 1,3%	
Насечки; в виде запятой				
     				
Орнамент, нанесенный зубчатым колесиком			27 0,2%	
 				

Рис. 4. Виды орнамента

Наиболее распространенным является линейный орнамент (92,9% от числа орнаментированной керамики) (рис. 4). Как правило, сплошной линейный узор покрывает плечико горшка, а тулово украшено линейным зонным орнаментом, который наносился гребенчатым инструментом. Иногда встречаются горшки с разреженным линейным узором — рифлением.

Реже (4,4%) в декоре используются волнистые линии, отличающиеся разнообразием.

Есть фрагменты со смешанным линейно-волнистым узором (0,4%). Небольшой процент составляют горшки, орнаментирован-

ные «расчесами» (1,3%), насечками, «запатыми» (0,7%). Всего 27 фрагментов (0,2%) имеют отпечатки, нанесенные зубчатым колесиком.

Орнаментация посуды из гончарного комплекса поселения Монастырщина 5 традиционная для древнерусской керамики XII — первой половины XIII в. и имеет широкие аналогии. Как правило, на древнерусских памятниках домонгольского времени преобладает линейная орнаментация (18. С. 132; 19. С. 92), и керамика бассейна Верхнего Дона не является исключением. Интересно наличие на посуде, хотя и в небольшом количестве, различного рода насечек и «запатых», изредка встречаемых на керамике поселений как Северо-Восточной Руси, так и на памятниках южнорусских и западнорусских земель (20. С. 38—39, рис. 6, 7; 17. С. 90—91, рис. 2, 3; 10. С. 29—30, рис. 5, 6). Редкими являются узоры в виде горизонтальных и вертикальных «расчесов», нанесенных многозубым гребнем. Необычный для древнерусской керамики орнамент «расчесы», а также распространившиеся в X в. «запатые» и рифление, своими корнями связанные с керамикой салтово-маяцкой культуры, в первую очередь проявляются в орнаментации посуды южнорусских земель (21. Рис. 9, 7, 8, рис. 15, 9, 12).

Сосуды с вертикальными и сужающимися или расширяющимися к устью горловинами (44 экз. — 2,5%) близки по форме тулова и размерами к горшкам (рис. 5, 1—10). Диаметр их устья от 8 до 20 см, край венчика скруглен, прямо срезан или скошен внутрь, иногда слегка оттянут наружу. Верхняя часть тулова и горловина орнаментированы однорядной или многорядной сплошной и прерывистой волной. Подобная керамика встречена в Новогрудке (10. С. 30, рис. 6, 1, 2), на поселении у с. Сенча на Суле (17. С. 91, рис. 3, 22), на Шиловском поселении на р. Воронеж (13. С. 25, рис. 12, 1, 2, 3). Возможно, данными признаками обладают сосуды с боковыми ушками (рис. 6, 1, 3), аналогии которым имеются в материалах летописного Юрьева на Роси (20. С. 38, рис. 6, 4).

Мискообразных сосудов в коллекции 23 экз. (или 0,05% от всего керамического материала) — двух типов. Их высота, как правило, в два и более раз меньше максимального диаметра тулова.

К *типу 1* относятся миски, напоминающие горшки (рис. 5, 11—16, 18, 19). Они низкогогорлые, широкогорлые, слабо-, средне- и сильнопрофилированные, со средневыпуклыми плечиками. Венчики отогнуты наружу, их края оформлены просто, без утолщений или образуют утолщения различной формы, иногда загнуты внутрь, где прослеживается желобок для крышки. Диаметр по венчику 13, 15, 16, 19—22 см, как правило, равен или немного превосходит размер максимального расширения тулова. Орнамент линейный, волнистый прерывистый, в виде «запатых».

Миски *типа 2* имеют прямые или слегка выпуклые стенки, суживающиеся ко дну (рис. 5, 17). Диаметр устья 15—16 см. Одна из мисок этого типа со следами подрезки стенок ножом.

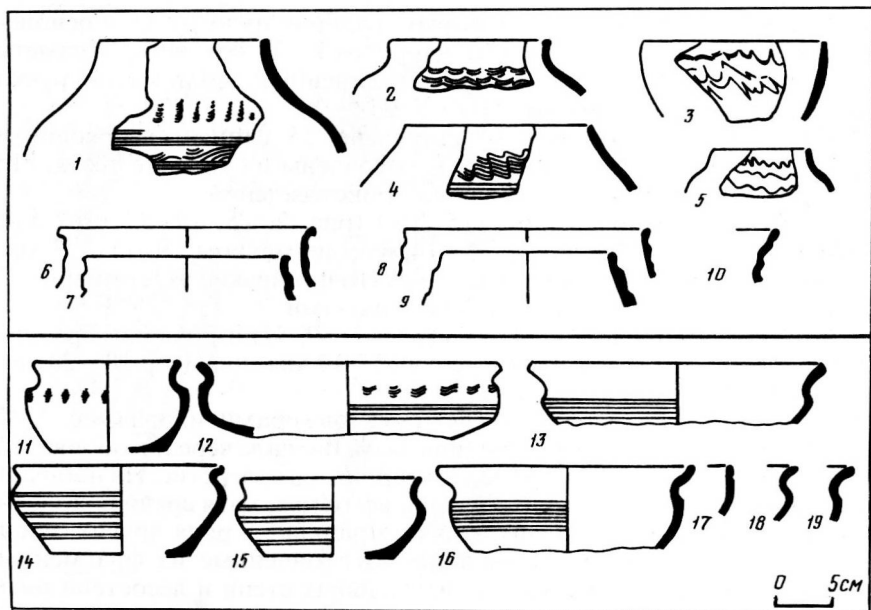

Рис. 5. Посуда редких форм (1—10), миски (11—19)

В коллекции присутствуют фрагменты большемерных сосудов-корчаг для хранения припасов. Диаметр их устья 16—7 см, наибольшее расширение по тулову до 50 см, толщина стенок 6—13 мм. В двух случаях корчаги орнаментированы «расчесами», в одном — линейно-зонным узором.

На площади гончарного комплекса обнаружено 65 экз. донцев с клеймами. Все они оттиснуты в матрицах, вырезанных из дерева, 62 фрагмента имеют схожую композицию — круг в круге. Удалось выявить 14 клейм, полученных из одной матрицы (рис. 6, 12). Планиграфически они распространены по всему раскопу и найдены в каждом сооружении. Одно из них встречено в толще пода горна № 3. Подобное нахождение одинаковых клейм может подтверждать синхронность существования всех сооружений комплекса.

Одно клеймо имеет изображение круга с точкой в центре, другое — «гусиную лапку» (рис. 6, 9, 10). Найден также небольшой фрагмент клейма с вписанным в круг неопределимым знаком (рис. 6, 11). Тип гончарных клейм с изображением круга и знаков внутри широко распространен на древнерусской керамике (22. С. 118, рис. 80; 23. С. 149, 150; 24. С. 207, рис. 9; 25. С. 102, рис. 49; 26. С. 296, рис. 129). Клейма в виде «гусяной лапки» чаще встречаются на болгарских памятниках (27. С. 181, 195; 16. С. 88, рис. 21, 8; 28. С. 239, рис. 4).

Еще одним видом гончарной продукции являются крышки (14

экз.). Они имеют коническую форму, грибовидную ручку и основание двух видов: с небольшим карнизиком и без него. Диаметр крышек 7, 16, 19—22 см; орнамент линейный, волнистый, ручки иногда украшены насечками (рис. 6, 2, 4—8).

Кроме посуды на раскопе встречено 25 глиняных пряслиц и фрагмент шиферного. Глиняные изготовлены из того же теста, что и сосуды, и, скорее всего, местного происхождения.

Наиболее многочисленны (15 экз.) (рис. 7, 28, 29, 33—36) дисковидные пряслица высотой 12—14 мм, диаметром 19, 21—23 мм, с отверстием 5—7 мм, встречены достаточно низкие экземпляры (10 мм). Одно из них (№ 28) украшено наколами.

Округло-биконические (4 экз.) (рис. 7, 30, 31) и боченкообразные (4 экз.) (рис. 7, 26, 27) имеют высоту 15—17 мм, диаметр 18—23 мм, диаметр отверстия 5—7 мм.

Пряслиц, изготовленных из фрагментов керамики, два (рис. 7, 37, 38). Их диаметр 27—28 мм, толщина 6 мм. Вначале черепок оббивался, затем обтачивался край пряслица и сверлилось отверстие. На площади гончарного комплекса таких пряслиц всего два, хотя среди находок в жилых комплексах поселения Монастырщина 5 и ряда других селищ их значительно больше. Пряслица, изготовленные из фрагментов керамики, чаще встречаются на памятниках степи и лесостепи юго-востока Русской равнины, но появились они еще во второй половине I тыс. н. э. (29. С. 350; 30. С. 138; 13. С. 29; 14. С. 93, рис. 4, 8).

В производственных мастерских поселения Монастырщина 5 обнаружено небольшое количество инструментов, которыми могли пользоваться гончары. Это различные по форме и назначению ножи, обоюдоострая стамеска, втульчатое фигурное долотце, фрагменты жернова. Наиболее распространенными и универсальными среди них были железные ножи (15 экз.). 10 ножей (рис. 7, 1—5) с прямой или скошенной к острию спинкой, длиной лезвия 5—8 см, которое иногда сильно сработано. Два ножа (рис. 7, 6, 7) с изогнутым лезвием. У одного из них горбатая спинка, лезвие длиной 6,5 см и черешок 3,5 см. Лезвие другого ножа (длиной 7,5 см) обрублено и расковано с двух сторон. Данный инструмент использовался, по-видимому, в качестве скобеля. Два ножа (рис. 7, 8, 9) — с длинным черенком (4—5 см) и коротким (1,5—2 см) обломанным заточенным лезвием. Спинка немного наклонная. Интерес представляет нож (рис. 7, 10), лезвие которого сложено, образуя рабочую часть петлеобразной формы.

Рукояти ножей, видимо, были деревянными, лишь однажды встречена костяная (рис. 7, 15). Найдена костяная, миндалевидной формы обойма от рукояти ножа длиной 25 мм, шириной 14 мм. Она не закончена — нет отверстия для насадки на черенок (рис. 7, 32). К инструментарию можно отнести небольшую, длиной 7 см, обоюдоострую стамеску для работы по дереву (рис. 7, 11). Другим деревообрабатывающим инструментом является маленькое втульчатое фигурное долотце (рис. 7, 12), длиной 4 см и шириной рабочей части 1,5 см. Аналогичный экземпляр найден при раскопках Слободки (31. С. 96, рис. 50, 2).

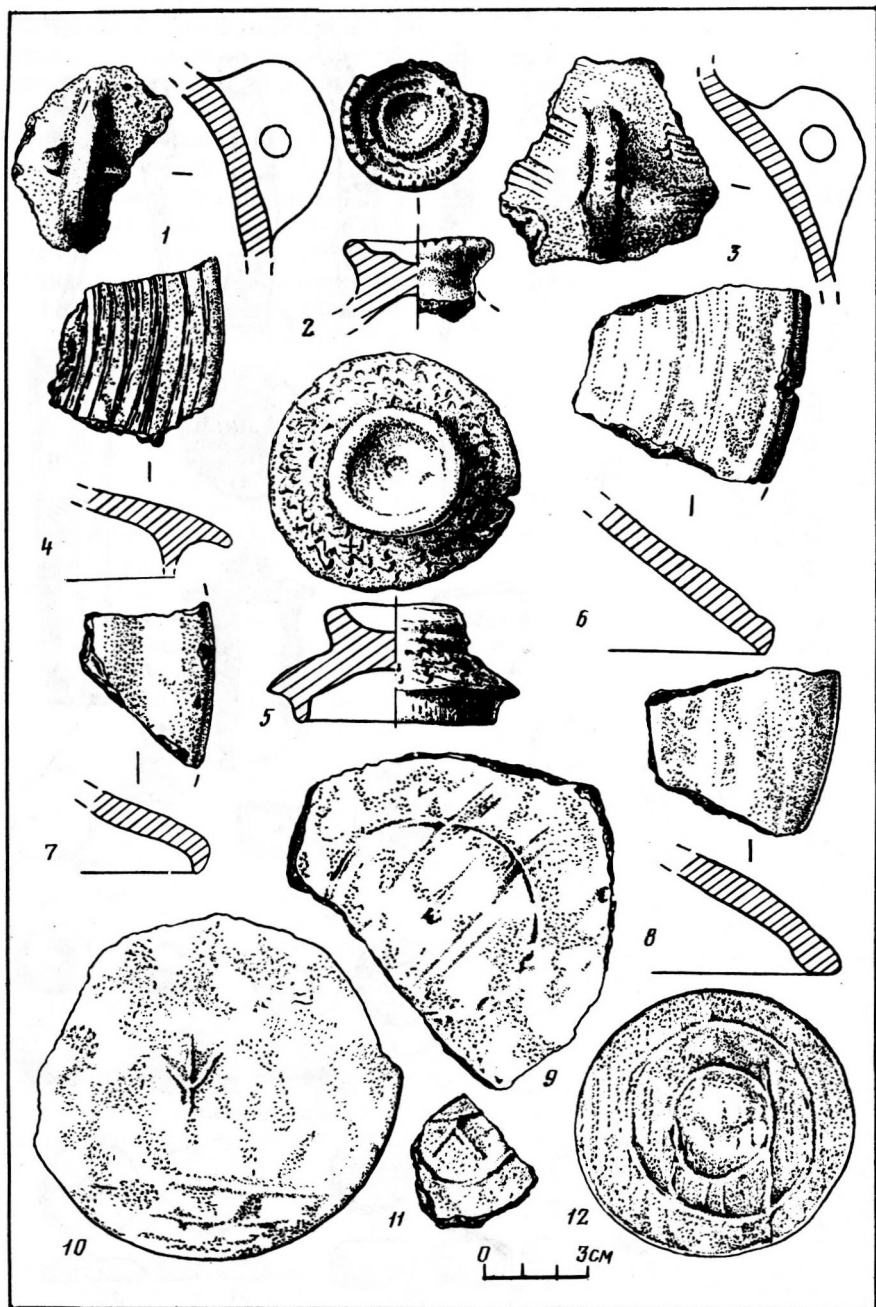

Рис. 6. Сосуды с ручками (1, 3), крышки (2, 4—8), гончарные клейма (9—12)

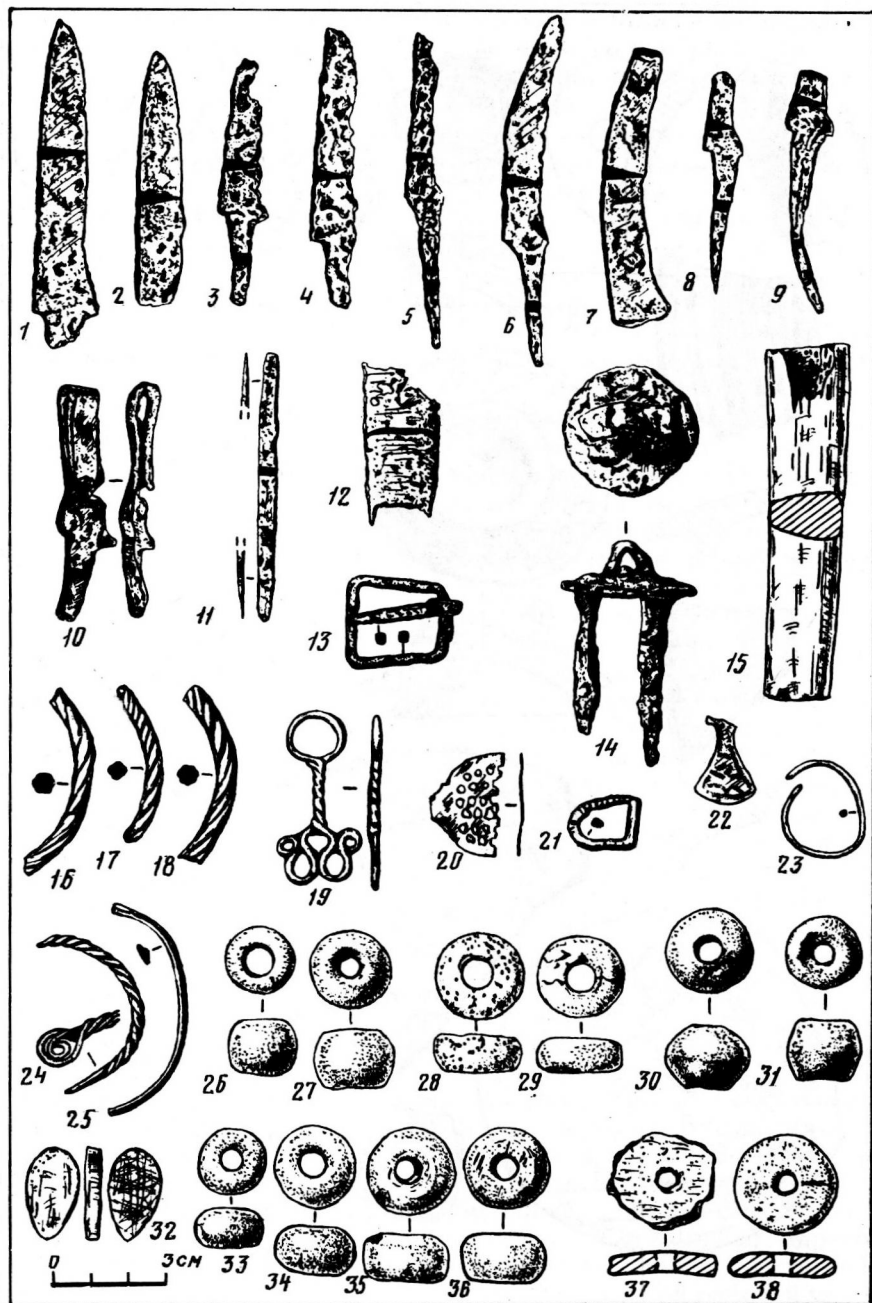

Рис. 7. Находки из железа (1—14), кости (15, 32), стекла (16—18), цветного металла (19—25), глины (26—31, 33—38)

Чрезвычайно интересны на данном комплексе находки фрагментов верхней и нижней частей жернова, изготовленного из крупнозернистого известняка. Жернов мог применяться как для бытовых, так и производственных целей, например, для размельчения примесей или размола зерна и получения муки, необходимой при изготовлении раствора для обваривания посуды (32. С. 17). Аналогичные инструменты существовали в гончарстве болгар и, вероятно, у русских гончаров (33. С. 69—70, рис. 6).

Из бытовых предметов, обнаруженных на площади гончарного комплекса, отметим донце цилиндрического замка (рис. 7, 14) и трапезиевидную железную пряжку (рис. 7, 13).

Небольшой серией представлены ювелирные изделия. Из цветного металла изготовлены браслеты — фрагменты литого дровового и витого тройного проволочного (рис. 7, 24, 25), два колечка — проволочное и литое (кольцо с насечкой, по-видимому, посеребренное) (рис. 7, 21, 23). Из характерных вятических украшений найдены лопасть серебряного семилопастного височного кольца с орнаментом (рис. 7, 22), фрагмент шестипунктирного решетчатого перстня (рис. 7, 20), литой держатель для амулетов (рис. 7, 19).

Подобные держатели известны на памятниках Московской, Рязанской, Калужской, Смоленской областей и встречаются с вещами XII—XIII вв. (34).

Изделия из стекла представлены 33 обломками крученых и гладких браслетов оливкового, зеленого, бирюзового, желтого и сиреневого цветов (рис. 7, 16—18). По определению Ю. Л. Шаповой, все браслеты киевского производства, конца XII—XIII в. (35).

Итак, подводя итоги, можно отметить, что мастерские изученного гончарного комплекса выпускали основные виды гончарной продукции, необходимой для удовлетворения спроса населения как самого селища, так и, по-видимому, сельской территориальной общины, центром которой являлось поселение Монастырщина 5.

Незначительная мощность культурного слоя, узкие хронологические рамки бытования керамики и вещей, конструктивное сходство и отсутствие каких-либо значительных перестроек или следов ремонта построек, за исключением починки пода обжигательной печи в постройке 1 и небольшого ремонта горнов, свидетельствуют о том, что гончарный комплекс действовал недолго и в какой-то период все сооружения функционировали одновременно. Работы по изготовлению и обжигу посуды носили сезонный характер (18. С. 137).

На основании датировки керамики, стеклянных браслетов и других определимых вещей существование гончарного комплекса Монастырщина 5 относится к первой половине XIII в.

-
1. Гоняный М. И., Мошинский А. П. Разведки и раскопки в районе Куликова Поля // АО, 1984 г. М., 1986.
 2. Гоняный М. И., Мошинский А. П., Недошвина Н. Г. Исследования в районе Куликова поля // АО, 1986 г. М., 1988.
 3. Гоняный М. И. Археологические памятники древнерусского времени на Верхнем Дону // Тез. докл. Всесоюзной конференции. М., 1987.

4. *Матвеева В. И.* Отчет о работе Верхнедонской экспедиции ИА Академии наук СССР в Липецкой области 1975 г. // Архив ИА Академии наук СССР. Р. 1. № 5905. Авторы приносят благодарность В. И. Матвеевой за предоставленную возможность опубликовать материалы ее раскопок.
5. *Матвеева В. И.* Горн для обжига посуды на поселении у с. Каменное // КСИА. М., 1982. Вып. 171.
6. *Изымова С. А.* Гончарный горн на городище Супруты // Новое в археологии. М., 1972.
7. *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев, 1950.
8. *Генинг В. Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1.
9. *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство XII—XVIII вв. // САИ. М., 1968. Е1-39.
10. *Малецкая М. В.* К вопросу о локальных вариантах керамики Западнорусских земель XII—XIII вв. // КСИА. М., 1971. Вып. 125.
11. *Каменецкая Е. В.* Керамика Смоленска XII—XIII вв. // Проблемы истории СССР. М., 1976. Вып. 5.
12. *Пряхин А. Д., Цыбин М. В.* Раскопки многослойного Семилукского городища // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1986.
13. *Пряхин А. Д., Винников А. З., Цыбин М. В.* Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской летописи. Воронеж, 1987.
14. *Гоняный М. И.* Поселение древнерусского времени Монастырщина III на Верхнем Дону // Куликово поле. Материалы и исследования. Труды ГИМ. М., 1990. Вып. 73.
15. *Беляева С. А.* Южнорусские земли во второй половине XIII—XIV в. Киев, 1982.
16. *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
17. *Пескова А. А.* Древнерусское поселение у с. Сенча на Суле // КСИА. М., 1978. Вып. 155.
18. *Мальм В. А.* Производство глиняных изделий // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. М., 1959. Вып. 33.
19. *Седова М. В.* Ярополч Залеский. М., 1978.
20. *Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. М.* Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностях // Земли Южной Руси в IX—XIV вв. Киев, 1985.
21. *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА. М., 1959. № 75.
22. *Монгайт А. Л.* Старая Рязань // МИА. М., 1955. № 49.
23. *Тухтина Н. Б.* Средневековые славянские гончарные клейма // Труды ГИМ., 1960. Вып. 37.
24. *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневне // Археология Рязанской земли. М., 1974.
25. *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XIV вв.) // МИА. М., 1960. № 92.
26. Новое в археологии Киева. Киев, 1981.
27. *Полубояринова М. Д.* Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980.
28. *Гупало В. Д.* Гончарные клейма Прикарпатья и Западной Волыни // СА. 1985. № 4.
29. *Левенок В. П.* Пряслица городища Саркел — Белая Вежа // МИА. М., 1959. № 75. Т. 2.
30. *Москаленко А. Н.* Славяне на Дону: (Боршевская культура). Воронеж, 1981.
31. *Никольская Т. Н.* Городище Слободка XII—XIII вв. М., 1987.
32. *Бобринский А. А.* О древнерусской обварной керамике // Славяне и Русь. М., 1968.
33. *Кокорина Н. А.* О технике биллярского гончарства // Посуда Билляра. Казань, 1986.
34. Курган № 4 близ с. Бочарово Смоленской обл., раскопки Н. И. Булычева, ГИМ. Инв. № 45132; курган № 1 у д. Александровка Московской области, раскопки М. Е. Арсаковой, ГИМ. Инв. № 56112; Калужская область, Серенский городок, собр. Н. И. Булычева, ГИМ. Инв. № 33615.
35. Авторы выражают признательность Ю. Л. Шаповой за проведенное определение химического состава и места изготовления стеклянных браслетов.

**Изделия из цветных металлов
раннеболгарского времени
с территории Болгарского городища**

Среди огромного количества изделий из цветных металлов, собранных на Болгарском городище, имеется небольшая группа предметов, которые относятся к периоду, предшествующему образованию Волжской Болгарии. Введение этого материала в научный оборот представляет определенный интерес, так как он может служить некоторым дополнением к кругу источников, связанных с проблемой формирования этноса и культуры населения Болгарского государства.

* * *

В выделенную группу находок включены две подвески, четыре шумящих украшения и пять привесок к ним, три пряжки, бляха из поясного набора и зеркало. Все изделия бронзовые, литые.

Подвески имеют колесовидную форму. Одна из них (рис. 1. 1), отлита по восковой модели. Ободок выполнен из тонких жгутиков. От центра расходятся гладкие радиальные перемычки. Диаметр подвески 3,1 см.

Подобные украшения были распространены в Волго-Вятском районе в VI—IX вв. (1. С. 71, рис. 2).

Вторая подвеска (рис. 1, 2). изготовлена в глиняной форме по оттиску готового изделия. Она состоит из двух концентрически расположенных колец, соединенных перемычками. По периметру колец имеются выпуклины. Диаметр подвески 6,7 см.

Находки аналогичных украшений известны в Прикамье и Башкирии в памятниках VI—VII вв. (1. С. 69—70, рис. 1; 2. Табл. 16, рис. 7).

Среди шумящих украшений, являющихся, как известно, характерным элементом материальной культуры финно-угорских племен, одна подвеска относится к типу «очковых» (рис. 1, 3). Она оформлена в виде двух круглых щитков, соединенных дужкой и декорированных спиральным узором. В центре щитков и между ними имеются крупинки ложной зерни, а вдоль нижнего края расположены три колечка, в которых укреплены привески в виде «гусиных лапок». Длина подвески 4,3 см.

Аналогичные украшения представлены большим количеством находок в памятниках Прикамья VII—IX вв. Известны они также в синхронных памятниках Удмуртии, Поветлужья, Приладожья (3. С. 82, табл. 46, рис. 4, 5).

Другая шумящая подвеска имеет арочную форму (рис. 1, 4). Арка покрыта рядами жгутообразных полос. Вдоль ее нижнего края расположены три петли, в которых сохранились привески в виде «гусиных лапок». Длина подвески 6,8 см.

Однотипные изделия найдены в могильнике Мыдлань-Шай, что позволяет датировать рассматриваемое украшение VIII—IX вв. (4. Табл. VI, рис. 1).

Третья подвеска кольцевидная (рис. 1, 5). Кольцо, представляющее собой неправильный овал размером $2,9 \times 2,1$ см, оформлено в виде толстого рубчатого жгута со сглаженной верхней частью. В основании кольца сделаны четыре петли, к которым на восьмеркообразных звеньях прикреплены массивные ромбовидные привески длиной 6,4 см, декорированные поперечными и продольными штрихами. Общая длина подвески 11,4 см.

Подобные украшения встречаются на Каме в памятниках VIII—IX вв. (3. Табл. 45, рис. 12, 13).

Четвертая подвеска (рис. 1, 6) имеет вид узкой прямоугольной планки, украшенной жгутообразными полосками. Вдоль нижнего края планки расположено десять петель, в которых на цепочках из двух восьмеркообразных звеньев укреплены конические колокольчики. Длина подвески 9,1 см.

Украшения, аналогичные данной подвеске, характерны для прикамских памятников VII—IX вв. (3. Табл. 45, рис. 22).

Привески к шумящим украшениям, найденные на Болгарском городище, имеют конусовидную форму. Одна привеска крупная, сильно вытянутая, с рельефными полосками на верхнем конце (рис. 1, 7). Ее длина 6,2 см.

Находки аналогичных изделий известны в памятниках ломоватовской культуры (3. Табл. 51, рис. 6—8).

Остальные привески имеют вытянутый в трубочку верхний конец (рис. 1, 8, 9). Некоторые из них украшены гладкими или жгутообразными валиками. Длина привесок 2,4—3,0 см.

Близкие по форме детали шумящих украшений открыты в верхнекамских памятниках VII—IX вв. (3. Табл. 51, рис. 1, 2, 14), а также в удмуртском могильнике Мыдлань-Шай (4, табл. V, рис. 23—26).

Среди пряжек одна рамчатая лировидная и две рамчато-щитковых.

Лировидная пряжка (рис. 1, 10) массивная, с немного выступающими в стороны концами основания. Размеры $2,0 \times 1,8$ см.

Подобные пряжки найдены в памятниках Северного Кавказа VII—VIII вв. (5. С. 112, рис. 6).

Рамчато-щитковые пряжки неоднотипны. Одна из них (рис. 1, 11) имеет овальную рамку и отлитый вместе с нею крестовидный щиток, украшенный оттисками кольцевого пуансона. Размеры пряжки $3,8 \times 2,5$ см.

Находки аналогичных пряжек известны в Крыму в погребениях VII—IX вв. (5. С. 119, рис. 7).

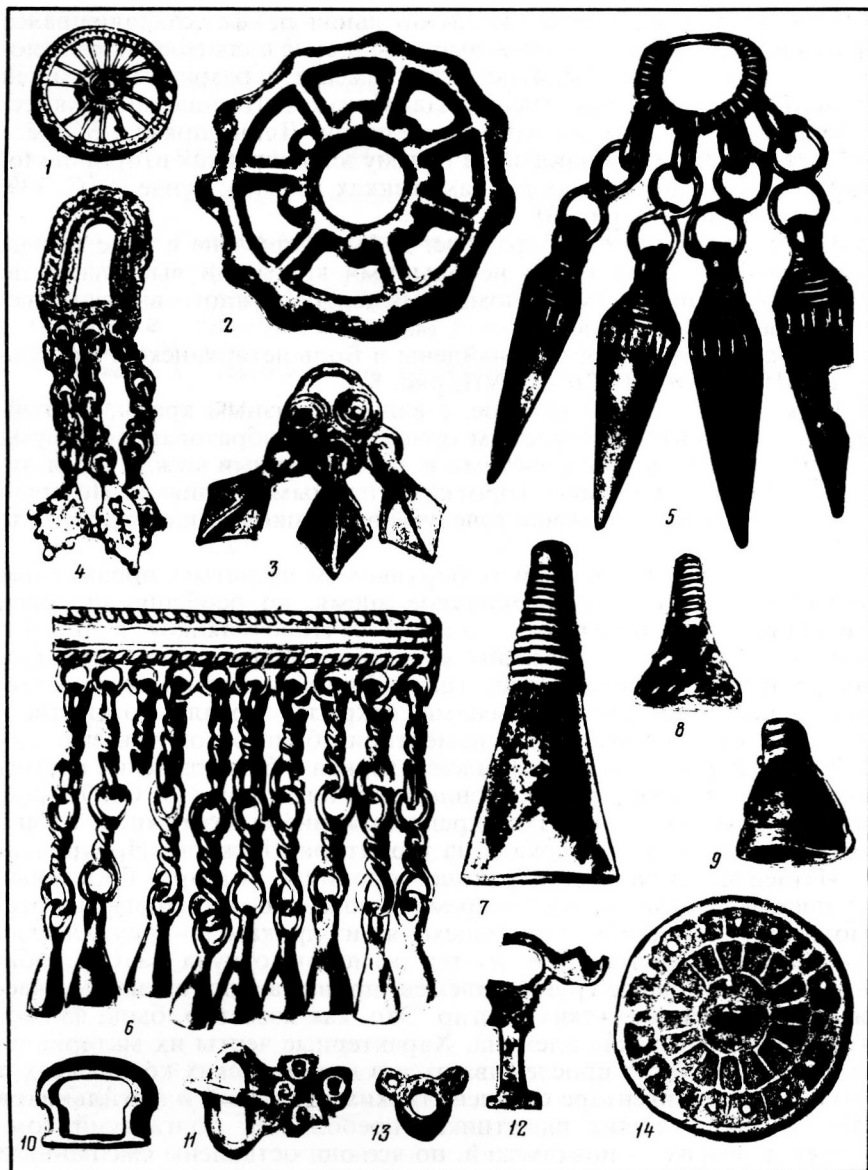

Рис. 1. Бронзовые изделия раннеболгарского времени с территории Болгарского городища

1, 2 — подвески; 3—6 — шумящие украшения; 7—9 — привески к шумящим украшениям; 10—12 — пряжки; 13 — бляха; 14 — зеркало.

1, 2, 5—9 — ГИМ. Случайные находки, колл. Л. О. Сиклера. Инв. № 58456; 3 — ГМТ. Случайная находка. Инв. № 5469; 4, 10, 11 — ГМТ. Случайные находки, колл. А. Ф. Лихачева. Инв. № 7719; 12—14 — ГМТ. Случайные находки, колл. А. Ф. Лихачева. Инв. № 5363

У второй пряжки (рис. 4, 12) овальная рамка, сохранившаяся фрагментарно, имеет боковые выступы в виде стилизованных головок птиц. Т-образный щиток отлит вместе с рамкой и украшен оттисками кольцевого пуансона. На обратной стороне щитка вместо шпеньков сделаны две небольшие петли. Длина пряжки 3,8 см.

Подобные пряжки найдены в Крыму в памятниках второй половины VII в. и синхронных им памятниках авар на Дунае (6. С. 139, рис. 4; 7. С. 88—89, рис. 3).

Бляха от поясного набора (рис. 1, 13) оформлена в виде кольца диаметром 1,3 см с тремя небольшими круглыми выступами по периметру (один выступ обломан). В центре каждого выступа сделано отверстие для шпенька.

Близкие по форме бляхи найдены в Большетарханском могильнике VIII—IX вв. (8. Табл. XVII, рис. 8).

Зеркало (рис. 1, 14) круглое, с валикообразным краем, ручкой-петелькой в центре и ячеистым орнаментом, образованным двумя концентрическими окружностями и заключенными между ними лучеобразно расходящимися короткими прямыми линиями. По краю диска в ячейке расположены точечные выпуклины. Диаметр зеркала 5,1 см.

Зеркала с валикообразным бортиком и ячеистым орнаментом появились еще в позднесарматское время, но особенно широкое распространение получили у племен салтово-маяцкой культуры. Однотипные зеркала известны и в памятниках других культур, синхронных салтово-маяцкой. Так, в Бирском могильнике, оставленном бахмутинскими племенами, открыты зеркала, тождественные по форме, размерам и орнаментации болгарскому экземпляру (2. Табл. 10, рис. 5, 6). Изготовление зеркал у бахмутинских племен зафиксировано находками каменных литейных форм (9. С. 272, рис. 10), что позволяет высказать предположение о возможном производстве описываемого зеркала на территории Южного Приуралья.

Изучение собранных в районе городища Болгары бронзовых украшений раннеболгарского времени показало, что многие из рассмотренных выше находок происходят из прикамско-приуральских или южных областей, т. е. из тех регионов, откуда на Среднюю Волгу шли основные группы племен, принимавших активное участие в этногенезе волжских болгар. Это, как известно, были финно-угорские и болгарские племена. Характерные черты их материальной культуры четко прослеживаются в керамических комплексах и погребальном инвентаре средневолжских поселений и могильников VIII—IX вв. В одних памятниках преобладает болгарский компонент, в других — прикамский, но все они оставлены смешанным населением, что свидетельствует о сложном этногенетическом процессе, который наблюдался в Среднем Поволжье накануне образования Волжской Болгарии.

1. Голубева Л. А. Символы солнца в украшениях финно-угров // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
2. Мажитов Н. А. Бахмутинская культура (этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры). М., 1968.
3. Голдина Р. Д. Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме // ВАУ. Свердловск, 1970. Вып. 9.
4. Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай // ВАУ. Свердловск, 1962. Вып. 3.
5. Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2.
6. Лобода И. И. Новые раннесредневековые могильники в Юго-Западном Крыму // СА. 1976. № 2.
7. Амброз А. К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.) // СА. 1973. № 4.
8. Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М., 1964.
9. Садыкова М. Х. Сарматские памятники Башкирии // МИА. М., 1962. № 115.

Список сокращений

АО	— Археологические открытия
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГМТ	— Государственный музей Татарстана
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИА	— Институт археологии Академии наук СССР
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МАР	— Материалы по археологии России
МАРХИ	— Московский архитектурный институт
МГУ	— Московский государственный университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИСО	— Материалы по изучению Смоленской области
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография

Содержание

СТАТЬИ

М. В. Фехнер

**Древнерусское золотное шитье X—XIII вв.
в собрании Государственного Исторического музея**

3

К а т а л о г

Золотная вышивка

13

В. В. Мурашева

**Семиотический статус пояса
в средневековой Руси**

22

Н. Г. Недошивина

Об одной группе древнерусских амулетов

39

Е. Ю. Новикова

Подвеска с птицей из Владимирских курганов. Опыт атрибуции

46

Т. А. Пушкина

**Изделия косторезного ремесла
из Гнездова**

57

Н. И. Асташова

**Костяные изделия
средневекового Смоленска**

69

ПУБЛИКАЦИИ

А. В. Успенская

Березовецкий могильник X—XII вв.

79

Приложение

125

Н. В. Тухтина

Курганный могильник XI—XII вв. Кобожа II

136

М. И. Гоняный, Н. А. Кокорина, А. Б. Свирина

**Гончарный комплекс первой половины XIII в.
на поселении Монастырщина 5**

143

Г. Ф. Полякова

**Изделия из цветных металлов
раннеболгарского времени
с территории Болгарского городища**

161

Список сокращений

166

Научное издание

Труды Государственного
Исторического музея

Выпуск 82

**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Издательский центр ГИМ

Заведующая Т. А. Кравченко

Редакторы С. А. Левина, Н. С. Макарова

Технический редактор А. П. Гусева

Корректор Р. С. Алимова

Сдано в набор 12.04.93. Подписано к печати 27.12.93
Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсет. Усл. печ. л. 10,5. Усл. кр. отт. 10,5.
Уч.-изд. л. 13,8. Тираж 1000 экз.
Тип. зак. 3105.

Государственный Исторический музей
103012, Москва, Красная площадь.

Типография. Ветошный пер., 2.

Готовится к печати
сборник научных трудов ГИМ
«ОКСКИЕ ПАМЯТНИКИ»

Бассейн Оки, история его населения,
начиная с эпохи неолита и до средневековья, —
вот главная тема книги.

Авторы исследуют новые материалы
и фондовые коллекции,
собранные В. А. Городцовым
и его последователями

Книга рассчитана на широкий круг читателей